МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Белорусский национальный
технический университет

Кафедра «История, мировая и отечественная культура»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ

Минск
БНТУ
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Кафедра «История, мировая и отечественная культура»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ

Под редакцией В. А. Божанова, С. В. Боголейша

Минск
БНТУ
2018

УДК 378.62 (476) (091) (082)
ББК 63.3 (46 Бел) я43
С23

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История, мировая и отечественная культура» *В. А. Божанов*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, мировая и отечественная культура» *С. В. Боголейша*

Рецензент
кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология, социология и социальное управление» *А. Н. Кукса*

В сборнике рассматриваются проблемы истории Беларуси, мировой и отечественной культуры и Великой Отечественной войны в различных их аспектах и масштабах.

Адресуется научным работникам, преподавателям, студентам, а также тем, кто интересуется указанными сферами знаний.

ISBN 978-985-583-200-4

© Белорусский национальный технический университет, 2018

ЦЭНЗУРА ЯК СРОДАК АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ ПАЛІТЫКІ САМАДЗЯРЖАЎЯ

Багдановіч А.І,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Цэнзура ў Расійскай імперыі з’яўлялася важным рычагом правядзення палітыкі самадзяржаўя ў галіне ідэалогіі не толькі на тэрыторыі сучаснай Беларусі, але і ў межах ўсёй краіны. У дадзеным артыкуле мы паставілі мэту прасачаць асноўныя этапы развіцця цэнзуры у Расійскай імперыі і паказаць, што яна, сапраўды, з’яўляляся адным з найважнейшых сродкаў ажыццяўлення ідэалагічнай палітыкі самадзяржаўя.

У гістарыяграфіі праблема цэнзуры ў Расіі XVIII–пачатку XX стст. важна спаслацца на даследаванні А.В. Мезьера [10], А.М. Скабічэўскага [17], К. К. Арсеньева [1], А. Катовіча [8], М.К. Лемке [9], Н.А. Энгельгардта [24] і інш. Шмат увагі гэтай праблеме ўдзялялі шматлікія гістарычныя часопісы таго часу “Рускі архіў” [15] і “Руская даўніна” [16]. Цікавыя звесткі ўтрымліваюць матэрыялы і ўспаміны пра цэнзуру саміх цэнзараў П.А. Валуева [4], А.В. Нікіценкі [11], Е.М. Феакцістава [20] і інш. У савецкі час з’явіліся працы па гісторыі цэнзуры Расійскай імперыі Б.П. Балуева [2], П.А. Зайончкоўскага [7], В.Г. Чарнухі [23]. У постсавецкі перыяд дзейнасць царскай цэнзуры даследавалася А.А. Загонавым [6], П.С. Рейфманам [14], А.В. Блюмам [3], Г.В. Жырковым [5]. Да гэтай праблемы звярталіся і замежныя даследчыкі: найбольш пленна ў гэтым напрамку працавала М. Тэкс Чолдзін [18]

Да 1917 г. ў расійскай цэнзуры склаліся пэўныя традыцыі, былі выпрацаваны разныя яе віды і формы, накіраваныя на ахову асноў дзяржавы і яе інстытутаў, абмежаванне свабоды слова і доступу да featуразнага роду інфармацыі, пераслед іншадумства і г.д. Узнікненне і станаўленне гэтых традыцый прыпадае на праўлення Кацярыны II. Менавіта ў гэты час з’явілася прафесія цэнзара. Цэнзура існавала і да Кацярыны II, але абавязкі па яе ажыццяўленні неслі розныя дзяржаўныя органы [14, с. 25].

Важным наватарствам імператрыцы, стала спроба выдаваць друкаваны орган, які б фаміраваў і накіроўваў грамадскую думку ў патрэбным напрамку. Такім выданнем стаў часопіс «Всякая всячина», які павінен быў фарміраваць станоўчую ацэнку дзейнасці

ўрадавых органаў і не акцэнтаваць ўвагу чытачоў на наяўных праблемах [5, с. 22]. Занепакоеная Французскай рэвалюцыяй і асцерагаючыся яе згубнага ўплыву на імперыю, Кацярына II прыняла рашэнне аб стварэнні інстытута цэнзуры і, адпаведна, увядзення прафесіі цэнзара. Указ быў падпісаны 16 верасня 1796 г. [5, с. 29]. Ен фактычна забараняў друкаваць любыя матэрыялы без папярэдняга адабрэння і дазволу духоўных і свецкіх цэнзараў [21].

Указ імператрыцы меў разбуральныя наступствы для сталічнага друку – былі зачынены многія найбуйнейшыя друкарні Масквы і Пецярбурга, акрамя таго, да канца першага дзесяцігоддзя XIX ст. выдавецкая дзейнасць у правінцыях практычна спынілася [21].

Палітыку Кацярыны II у адносінах да друку працягваў Павел I. Ён удзяляў цэнзуры асаблівую ўвагу – за 4 гады было выдадзена 15 указаў, якія датычыліся цэнзуры. Вось адзін з іх: 11 лютага 1798 г. быў выдадзены імянны ўказ Сенату аб стварэнні цэнзуры пры Радзівілаўскай мытні для Валынскай, Падольскай і Менскай губерняў. Крыху пазней Павел I прыняў рашэнне, каб наогул усе кнігі, дата выдання якіх прыпадае на час Французскай рэспублікі, адразу забараняліся да ўвозу ў Расійскую імперыю.

22 чэрвеня 1799 г. "для прадухілення ўвозу недазволеных кніг" быў заснаваны цэнзурны камітэт у Вільні. Ён складаўся з доктара багаслоўя Аўгусціна Тамашэвіча, адстаўнога палкоўніка Карла Герсдорфа, навукоўца Іосіфа Косаноўскага і Карла Ціля, які разглядаў габрэйскія кнігі. Такім чынам, у камітэце сумяшчаліся царкоўная, свецкая і навуковая цэнзуры. Разам з тым, адразу вызначылася адна з асаблівасцяў Віленскага камітэта – спецыялізацыя па габрэйскай літаратуры. У сферу дзеяння гэтага камітэта ўваходзілі і беларускія губерні [6, с. 31]. У 1800 г. выдаецца распараджэнне пра забарону бесцэнзурнага ўвозу на тэрыторыю імперыі любых кніг, у тым ліку і па музыцы. Тым самым усе папярэднія распараджэнні станавіліся безсэнсоўнымі. Гэты ўказ быў выкліканы тым, што ў Расію, нягледзячы на ўсе строгія забароны, працягвалі паступаць замежныя кнігі, абыходзячы цэнзурныя перашкоды [6, с. 31].

Пасля ўступлення на прэстол Аляксандра I пачаліся карэнныя змены ва ўнутранай і знешняй палітыцы. Адным з першых яго указаў было распараджэнне пра "распечатанне вольных друкарань" і пра адмену забароны на ўвоз замежных кніг. Гэта істотна палегчыла,

ў параўнанні з папярэднім перыядам, становішча друку, у тым ліку і ў Беларусі. Аднак, ужо 14 чэрвеня 1801 г. выйшаў указ, у якім прадпісвалася, каб гаспадары ўсіх друкарань, як казённых, так і прыватных, "ніякіх кніг, якія падлягаюць разгляду цэнзур, без ухвалы адной з іх не друкавалі, пад пагрозай строгага па законах спагнання" [6, с. 32].

У эпоху Аляксандра I ў Беларусі развіцце цэнзуры ў многім звязана з заснаваннем Віленскага універсітэта. У акце аб яго заснаванні ад 4 (16) красавіка 1803 г. адзначалася, што навуковая ўстанова павінна мець цэнзуру для разгляду навуковых прац, што будуць друкавацца ва ўніверсітэцкай друкарні, а таксама для публікацый, што будуць дасылацца з-за мяжы і кніг прынятых да друку ва ўсіх друкарнях Віленскай вучэбнай акругі. Гэта палажэнне знайшло затым адлюстраванне ў Статуце Віленскага ўніверсітэта, як і ў статутах іншых універсітэтаў імперыі. Такім чынам, агульная (свецкая) цэнзура была засяроджана ў ведамстве народнай асветы. Гэта становішча захоўвалася да 1863 г. калі цэнзура была перададзена ў Міністэрства унутраных спраў. Беларускія выданні больш за 60 гадоў праходзілі цэнзуру ва ўніверсітэцкіх цэнтрах Вільні і Санкт-Пецярбурга.

9 ліпеня 1804 г. Аляксандр I зацвердзіў першы цэнзурны статут Расійскай імперыі, які канчаткова абвясціў і аформіў цэнзуру ў якасці дзяржаўнага органа кантролю над друкам. Самым ліберальным у гэтым статуце быў § 21 які абвяшчаў, што цэнзура пры забароне кніг кіруецца "разважлівым паслабленнем", а ў выпадку калі якая-небудзь частка тэксту мае дваякі сэнс, то лепш "тлумачыць гэта спрыяльным для аўтара чынам". Гэта давала аўтарам магчымасць выказваць свае думкі, нават, калі яны не супадалі з афіцыйным пунктам гледжання. Акрамя таго § 22 абвяшчаў, што дапускаецца і нават вітаецца "сціплае і разважлівае даследаванне ўсякай ісціны". Гэтыя два параграфа былі прычынай таго захаплення, з якім першы цэнзурны статут быў прыняты некаторымі сучаснікамі. Многія нават гаварылі пра існаванне свабоды друку ў першыя гады кіравання Аляксандра I. Тым не менш палітычныя падзеі, адносіны Расіі з іншымі дзяржавамі, канстытуцыйнае ўладкаванне і, вядома, прыгоннае права складалі кола тэм, якія забаранялася асвятляць, абмяркоўваць і аналізаваць. Але адразу пасля прыняцця цэнзурнага статуту 1804 г. назіралася

ажыўленне выдавецкай дзейнасці, у т.л і на тэрыторыі Беларусі. Аднаўляюць сваю дзейнасць друкарні ў Вільні і Гародні, якія былі ўладкованыя яшчэ пры польскіх каралях, актыўна працуюць каталіцкія друкарні. Але ў хуткім часе ліберальны дух статуту 1804 г. быў зведзены амаль што на нуль, дзякуючы новым удакладняючым прадпісанням, цыркулярам і распараджэнням урада [6; с. 39].

Пачатак праўлення Мікалая I азнаменаваўся ўзмацненнем цэнзурнага ціску. У 1826 г. пасаду Галоўнага цэнзара цэнзурнага камітэта заняў А.І. Красоўскі, які адрозніваўся рэдкай некампетэнтнасцю ў спалучэнні са службовым ірвеннем. Шматгадовае знаходжанне каля ўлады А.І. Красоўскага прывяло да велізарных завалаў у працы цэнзараў, якія не маглі расчысціць нават і пасля смерці гэтага іх кіраўніка ў 1857 г. Аляксандр Іванавіч за гады службы літаральна стаў фальклорным героем – «увасабленнем цэнзурнага ідыятызму» [5, с. 80]. Тым не менш граф С.С. Увараў, які займаў пасаду Прэзідэнта Акадэміі навук, казаў пра яго наступнае: «Красоўскі ў мяне, як ланцужны сабака, за якім я сплю спакойна» [5, с. 81].

У пачатку 1830-х гадоў граф Увараў заступіў на пасаду Міністра народнай асветы. З яго падачы асноўнымі напрамкамі цэнзурнай палітыкі сталі журналістыка і перыядычны друк, аднак і пра раманістыку граф не забываў. Пад пільнай увагай цэнзараў зноў апынулася французская літаратура, надзвычай папулярная сярод расійскай інтэлігенцыі. Пры яго актыўным удзеле быў забаронены шэраг вядучых часопісаў тых гадоў, у тым ліку “Маскоўскі тэлеграф” і “Тэлескоп” [5, с. 73]. Новы цэнзурны статут, прыняты у 1826 г., увайшоў ў гісторыю пад трапнай назвай “чыгунны статут”. Кіруючыся яго патрабаваннямі нават “Ойча наш”, па словах С.М. Глінкі, можна было вытлумачыць якабінскім прыслоўем. Аднак цэнзурны статут 1826 г., які выклікаў ўсеагульную незадаволенасць, праіснаваў усяго 2 гады. 22 красавіка 1928 г. Мікалай I зацвердзіў новы цэнзурны статут, меншы па колькасці параграфаў (158, замест 230 у папярэднім) і значна “мякчэйшы”, чым папярэдні [6, с. 46].

Рэвалюцыя на Захадзе і асабліва паўстанне 1830 – 1831 гг. аказалі моцны ўплыў на цэнзурную палітыку, сканцантравауўшую ўсе сілы і сродкі на “супакаенні мяцежнага духу” Польшчы і беларускіх губерняў, каб цэнзурнымі мерамі спыніць распаўсюджанне

антыўрадавых ідэй. Гэта, ў першую чаргу, датычылася Беларусі, якая ў поўнай меры адчула пераход у цэнзурнай палітыцы “ад спроб згладжвання палітычных супярэчнасцяў, якія ўзніклі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, да адкрытых дзеянняў і мер, накіраваных да паслаблення польскага ўплыву”. Па патрабаванні III аддзялення, цэнзарам неаднаразова нагадвалася аб абавязку даводзіць да ведама “вышэйшага начальства”, калі на цэнзураванне будзе прадстаўлена сачыненне “парушальніка абавязку вернападданага”. Асобая ўвага цэнзуры ў гэты час, была звернута на перыядычны друк, бо прэса аператыўна перадавала разнастайную інфармацыю і распаўсюджвалася сярод шырокага кола асоб. Так, двойчы ў 1831 г. і тройчы ў наступныя гады цэнзуры прадпісвалася разглядаць перыёдыку з асаблівай увагай, выконваючы “крайнюю абачлівасць” пры строгай адказнасці цэнзара і рэдактара “за ўсякі дрэнны кірунак артыкулаў” [6; с. 50].

У 1836 г. паследавала вядомая забарона часопіса “Тэлескоп” Н.І. Надзеждзіна за публікацыю “філасафічнага ліста” П.Я. Чаадаева, пры гэтым урад у навучанне іншым выдаўцам жорстка пакараў вінаватых: рэдактар часопіса Н.І. Надеждзін быў высланы ва Усць-Усольск пад нагляд паліцыі, цэнзар А.В. Болдыраў адхілены ад службы, а аўтар нашумеўшага ліста абвешчаны вар’ятам [6; с. 51]. Галоўнае кіраванне цэнзуры нават палічыла патрэбным сваімі прадпісаннямі патрабаваць “прыняць да ведама” ў тым ліку і цэнзарам у Вільні і выдаўцам у беларускіх губернях, каб не дапусціць паўтора такой “друкаванай правіны”.

У ліпені 1840 г. Сенат прыняў указ аб тым, каб не выкарыстоўваць назвы “беларускія і літоўскія губерні” і замест іх называць гэтыя губерні па асобнасці (Віцебская, Магілёўская, Віленская, Мінская і Гродзенская), то ва ўсе цэнзурныя органы была разаслана пастанова, каб “зусім не ўжываліся агульныя назвы гэтых губерняў”. У сувязі з гэтым, напрыклад, назва афіцыйнай газеты “Літоўскі веснік” у 1841 г. было зменена на “Віленскі веснік” [6, с. 52].

Так званая “Вясна народаў” 1848 г. – узмацненне рэвалюцыйных рухаў у Заходняй Еўропе, не закранула Расійскую імперыю, але вызначылася пачаткам “эпохі цэнзурнага тэрору”. Камітэт, створаны 2 красавіка 1848 г. для ажыццяўлення асоба пільнага кантролю над творамі, якія выдаваліся на тэрыторыі Расійскай імперыі і дапамогі Міністэрству ўнутраных спраў па пытаннях пакарання «нядбайных»

аўтараў, узмацніў жорсткасць цэнзуры ў краіне. Мэтай кадравай палітыкі цэнзурнага апарата стала замяшчэнне цэнзараў-літаратараў цэнзарамі-службоўцамі. Але яшчэ праз два гады ў палітыцы ўрада зноў сталі назірацца паслабленні цэнзуры. Урад быў зацікаўлена ва ўмацаванні цэнзурнага апарата і падвышэнні яго аўтарытэту, а таксама у спыненні бясконцых спрэчак паміж аўтарамі і рэцэнзентамі. Таму 19 ліпеня 1850 г. былі зацверджаны рэкамендацыі Дзяржаўнай рады пра перавагі пры прызначэнні цэнзараў; дакумент уключаў тры асноўных палажэнні. Першае абвяшчала, што цэнзарамі маглі быць прызначаны «толькі службоўцы, з высокім узроўнем адукацыі. Паводле другога, цэнзары павінны быць «пры тым досыць азнаёмлены з гістарычным развіццём і сучасным рухам айчыннай ці замежнай славеснасці». У трэцім значылася, што цэнзары «падчас заняцця гэтай пасады не павінны разам з ёю несці ніякіх іншых абавязкаў». Істотна павышалася аплаты працы цэнзараў. Гэтыя меры прывялі да таго, што якасць цэнзуры значна ўзрасла. Так, шэрагі цэнзараў папоўнілі Ф.І. Цютчаў, А.Н. Майкоў, Я.П. Палонскі і некаторыя іншыя вядомыя літаратары свайго часу [5, с. 86-87]. З прыходам Цютчава на пост старшыні Камітэта замежнай цэнзуры апошні зведаў кардынальныя змены, уступіўшы ў фазу новага развіцця. Аб'яднанне вакол Фёдара Іванавіча паэтаў-цэнзараў, ператварыла канцылярскую ўстанова ў літаратурны салон [18, с. 73].

Змена палітычнага курсу ўрада ў сувязі са смерцю Мікалая І і ўзыходжаннем на прэстол Аляксандра ІІ праявілася і ў вобласці цэнзуры. Грамадская думка стала актыўна выступаць за перагляд цэнзурнага заканадаўства і, першым чынам, адмены шматлікіх дадаткаў да цэнзурнага статуту 1828 г., бо гэта ўжо не задавальняла ні ўрад, ні грамадства [6, с. 52].

Новы цар у вобласці цэнзуры паспрабаваў весці больш гнуткую палітыку. Напрыклад, Рада міністраў, нарэшце, прызнала, што згадванні ў друку пра беспарадкі і злоўжываннях могуць быць карыснымі, бо даюць магчымасць ураду атрымліваць звесткі апроч афіцыйных крыніц. Пачалося паступовае пашырэнне галоснасці, якую адстойвалі многія нават у асяроддзі ўрадавых службоўцаў. Было значна спрошчана з'яўленне новых перыядычных выданняў. За перыяд з 1845 па 1854 гг. з'явілася 6 новых газет і 19 часопісаў, а ў 1855 – 1864 гг. 66 газет і 158 часопісаў. Прычым, у гэту

статыстыку не ўключаліся выданні ўрадавых устаноў і навуковых таварыстваў [6, с. 56].

Ад папярэдняй цэнзуры ў сталічных гарадах былі вызвалены выданні аб'ёмам больш дваццаці друкаваных лістоў, а таксама ўрадавыя і навуковыя выданні на ўсёй тэрыторыі імперыі. Адказнасць ускладалася на выдаўцоў [12, с. 11]. Адной са спроб прыстасаваць цэнзурны апарат да ўскладненай дзейнасці было прамое ўцягванне ў сферу кантролю за друкам МУС. Увесь 1862 г. за літаратурай сачылі два міністэрствы: Міністэрства народнай асветы і Міністэрства унутраных спраy. Кампетэнцыя іх была размежавана наступным чынам: МНС ведала папярэдняй цэнзурай, а МУС – карнай, пры якой караліся цэнзурныя органы і друк за пропуск "сумніўных" матэрыялаў [6;,с. 57]. У студзені 1863 г. было вырашана выключыць цэнзуру з вядзення МНС, перападпарадкаваўшы яе МУС, дзе была створана рада міністра па справах кнігадрукавання. Пераход кантролю над друкам цалкам у рукі паліцэйскага ведамства сведчыць пра тое, што ўрад пачынае аддаваць перавагу карнай цэнзуры.

6 красавіка 1865 г. былі выдадзены «Часавыя правілы аб цэнзуры і друку». Паводле гэтых правіл Галоўнае Кіраванне па справах друку было падпарадкавана міністру ўнутраных спраў. Акрамя таго правілы вызвалялі ад папярэдняй цэнзуры ў абедзвюх сталіцах: 1) усе выходзіўшыя дагэтуль у свет перыядычныя выданні, выдаўцы якіх самі заявяць на тое жаданне; 2) усе арыгінальныя сачыненні аб'ёмам не меней 10-ці друкаваных лістоў і ўсе пераклады, аб'ёмам не меней 20-ці друкаваных лістоў. Па усей тэрыторыі імперыі ад папярэдняй цэнзуры вызваляліся: 1) усе ўрадавыя выданні; 2) усе выданні акадэмій, універсітэтаў і навуковых таварыстваў і ўстаноў; 3) усе выданні на старажытных класічных мовах і пераклады з гэтых моў; 4) чарцяжы, планы і карты [5, с. 146.]

Выданні, вызваленыя ад папярэдняй цэнзуры, усё ж падлягалі цэнзурнаму кантролю. Газеты трэба было здаваць у цэнзуру ў гранках да друку асноўнага тыражу, часопісы – за 2 дня, а кнігі – за 3 дня да пачатку продажу (у 1872 годзе тэрмін быў павялічаны адпаведна на 4 і 7 дзён). За гэты час цэнзары павінны былі прагледзець выданне і або дазволіць яго распаўсюджанне, або забараніць яго, затрымаць тыраж і прыступіць да судовага пераследу вінаватых. Найбольш цяжкія парушэнні (абразлівыя водзывы аб

законах і ўрадавых распараджэннях, заклікі, накіраваныя на ўзбуджэнне варожасці паміж рознымі пластамі насельніцтва ці саслоўямі) караліся турэмным зняволеннем тэрмінам да 16 месяцаў, арыштам на тэрмін да 4 месяцаў, ці штрафам у памеры да 500 рублёў. За аспрэчванне асноў уласнасці ці сямейнага саюза належыў арышт на тэрмін да 6 тыдняў ці штраф у памеры да 300 рублёў. За абвяшчэнне звестак, якія шкодзяць добраму імю, гонару і годнасці асоб ці ўстаноў, пакаранне складала да 16 месяцаў турэмнага зняволення ці да 500 рублёў штрафу. Злаславе і лаянка караліся турэмным зняволеннем да 6 месяцаў, арыштам да 3 тыдняў ці штрафам да 300 рублёў. Пры выяўленні пералічаных парушэнняў закона суд мог не толькі пакараць вінаватых, але і прыпыніць выданне на любы тэрмін ці зусім забараніць яго. Рэдактары і выдаўцы ў выпадку вынясення абвінаваўчага прысуду дыскваліфікаваліся на 5 гадоў. Абмеркаванне законаў, якое не ўтрымоўвае заклікаў да непадпарадкавання ім ці абразлівых выразаў, не лічылася злачынствам.

У цэлым адмена папярэдняй цэнзуры зрабіла кантроль над прэсай больш цвёрдым. Раней выдаўцы маглі зусім бяспечна, не падвяргаючыся рызыцы якіх-небудзь пакаранняў, узгадніць спрэчныя тэксты ў момант абмеркавання іх з цэнзарам. Зараз жа выдаўцы не мелі афіцыйнай магчымасці папярэдне кансультавацца з цэнзурай, за дапушчаныя памылкі іх чакаў у лепшым выпадку буйны штраф.

Практыка ж у адносінах кнігавыдаўцоў апынулася не такой цвёрдай – паступова выдавецтвы наладзілі неафіцыйныя сувязі з цэнзурай і ўзгаднялі рукапісы, а не гатовыя тыражы, выпраўляючы паказаныя цэнзарамі месца, што абараняла ад фінансавых страт і, у сутнасці, уяўляла сабою нефармальнае вяртанне да папярэдняй цэнзуры. У наступныя 40 гадоў цэнзурныя правілы станавіліся ўсё больш і больш жорсткімі. З 1868 гады Міністр унутраных спраў атрымаў права забараняць рознічны продаж перыядычных выданняў. Для шматлікіх газет такое пакаранне было раўназначна іх закрыццю. З 1872 г. Камітэт міністраў атрымаў права знішчаць тыражы кніг без узбуджэння судовага пераследу. Сакрэтны разгляд у Камітэце міністраў быў больш прымальным для выдаўцоў, чым адкрытае і фармальнае судаводства, так што з увядзеннем дадзенай меры судовае пераследванне выдаўцоў і аўтараў кніг практычна

спынілася, змяніўшыся знішчэннем тыражоў. З 1873 г. упраўленне па справах друку пачало рассылаць рэдактарам перыядычных выданняў спісы тэмаў і падзей, абвяшчэнне і абмеркаванне якіх урад мяркуе непажаданым. Парушэнне гэтых рэкамендацый вяло да прымянення санкцыі да парушальніка. З 1882 г. забараняць выданні мог не толькі Сенат, але і нарада міністраў унутраных спраў, юстыцыі, народнай асветы і обер-пракурора Сінода. З 1897 г. стала немагчымым перадаваць дазволенае выданне ад аднаго выдаўца да іншага без узгаднення з уладамі [19].

Нягледзячы на усе абмежаванні да пачатку XX стагоддзя ў Расіі назіралася лавінападобнае павелічэнне колькасці перыядычных выданняў. Гэты ж час адзначыўся станаўленнем правінцыйнага друку, доля якога на рынку перыёдыкі імкліва расла. Да пачатку рэвалюцыі ў краіне выходзіла больш трох тысяч часопісаў і газет, каля тысячы з якіх мелі палітычную скіраванасць [21]. Рэвалюцыя 1905 года спарадзіла блытаніну ў сферы цэнзуры. Спробы «замоўчвання» рэвалюцыйных падзей праваліліся, кантроль над прэсай быў часова згублены [5, с. 186].

Каб збіць рэвалюцыйную хвалю урад, 17 кастрычніка 1905 г. апублікаваўшы “Маніфест”, паводле якога ўсім падданым імперыі «дараваліся непарушныя свабоды на пачатках сапраўднай недатыкальнасці асобы, свабоды сумлення, слова, збораў, саюзаў». Пасля абвяшчэня “Маніфеста” кіраўнікі найболей аўтарытэтных часопісаў і газет заклікалі калегаў зусім адмесці ўсе патрабаванні цэнзуры і друкавацца без аглядкі на яе. Стала з’яўляцца мноства газет і часопісаў, прывабленых «свабодай слова». Аднак ўжо з канца лістапада 1905 г. Міністэрства ўнутраных спраў пачало рэпрэсіі супраць журналістаў, а затым шматлікія арышты і судовыя працэсы над выдаўцамі, што вымусіла антыўрадавую прэсу згарнуць сваю дзейнасць[21].

У наступным 1906 г. цэнзурнае заканадаўства паспрабавалі прыстасаваць да змяніўшыхся умоў. 18 сакавіка 1906 г. выходзіць Імянны ўказ «Дадатак да часавых правіл для перыядычных выданняў», 26 красавіка – «Часовыя правілы дя неперыядычнага друку». «Часовыя правілы» былі набліжаны да еўрапейскіх законаў – забарона любых выданняў было магчыма выключна ў судовым парадку [3; с. 68]. Новыя правілы адмянялі папярэднюю цэнзуру, але камітэты па друку праглядалі выданні, якія выходзілі.

Накладанне санкцый было магчыма ў выпадку, калі выданні парушалі крымінальны закон.

Пры ўвядзенні ў асобных губернях становішча надзвычайнай аховы ці ваеннага становішча генерал-губернатары і губернатары атрымлівалі права прыпыняць выпуск перыядычных выданняў. У 1905 – 1907 гадах становішча надзвычайнай аховы ўводзілася ў 27, а ваеннае становішча – у 40 губернях і абласцях. Яшчэ адным метадам ціску на прэсу была адміністрацыйная, гэта значыць зробленая па распараджэнні губернатараў без усякага фармальнага разгляду, высылка непажаданых ураду рэдактараў і журналістаў. Вялікі грамадскі рэзананс атрымала высылка ў Мінусінск папулярнага літаратара А.В. Амфітэатрава (1902 г.) за апублікаванне фельетона «Спадары Падманавы», які прадставіў царскую сям'ю ў карыкатурным выглядзе [5, с. 183].

За дзесяць дзён да пачатку Першай Сусветнай вайны выйшла «Часавае палажэнне пра ваенную цэнзуру», якое уводзіла надзвычайныя абмежаванні на свабоду друку. У выніку за першы год вайны на прэсу было накладзена 372 штрафы на суму 140 тысяч рублёў, канфіскавана 216 нумароў газет, арыштаваны 63 рэдактары, забаронена 20 газет. Асобаму кантролю падвяргаліся франтавыя журналісты – быў уведзены інстытут акрэдытацыі. Перыяд Першай сусветнай вайны характэрны ўзмацненнем эканамічнага ціску ўрада на выдаўцоў, вялікая колькасць журналістаў падкуплялася, Міністэрства ўнутраных спраў актыўна субсідзіравала і фінансавала часопісы, ствараючы "лаяльныя да ўлады выданні" [5, с. 195].

Нягледзячы на ўсе гэтыя абмежаванні канец XIX – пач. XX ст. – стаў часам «росквіту рускай журналістыкі». Незадаволенасць рэпрэсіямі МУС, дыскусіі пра «свабоду слова», што распачаліся ў прэсе ўскалыхнулі выдаўцоў і журналістаў, якія сталі ў апазіцыю ўрадавым структурам і зрабілі нямалы унёсак у стварэнне рэвалюцыйнай сітуацыі ў краіне [21]. Прафесар Мар'яна Тэкс Чолдзін, якая прысвяціла буйнае даследаванне дзейнасці імперскай цэнзуры ў дачыненні замежных кніг, адзначае, што замежная літаратура з'яўлялася самым папулярным чытаннем у асяроддзі адукаванага насельніцтва Расійскай імперыі. Прызнаючы небяспеку «разбуральнага заходняга ўплыву», урад спрабаваў ахаваць ад яго грамадзян сваёй краіны [18, с. 49]. Спачатку ён імкнуўся да недапушчэння крытычных думак у адносінах да інстытута

самадзяржаўя. Дадзены цэнзурны кірунак у стаўленні да замежнай літаратуры ўпершыню ярка выявіўся на фоне шматлікіх еўрапейскіх рэвалюцый сярэдзіны XIX стагоддзя, калі Расія «з двойчы ўзросшым стараннем стала ўзводзіць плот вакол імперыі», асцерагаючыся, што ліберальныя ідэі знойдуць адбітак у сэрцах людзей – найвялікая ўвага пры гэтым надавалася айчыннай перыёдыцы, здольнай гэтыя ідэі данесці да радавога чытача простай і зразумелай мовай. Але рускі імперскі рэжым правалiў сваю місію. Як высвятлілася, плот, збудаваны вакол імперыі, не змог абараніць краіну ад сапраўды небяспечных ідэй і прывеў Расійскую імперыю да гібелі.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Арсеньев, К.К. Законодательство о печати/ К.К. Арсеньев. – СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903 . – 263 с.
2. Балуев, Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика / Б.П. Балуев. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 315 с.
3. Блюм, А.В. От неолита до Главлита / А.В. Блюм. – СПб.: Искусство России, 2009. – 272 с.
4. Валуев, П.А. Дневник / П.А. Валуев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 587с.
5. Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX – XX века / Г.В. Жирков. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 368 с.
6. Загонов, А.А. Цензурная политика самодержавия в Беларуси в первой половине XIX в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; 07. 00. 02 – отечественная история. / А.А. Загонов. – Брест,1997 год. – 127 с.
7. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. – М., Изд-во Мысль, 1970. – 444 с.
8. Котович, А. Духовная цензура в России (1799 – 1855 гг.) / А. Котович. – СПб.: Типография "Родник", 1909. – 270 с.
9. Лемке. М.К. Эпоха цензурных реформ / М.К. Лемке. – СПб, Изд-во Типолитография "Герольд", 1904. – 421 с.
10. Мезьер, А.В. Русская словесность с XI по XIX ст. включительно. В 2-х ч. / А.В. Мезьер. – СПб.: Типография А. Пороховщикова. – 1899.

11. Никитенко, А.В. Записки и дневник. В 3 томах / А.В. Никитенко. – М.: Художественная литература, 1955. Т. 1 – 590 с.; Т. 2 – 653 с.; Т. 3 – 583 с.

12. Патрушева, Н.Г. Цензурная реформа 1865 г. в России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 07.00.02 – история СССР. – Ленинград, 1990. – 20 с.

13. Патрушева, Н.Г., Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в XIX – начале XX века / Н.Г. Патрушева, Н.А. Гринченко. // Электронный ресурс https://ru. pseudology.org.

14. Рейфман, П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. Курс лекций. В 2-х томах / Под ред. Г.Г. Суперфина. – М.: «Пробел – 2000», – 2015. – 232 с.

15. «Русский архив» Все номера журнала на сайте Руниверс. http://www.runivers.ru

16. Русская старина: Ежемесячное историческое издание 1870 – 1918 гг: в 175 т. Репринтное издание. – СПб.: Альфарет, 2007 – 2009.

17. Скабичевский, А.М. Очерки по истории русской цензуры / А.М. Скабичевский. – СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1892. – 328 с.

18. Тэкс Чолдин, Марианна. Империя за забором. История цензуры в царской России / пер. с англ. М. Галушкиной. – М.: Рудомино, 2002. – 309 с.

19. Устав о цензуре и печати, с позднейшими дополнениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и административными распоряжениями / Сост. В.П. Ширков. – СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1900. – 302 с.

20. Феоктистов, Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. / Е.М. Феоктистов. – Л.: Прибой, 1929. – 243 с.

21. Цензура в Российской империи // https://ru.wikipedia.org/wiki

22. Цензура. Большая советская энциклопедия. -slovari.yandex.ru.

23. Чернуха, В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В.Г. Чернуха. – Л.: Знание, 1978. – 76 с.

24. Энгельгардт, Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903) / Н.А.Энгельгардт. – СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904. – 388 с.

РАСІЙСКА-ЛІТОЎСКІ МІРНЫ ДАГАВОР 12 ЛІПЕНЯ 1920 Г. І АДНОСІНЫ ДА ЯГО БЕЛАРУСКІХ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ І АРГАНІЗАЦЫЙ

Багалейша С.В.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Гісторыя Беларусі навейшага часу фарміравалася не толькі і не столькі пад уплывам унутраных працэсаў і фактараў, колькі пад уздеяннем знешнепалітычных сіл краін - Расіі, Польшчы, Украіны, Літвы, Латвіі, Германіі, Францыі, Англіі і ЗША. У пераломныя моманты нашай айчыннай гісторыі іх уплыў на лёс Беларусі і фарміраванне нацыянальнай дзяржаўнасці быў значны, а ў шэрагу выпадкаў і вызначальны. Беларускія этнічныя тэрыторыі не аднойчы падвяргаліся захопам і падзелам з боку суседзяў. Чарговы падзел беларускіх зямель адбыўся ў выніку падпісання мірнага дагавора паміж Савецкай Расіяй і Літвой. Гэты дагавор – з’ява цікавая і складаная, і на сённяшні дзень патрабуе дэталёвага даследавання.

У перыяд 1919–1920 гг. маладой літоўскай дзяржаве было вельмі важна атрымаць міжнароднае прызнанне. На гэта паўплывала і складанае міжнароднае становішча: ішла польска-савецкая вайна. 22 красавіка польскія войскі поўнасцю авалодалі Вільняй і захапілі шэраг літоўскіх гарадоў. Праблему нашых паўночных тэрыторый Польшча імкнулася вырашыць дыпламатычным шляхам. Рашэннем Вярхоўнага Савета Антанты ад 18 чэрвеня, а потым ад 27 ліпеня былі праведзены дэмаркацыйныя лініі, якія раздзялілі ўдзельнікаў канфлікту – польскі і літоўскі бакі. У адпаведнасці з гэтым рашэннем за акупацыйнымі польскімі ўладамі быў пакінуты Віленскі край. З мэтай прыпыніць размовы аб акупацыі Віленшчыны польскія ўлады прапанавалі правесці на яе тэрыторыі плебісцыт. Гэта, вядома, не задавальняла ўрад Літвы, таму што ён добра прадбачыў яго вынікі і катэгарычна выступіў супраць яго.

У такіх умовах, нягледзячы на прыязныя адносіны з урадам Беларускай Народнай Рэспублікі і заключаны з Вышэйшай Беларускай Радай дагавор аб супрацоўніцтве ад 27 лістапада 1918 г., літоўскія ўлады скіравалі свой позірк на Савецкую Расію і пайшлі на падпісанне мірнага дагавора. Справа была ў тым, што са студзеня 1920 г. знешняе становішча Літвы было такім, што яна павінна

была пасляшацца з мірнымі перагаворамі з РСФСР. Над Літвой навісла пагроза акупацыі польскімі войскамі. Падпісанне міру з Савецкай Расіяй давала Літве надзею на паляпшэнне свайго палітычнага і эканамічнага становішча. Кабінет Э. Гальванаўскаса ніяк не мог вырашыць фінансавыя і гаспадарчыя цяжкасці, некалькі разоў беспаспяхова імкнуўся атрымаць грашовую пазыку ў кіраўніцтва ЗША, Англіі і Францыі. Усе гэта абвастрыла ўнутрыпалітычныя супярэчнасці: 22–23 лютага 1920 г. адбылося буйное паўстанне ў літоўскай арміі, што падштурхнула правячыя колы заключыць мір з Савецкай Расіяй. Заключэнню міра спрыяла таксама паспяховае заканчэнне савецка-эстонскіх перагавораў – 2 лютага 1920 г. паміж Эстоніяй і Савецкай Расіяй быў падпісаны мірны дагавор.

У сваю чаргу, савецкі бок разлічваў на мірны дагавор з Літвой, зыходзячы з двух асноўных матываў. Па-першае, Масква разглядала дагавор праз прызму ленінскай тэорыі міравой сацыялістычнай рэвалюцыі і геапалітычных абставін. У якасці аб’екту экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі была вызначына Прыбалтыка, і ў тым ліку Літва. Па-другое, Расія павінна была пасляшацца з заключэннем міру, так як на літоўскія тэрыторыі прэтэндавала Польшча. У сваіх знешнепалітычных планах Ю. Пілсудскі зыходзіў з ідэі аб’яднання тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Акрамя таго, ішла савецка-польская вайна, якая была вельмі складанай для Савецкай Расіі. Для Літвы мірны дагавор таксама быў патрэбны, бо з’явілася магчымасць выйсці з ізаляцыі, у якой краіна апынулася восенню 1919г., пасля таго, як не атрымалася стварыць Балтыйскі саюз.

Мірныя перагаворы паміж Літвой і Савецкай Расіяй працягваліся каля двух месяцаў і былі не вельмі лёгкімі. Па словах літоўскага дзеяча Э. Гальванаўскаса, “воз переговоров не раз застревал”; аднак “невидимая рука вновь выводила его на гладкий путь” [9, с. 87]. Для кампраміснага вырашэння пытання абодва бакі не раз вымушаны былі ісці на значныя ўступкі.

Яшчэ падчас актыўных дзеянняў на фронце польска-савецкай вайны 11 верасня 1919 г. урад РСФСР звярнуўся да ўрада Літвы з прапановай заключыць мір на аснове прызнання незалежнасці літоўскай дзяржавы [9, с. 85]. 31 сакавіка 1920 г. урад Літвы выказаў гатоўнасць заключыць мір з Савецкай Расіяй пры ўмове не толькі прызнання незалежнасці Літвы, але і прызнання яе

дзяржаўнасці ў граніцах Віленшчыны (са сталіцай Вільна) і Гродзеншчыны, дзе літоўскае насельніцтва складала меншасць. Тэрытарыяльная праблема падчас перагавораў займала цэнтральнае месца.

2 красавіка 1920 г. урад РФСФР пагадзіўся на выкарыстанне этнаграфічнага прынцыпу для вызначэння межаў Літоўскай дзяржавы, аб чым праінфарміраваў літоўскі бок у афіцыйнай дыпламатычнай ноце. У гэтым жа дакуменце ўрад РСФСР прапанаваў пачаць мірную канферэнцыю ў Маскве 15 красавіка 1920 г. 4 красавіка 1920 г. міністр замежных спраў Літвы накіраваў народнаму камісару па замежных справах РСФСР Г.В. Чычэрыну дыпламатычную ноту адносна гатоўнасці Савецкай Расіі прызнаць за Літвой Вільню і Гродна. У дакуменце таксама літоўскі бок патрабаваў, каб Савецкая Расія прызнала незалежнасць Літвы яшчэ да падпісання мірнага дагавора, і толькі на такіх умовах літоўцы пагаджаліся распачаць перамовы. Дыпламатычная перапіска адносна будучых перагавораў паміж урадамі дзвюх краін ішла на працягу ўсяго красавіка [4, с. 43].

У красавіку 1920 г. сярод літоўскіх палітыкаў распачалася дыскусія. Члены літоўскага ўрада гатовы былі падтрымаць праект, прапанаваны віцэ-міністрам замежных спраў Петрасам Клімасам, у якім гаварылася пра патрабаванні далучыць да Літвы Сувалкаўскую, Ковенскую і Віленскую губерні і Панямонне Гродзенскай губерні. На слонімскіх землях планавалася правесці плебісцыт, а да таго ўвесці там часовае кіраванне [10, с. 50]. Некаторыя паслы новаабранага літоўскага сейма былі менш прагныя, напрыклад, сацыял-дэмакраты. А незалежнік Сцяпанас Кайрыс выказаў сумненне наконт вырашэння пытання аб слонімскай зямлі, будучы перакананым, што гэта этнічная частка Беларусі. Тэрытарыяльная праграма літоўскай дэлегацыі, з іх пункту гледжання, як бы грунтавалася на этнічным прынцыпе і нібы ўлічвала патрэбы беларускага і яўрэйскага насельніцтва [9, с. 197]. Між тым на тэрыторыі, якую жадалі атрымаць літоўцы, згодна з Усерасійскім перапісам насельніцтва 1897 г., літоўцы складалі толькі ад 1,4 да 8 працэнтаў. На самой справе урад Літвы выкарыстоўваў Беларусь як палітычны інструмент для рэалізацыі сваіх тэрытарыяльных праектаў [11, с. 8]. Амбіцыёзныя патрабаванні літоўскай дэлегацыі на перагаворах у пачатку былі

рашуча адхілены савецкім бокам. Савецкая дэлегацыя на перамовах кіравалася ўстаноўкай: як мага менш даваць Літве юрыдычных абавязацельстваў і як мага больш зрабіць яе залежнай ад Расіі. Затым сітуацыя значна змянілася.

Урэшце сярод літоўскіх палітыкаў перамог урадавы пункт гледжання. У падрыхтаваным праекце трактату, які быў накіраваны ў Маскву, гаварылася, што літоўскай прызнаецца тэрыторыя трох губерняў: Сувалкаўскай, Ковенскай і Віленскай. Акрамя таго, пад уладай Літвы павінна застацца слонімская зямля, якая вызначалася як частка Гродзенскай губерні, але без Брэсцкага і Кобрынскага паветаў, аднак з Навагрудскім паветам Мінскай губерні. Гэтым мясцовасцям Літва гатова была даць права на самавызначэнне.

У склад літоўскай дэлегацыі на мірныя перагаворы з Расіяй быў уключаны Дамінік Сямашка. 2 мая 1920 г. ён адправіў В. Ластоўскаму ліст, у якім дакладваў аб праекце літоўскага ўрада наконт становішча беларускіх этнаграфічных зямель у складзе Літвы. Па-першае, гаварылася ў ім, Літва прымае Гродзеншчыну пад свой часовы пратэктарат. Па-другое, на яе тэрыторыі будзе створана спецыяльная беларуская дзяржаўная арганізацыя са сваім сеймам, выканаўчым апаратам і іншымі структурамі. Па-трэцяе, жыхары гэтага краю праз пэўны час вырашаць, ці яны застануцца ў складзе Літвы, ці далучацца да беларускай дзяржавы [10, с. 50–51]. В. Ластоўскі пагадзіўся на гэтыя ўмовы, але патрабаваў гарантый ад літоўскага бока, якіх ён так і не дачакаўся.

7 мая 1920 г. у Маскве пачаліся мірныя перагаворы. У самым пачатку іх літоўская дэлегацыя выставіла максімальныя патрабаванні – далучыць да Літвы Ковенскую, Віленскую, Сувалкаўскую і Гродзенскую губерні, а таксама Навагрудскі ўезд Мінскай губерні. Яна выкарыстоўвала яшчэ і такі аргумент, як права беларусаў на самавызначэнне, але ў перагаворах ён быў вельмі слабым. 9 мая член літоўскай дэлегацыі Д. Сямашка выступіў з заявай аб тым, што на падставе беларуска-літоўскіх пагадненняў ён будзе абараняць беларускія тэрытарыяльныя інтарэсы “ад імперыялістычных памкненняў Польшчы і Савецкай Расіі” [16, с. 206]. Таксама ён звярнуў увагу на тое, што расійскі бок нядобразычліва адносіўся да беларусаў, так як на перамовах расійскія прадстаўнікі ні разу не сказалі пра Беларусь, нават пазбеглі выкарыстоўваць гэтую назву [14, л. 8]. Заява выклікала пратэст з боку кіраўніка савецкай дэлегацыі на перагаворах

А.А. Іофэ, які паставіў пад сумненне правамоцтва Д. Сямашкі выступаць ад імя беларусаў. Трэба засяродзіць увагу на тым, што падчас перагавораў Д. Сямашка займаў вельмі супярэчлівую пазіцыю. З аднаго боку, ён выступаў за поўнае самавызначэнне Беларусі, непадзельнасць яе тэрыторыі, на якую, па яго заяве, пасягалі Польшча і Расія. З другога боку, Д. Сямашка быў руплівым прыхільнікам далучэння да Літвы Гродзеншчыны і іншых беларускіх тэрыторый, падтрымліваючы ідэю "Вялікай Літвы". Пры абгрунтаванні гэтай пазіцыі ён спасылаўся на волю беларускага насельніцтва, выяўленую нацыянальным кангрэсам Гродзенскага краю (1–3 снежня 1918 г.). Такі крок, па яго меркаванні, адкрываў перспектыву ўз'яднання беларуска-літоўскай дзяржавы [14, л. 9]. У сваю чаргу, у маі 1920 г. В. Ластоўскі запатрабаваў ад Д. Сямашкі гарантый таго, што беларусы атрымаюць аўтаномію ў складзе Літоўскай дзяржавы і на спрэчных тэрыторыях будзе праведзены плебісцыт адносна іх будучай прыналежнасці. Не атрымаўшы такіх гарантый, беларусы выступілі супраць уключэння беларускіх тэрыторый у склад Літвы [17, с. 274]. А Цэнтральная беларуская рада Віленшчыны і Гродзеншчыны 6 мая накіравала пратэст на імя наркама замежных спраў РСФСР Г. Чычэрына супраць удзелу Д. Сямашкі ў савецка-літоўскіх перамовах у якасці прадстаўніка беларускага народа, аднак пратэст не быў заўважаны. Апрача таго, як літоўцы рыхтаваліся выехаць ў Маскву, В. Ластоўскі самастойна прапанаваў Савецкай Расіі прызнаць БНР і распачаць мірныя перагаворы і выслаць на гэтыя перагаворы сваю дэлегацыю [1, с. 724].

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, літоўскія дэлегаты і надалей вышуквалі новыя аргументы, каб апраўдаць свае прэтэнзіі на землі Гродзеншчыны. П. Клімас даказваў, што яны спрадвечна належалі Літве. Савецкі бок не хацеў прымаць літоўскія "гістарычныя" аргументы, даказваючы, што для яго галоўнае – права народа на самавызначэнне. У адказ на літоўскія сцвярджэнні савецкая дэлегацыя 15 мая прадставіла этнаграфічную карту, на якой было паказана рассяленне літоўцаў толькі на тэрыторыі Сувалкаўскай, Ковенскай і заходняй частцы Віленскай губерняў (нават без Вільні). Паводле савецкага праекта граніца павінна была праходзіць ад возера Дрысвяты да Пастаў, адтуль да Ашмянкі і далей праз Дзевянішкі і Дубічы да чыгункі Гродна – Вільня [16, с. 206]. 26 мая кіраўнік літоўскай дэлегацыі П. Клімас пісаў міністру замежных

спраў аб хісткасці літоўскіх прэтэнзій на тэрыторыі Гродзенскай губерні. “Рускія прынцыпова не могуць задаволіць нашы патрабаванні, так як у Лідскім, Ашмянскім і асабліва Гродзенскім паветах, без сумнення, пражывае большасць беларусаў і рускіх… У нас сапраўды няма ніякіх этнаграфічных доказаў, акрамя некалькіх непераканаўчых успамінаў аб тым, што ў некаторых месцах жыхары выкарыстоўваюць літоўскую мову… Не змаглі пераканаць савецкі ўрад і нашыя эканамічныя довады, якія таксама несур’ёзныя…” – сцвярджалася ў запісцы [4, с. 58]. Аднак літоўцы працягвалі настойваць на выкананні сваіх патрабаванняў і нават адмовіліся стварыць змешаную камісію для разгляду пытання аб граніцах (адпаведная прапанова была зроблена расійскай дэлегацыяй яшчэ 21 красавіка 1920 г.) [6]. За ходам перагавораў уважліва сачылі беларускія нацыянальныя дзеячы, якіх хваляваў лёс беларускіх этнічных тэрыторый.

Аднак ва ўмовах падрыхтоўкі да актыўных баявых дзеянняў супраць Польшчы савецкі бок вырашыў саступіць. 8 мая 1920 г. літоўцам было прапанавана неадкладна заключыць ваенны саюз з Савецкай Расіяй. У ліпені 1920 г. кіраўніцтва РСФСР вырашыла паскорыць ход перагавораў з Літвой, даўшы згоду на максімальнае задавальненне тэрытарыяльных патрабаванняў літоўцаў [12, с. 127]. Літоўцы пагадзіліся, бо асцерагаліся, што ў выпадку магчымага наступлення савецкіх войск у Вільні будзе зноў створаны савецкі ўрад. Паскорыла факт заключэння мірнага дагавора і заява ад 4 ліпеня 1920 г. міністра замежных спраў Польшчы Я. Сапегі, у якой было заяўлена пра гатоўнасць польскага ўрада дэ-факта прызнаць незалежнасць Літвы і ўсталяваць з ёй добрасуседскія адносіны. 11 ліпеня 1920 г. у Вільні пры пасрэдніцтве Англіі адбыліся перагаворы паміж прадстаўнікамі Літвы і Польшчы аб магчымасці сумеснай барацьбы супраць Савецкай Расіі.

У выніку дагавор быў падпісаны 12 ліпеня 1920 г. і складаўся з 19 артыкулаў. Савецкі ўрад безагаворачна прызнаў самастойнасць і незалежнасць літоўскай дзяржавы, а Вільню і суседнія з ёй тэрыторыі (з Лідай і Гродна) – неад’емнай часткай Літвы. Паводле дагавора дзяржаўная граніца паміж Расіяй і Літвой праходзіла ад Дзвіны па лініі на захад ад Друі на ўсход ад Браслава – Казьяны – Паставы – азёры Мядзел і Мястра; на захад ад Вілейкі па заходніх ускраінах Маладзечна і Валожына, па рэках Валожынка, Іслач,

Бярэзіна да ўпадзення яе ў Нёман ля мястэчка Дзеляцічы; далей па Немане і за 30 км на поўдзень ад Гродна на поўдзень ад Аўгустова [13, л. 26–27]. Абодва бакі абавязваліся не дапускаць выкарыстання сваіх тэрыторый для ваенных прыгатаванняў, накіраваных супраць адзін аднаго. Некалькі артыкулаў дагавора датычыліся эканамічнага і культурнага супрацоўніцтва паміж Літвой і Расіяй. Пры заключэнні мірнага дагавора РСФСР выказала гатоўнасць паважаць нейтралітэт Літвы, калі ён будзе прызнаны іншымі дзяржавамі.

Прымаючы пад увагу цяжкае становішча Літвы ў сувязі з яе стратамі падчас Першай сусветнай вайны, савецкі ўрад даў згоду на пазыку ёй 3 мільёнаў рублёў [13, л. 32]. Абодва бакі абавязваліся прытрымлівацца прынцыпу найбольшага спрыяння ва ўзаемных адносінах [8, с. 343]. Дагавор таксама прадугледжваў вяртанне Літве культурных каштоўнасцей, што былі вывезены падчас Першай сусветнай вайны і знаходзіліся на тэрыторыі РСФСР. Дагавор падпісалі А. Іофе, Ю. Мархлеўскі, Л. Абаленскі з рускага боку і Н. Нарушэвіч, П. Клімас, С. Розенбаўм, І. Вайкалайціс, В. Рачкаўскас з літоўскага [13, л. 25]. Да мірнага дагавора дадавалася асобая дэкларацыя, паводле якой Літва пагаджалася не разглядаць праход савецкіх войск па тэрыторыі, якая адыходзіла да яе, як варожы акт пры ўмове іх вываду ў далейшым [7]. Кіраўніцтва РСФСР нават прапанавала літоўцам самім вызваліць Вільню ад палякаў, але тыя адмовіліся. Толькі 14 ліпеня пасля жорсткіх баёў часці Чырвонай Арміі ўвайшлі ў горад. 6 жніўня прадстаўнікі галоўнага камандавання Чырвонай Арміі заключылі пагадненне з ваенным камандаваннем Літвы аб перадачы Вільні пад літоўскі кантроль. У дакуменце былі вызначаны дакладныя тэрміны і парадак вываду савецкіх войск з Віленшчыны. На аснове палажэнняў дагавора ўрад РСФСР 27 жніўня 1920 г. перадаў Літве Вільню, і ў сувязі з гэтым была падпісана спецыяльная канвенцыя аб вывадзе савецкіх войск з літоўскай тэрыторыі [5, с. 188]. 28 жніўня Літва афіцыйна заявіла аб намеры захаваць нейтралітэт у польска-савецкім канфлікце.

Літва стала другой пасля Эстоніі некамуністычнай дзяржавай, якая ўстанавіла з Савецкай Расіяй поўнасцю юрыдычна аформленыя дыпламатычныя адносіны. Савецка-літоўскі мірны дагавор 12 ліпеня 1920 г. значна палепшыў міжнароднае становішча Літвы,

бо юрыдычна замацаваў факт яе аддзялення ад Расіі і стварыў юрыдычную аснову для яе прэтэнзій на Вільню і частку беларускіх зямель.

Факт заключэння дагавору ўзрушыў беларускіх дзеячаў, бо ён непасрэдна датычыўся беларускіх зямель. Урад БНР запатрабаваў ад Літвы гарантый прадастаўлення беларусам аўтаноміі ў яе складзе і правядзення плебісцыту адносна прыналежнасці беларускіх тэрыторый, але адказу не атрымаў. Ужо 16 мая была даслана нота пратэсту старшыні Парыжскай мірнай канферэнцыі ў сувязі з далучэннем да Літвы этнічна беларускіх Віленскай і Гродзенскай губерній. У ёй урад БНР пратэставаў супраць далучэння тых зямель да Літвы. “Беларускі народ не прызнае законным адрыванне ад БНР Віленшчыны і Гродзеншчыны і ўсякія дамовы паміж Літвой і Савецкай Расіяй па гэтым пытанні не лічыць для сябе абавязковымі”, – гаварылася ў ноце [5, с. 173–174]. 17 ліпеня 1920 г. В.І. Захарка ўручыў Г.В. Чычэрыну ноту пратэсту супраць перадачы беларускіх тэрыторый Літве. Нота пратэсту кіраўніцтва БНР ураду РСФСР была накіравана таксама 29 ліпеня. Аднак адказ ад расійскага боку прышоў [15, л. 14].

22 ліпеня 1920 г. урад БНР на чале з В. Ластоўскім апублікаваў зварот да ўрадаў РСФСР, Літвы, Парыжскай мірнай канферэнцыі, усіх дзяржаў і народаў свету, у якім заявіў, што не прызнае мірны дагавор, на аснове якога да Літвы далучаюцца этнічныя беларускія землі, і будзе змагацца супраць яго [15, л. 62]. Урад БНР выказаў самы рашучы пратэст супраць падпісанага савецка-літоўскага дагавора, так як яго ўмовы груба парушалі суверэнныя, нацыянальныя, культурныя і эканамічныя правы беларускага народа. Віленшчына і Гродзеншчына, – сцвярджалася ў звароце, – гэта этнічныя беларускія землі, якія Савецкая Расія без згоды беларускага народа перадала Літве. Складальнікі дакумента патрабавалі пераглядзець умовы дагавора з улікам жадання беларускага народа стварыць суверэнную і незалежную беларускую дзяржаву ў этнаграфічных межах і прапаноўвалі вырашаць супярэчнасці паміж Беларуссю і Літвой шляхам арганізацыі плебісцыту ў спрэчных раёнах. Негатыўна ўспрыняла дагавор і Беларуская рада Гродзеншчыны і Віленшчыны. Яна была супраць практыкі разгляду пытанняў, што закранalі лёс Беларусі без удзелу яе прадстаўнікоў.

7 верасня у сувязі з заключэннем міру паміж Літвой і Савецкай Расіяй В. Ластоўскі падпісаў ноту, у якой беларускі ўрад звярнуўся

з пратэстам да заходнееўрапейскіх краін. У ноце, перададзенай па радыё, было падкрэслена, што гэты мірны дагавор парушае суверэнныя правы беларускага народа, а пытанне аб межах паміж Літвой і Беларуссю павінна вырашацца шляхам плебісцыту на спрэчных тэрыторыях [5, с. 195].

Дагавор негатыўна ацэньваўся і ў беларускім перыядычным друку. "Гэта змова паміж Літоўскім урадам і бальшавікамі, у ходзе якой да Літвы былі далучаны большая частка Гродзенскай і Віленскай губерній, ганебна і адмоўна паўплывае на развіццё беларускай дзяржаўнасці", – канстатавалася аўтарам артыкула ў газеце "Беларускае слова" [3]. У газеце "Беларусь", якая выдавалася ў Мінску, у нумары за 16 чэрвеня 1920 г. было катэгарычна заяўлена: "Беларускі народ ніколі не згадзіцца і не дазволіць, каб дзевяць дзясятых тарыбаўскай дзяржавы складалася з беларускіх зямель, каб Вільня – наш культурны цэнтр, ваколіцы якога заселены толькі беларусамі, зрабілася сталіцай чужой дзяржавы. Беларускаму народу застаецца толькі рабіць сваю справу: будаваць Беларуска-Літоўскую рэспубліку са сталіцай у Вільні. Няхай існуюць пакуль што адначасна дзве Літвы. Гэта нас не павінна пужаць. Мы ўпэўнены, што здаровыя і дзяржаўна разважаючыя элементы літоўскага народа будуць з намі. Бо яны зразумеюць, да чаго давядзе палітыка тарыбаўцаў".

Аднак увосень 1920 г. пазіцыя беларускіх нацыянальных дзеячаў і арганізацый да заключанага дагавора пачала мяняцца. 7 верасня 1920 г. на сходзе прадстаўнікоў Беларускай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны, Беларускага нацыянальнага камітэта ў Вільні і іншых беларускіх арганізацый было прынята рашэнне аб падтрымцы мірнага дагавора, але пры некалькіх умовах:

1) далучаныя да Літвы беларускія землі павінны былі атрымаць аўтаномію; 2) патрабавалася стварэнне Часовай краёвай рады з прадстаўнікоў усіх нацыянальнасцей на спрэчнай тэрыторыі; 3) прызначэнне на пасаду міністра беларускіх спраў асобы, якая б карысталася даверам і падтрымкай сярод беларускага грамадства [8, с. 870–871].

11 лістапада, пры заключэнні дагавора паміж урадам БНР і літоўскім урадам, у сакрэтным пагадненні зазначалася, што ўрад БНР будзе падтрымліваць урад Літвы ў барацьбе за вызваленне Віленшчыны ў межах дагавора 12 ліпеня 1920 г. [5, с. 215].

Расійска-літоўскі трактат не спраўдзіў надзей, якія на яго ўскладаў літоўскі бок, і ўвогуле не адыграў рэальнай ролі ў сувязі са зменай агульнай ваенна-палітычнай сітуацыі і перамогай польскіх войск пад Варшавай. Згодна з мірным дагаворам паміж Расіяй і Літвой, савецкі ўрад перадаў Літве этнічна беларускія землі. Масква юрыдычна прызнавала іх за Літвой без ведама і згоды беларускага народа. У тэксце дагавора нават не згадвалася пра беларускую тэрыторыю. Для Літвы гэта быў добры падарунак. Дагавор стварыў юрыдычную аснову для яе прэтэнзій на Вільню і частку беларускіх зямель. Савецкі бок хвалявалі толькі яго ўласныя інтарэсы. Факт заключэння дагавора ўзрушыў беларускіх нацыянальных дзеячаў, бо ён непасрэдна датычыўся беларускіх зямель. Урад БНР апынуўся ў складанай сітуацыі. Зразумела, ён не мог прызнаць дагавор, у якім зусім адвольным чынам былі акрэслены межы, якія не ўлічвалі ні этнічныя, ні геаграфічныя паказчыкі, ні волі народа. Аднак у той канкрэтнай палітычнай сітуацыі беларускія нацыянальныя дзеячы вымушаны былі прызнаць савецка-літоўскі дагавор, але пры некаторых умовах, на якія згадзіўся літоўскі бок.

Такім чынам, Савецка-літоўскі дагавор па сваім значэнні для Беларусі знаходзіцца ў адным шэрагу з такімі актамі, як Брэсцкі (1918) і Рыжскі (1921) мірныя дагаворы, што былі заключаны без удзелу беларускіх прадстаўнікоў і адыгралі негатыўную ролю ў беларускай гісторыі. Савецка-літоўскі мірны дагавор стварыў юрыдычную аснову для прэтэнзій Літвы на Вільню і частку беларускіх зямель. Карыстаючыся палажэннямі гэтага дагавору, Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР у кастрычніку 1939 г увогуле прыняў рашэнне аб перадачы Літве Вільні і Віленскай вобласці.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. / Уклад., падрыхт. Тэксту, уступ. Арт, камент, пер., паказ. С. Шупы, – Вільня-Нью-Ёрк-Мінск—Прага: Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва: Т-ва бел. Пісьменства “Наша ніва”, 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 860 с.

2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. / Уклад., падрыхт. Тэксту, уступ. Арт, камент, пер., паказ. С. Шупы, – Вільня-Нью-Ёрк-Мінск—Прага: Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва: Т-ва бел. Пісьменства “Наша ніва”, 1998– Т. 1. – Кн. 2. – 1721 с.

3. Беларускае слова. – 1920. – 2 кастрычніка.

4. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4. т. / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Т. 1.: 1 жніўня 1914-18 сакавіка 1921 гг.: у 2-х ч., ч. 2. : 3 студзеня 1920 18 сакавіка 1921 гг. – 31 снежня 1919 гг. / [складальнікі: А.Ф. Вялікі і інш.].– Мн., Юніпак, 2008 - 390 с.

5. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь [і інш.]; [Склад.: У.М. Міхнюк, Рэдкал.: І.І Антановіч (старшыня) і інш.] - Т. 1. (1917-1922 гг.). Мн.: БелНДІДАС: Выдавецкі цэнтр БДУ, 1997. – 395 с.

6. Известия ВЦИК. – 1920.- 25 мая.

7. Известия ВЦИК. – 1920.- 15 июля.

8. История Литовской ССР: с древнейших времен до наших дней. – Вильнюс: Мокслас, 1978. – 676 с.

9. Лавринавичюс, Ч. К вопросу о признании Литвы // Новый взгляд на историю Литвы / Ч. Лавринавичюс – Каунас: Тиеса, 1990. – С. 81-93.

10. Lossowski, P. Polityka Litwy w kwestii Bialoruskej w latach 1918-1924 / P. Lossowski // Polska-Bialorus 1918-1945. - 1994. - S. 45-51.

11. Міхнюк, У. Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы / У. Міхнюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. - № 8. – С. 3-11.

12. Навицкас, К.В. Роль Советского Союза в деле защиты жизненных национальных интересов литовского народа в 1917-1940 гг.: автореф. дисс. на соисание учен. степени доктора ист. наук.: 07.00.02 / К.В. Навицкас – Вильнюс, 1965. – 52 с.

13. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 96.

14. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 97.

15. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 98.

16. Ціхаміраў, А. Мірны дагавор паміж Літвой і РСФСР 1920 г. / А. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. - Т. 5.

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ БЕЛАРУСИ

Бобков В.А.,
доктор исторических наук, профессор

Политические и экономические изменения в конце XX – начале XXI века внесли определенные коррективы в трактовку геополитических теорий. Во-первых, исследователи постепенно переносят акценты с военной и внешнеполитической сферы на внутреннюю политику, осуществляя поиск силы, могущества и устойчивости государств в их экономике, науке, технике, финансах, экологии, человеческом факторе и т.п. Это, во-первых, отражает процесс формирования транснационального мира, который ведет к «перетеканию» внутренней политики во внешнюю и наоборот. Во-вторых, это отражение процесса расширения роста числа средних и малых государств, которые свою конкурентоспособность демонстрируют не силой оружия, а высоким уровнем развития науки, техники, технологий, знаний.

Расширительное толкование геополитики понимается как «совокупность физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, наличие или использование которого определяет его силу и позволяет ему добиваться своих целей» [1].

В России, Украине, Казахстане и некоторых других суверенных государствах на территории бывшего СССР создано множество государственных и независимых научных центров политологического и чисто геополитического профиля. Особенно много их в Москве и Киеве. В Беларуси ситуация сложилась иначе. В 1991 году руководство ЦК КПБ пыталось создать в Академии наук Институт политологии, который бы занимался фундаментальными и прикладными исследованиями в области политологии и геополитики, но развал СССР оставил эту задачу нерешенной. Автор данного исследования постоянно вносил предложения о необходимости создания в нашей стране научного центра геополитического анализа и, наконец, в 2015 году в Институте истории НАН Беларуси создан научный центр истории геополитики. На наш взгляд, геополитический анализ способен серьезно помочь в осуществлении политики устойчивости страны и ее национальной безопасности.

Представляется необходимым всесторонне исследовать факторы, составляющие геополитическую характеристику Беларуси. Напри-

мер, её месторасположение. Выгодное географическое месторасположение Республики Беларусь в мировом геополитическом пространстве – неоспоримый факт. Она находится в центре европейского континента. Это дает стране теоретический шанс быть равнодоступной к рынкам государств европейского континента. Вопрос в том, как это использовать для повышения конкурентоспособности страны?

Рассмотрим размер территории, численность и плотность населения Беларуси, сопоставив данные показатели с показателями других государств. Среди стран СНГ по занимаемой площади Беларусь занимает шестое место после Российской Федерации, Казахстана, Украины, Туркмении, Узбекистана. В то же время в этом отношении Беларусь превосходит Грецию, Португалию, Австрию, Данию, Нидерланды, Бельгию [2, с. 5], многократно превосходит своих соседей Латвию и Литву. Наша республика сопоставима с такими странами, как Румыния (237,5 тыс. кв. км.) или Великобритания (244,1 тыс. кв. км.). По численности населения (9,4 млн. чел. – 2013 г.) Беларусь сопоставима с Венгрией (10 млн.), Сербией (9,8 млн.), Швецией (9,3 млн.). Среди соседей Беларусь превосходит по этому показателю Латвию и Литву, но сильно уступает России, Польше, Украине.

Таким образом, Беларусь окружают страны, которые в основном превосходят ее по площади занимаемой территории и численности населения. Исключение тут составляют лишь Латвия и Литва. Однако после вступления этих стран в ЕС и НАТО Беларусь оказалась фактически зажатой между Западным сообществом и Россией. И это со всей остротой поставило перед страной проблему выбора: к какому из этих геополитических полюсов примкнуть? Выбор был сделан правильный и в политическом, и в экономическом плане: укреплять отношения и с Западом, и с Востоком.

Следует также отметить, что все соседи Беларуси обладают более выгодным, чем наша страна, геоэкономическим положением. Через них также проходят транзитные пути между Россией и Европой, но вдобавок к этому все они имеют важное преимущество, которого нет у Беларуси – выход к морю, т.е. возможность устанавливать прямые связи с дальними странами и регионами мира, используя водный путь. Беларусь же в этом плане полностью зависима от транзита через территорию соседних государств.

Территория Беларуси очень компактная. Ее протяженность с севера на юг – 560 км., с запада на восток – 650 км. В геополитическом плане это является одновременно и плюсом и минусом. Плюсом – потому что способствует равномерному освоению территории. У нас нет отдаленных малоосвоенных окраин, как в России или Канаде. Все это способствует развитию широких экономических связей с другими государствами. Главный минус в том, что в случае возникновения каких-либо конфликтных ситуаций наши соседи могут относительно легко переориентировать свои транзитные потоки в обход Беларуси.

Географическое положение просто обрекает нашу страну быть транзитной. К тому же она обладает достаточно развитой инфраструктурой: через территорию Беларуси проходят 11 веток газопроводов и 6 – нефтепроводов. Воздушное пространство страны ежедневно пересекают в разных направлениях 600-620 судов. По количеству железных дорог на 1 м^2 наша страна занимает третье место в мире, что дополняется весьма удачным расположением транспортных коридоров. Транзитная роль Беларуси еще более возрастает в условиях строительства глобальных магистралей Север-Юг и Запад-Восток. Это требует, чтобы логистика для Республики Беларусь стала одним из приоритетных направлений, особенно с учетом того, что новая отрасль с точки зрения получения добавленной стоимости не требует относительно больших издержек. Отдача и добавленная стоимость здесь гораздо выше, чем в сфере материального производства.

Тем более что мировая практика показывает серьезные преимущества использования логистики в конкурентной борьбе государств, в повышении уровня продвижения продукции на внешнем и внутреннем рынках. Одним из примеров умелого использования в логистических целях своего геополитического пространства может служить Германия. Эта страна имеет такое количество контейнеров, что, вытянув их в цепь, можно трижды опоясать весь земной шар.

В системе логистики здесь занято свыше 400 тыс. работников, а объем создаваемых ими услуг достиг 16 млрд. евро [3, с. 29]. По мнению экспертов, если бы в Беларуси придорожная инфраструктура по дороге Е30 была развита так, как в Германии, то только одна эта трасса притянула бы к себе 1,5 млн. рабочих мест [4, с. 23-24].

Теперь по поводу бедности Беларуси природными ресурсами, о чем у нас любят часто говорить. Если сравнить нашу страну с таки-

ми развитыми государствами мира как Япония и Сингапур, то нам надо перестать плакаться по этому поводу. У Японии их не больше, а у Сингапура нет и тех, которыми в достатке располагает Беларусь. 30 лет назад Сингапур представлял собой небольшой заболоченный островок, импортирующий не только нефть и газ, но даже воду из Малайзии и песок – из Индонезии. На острове не было вообще никаких природных ресурсов, а население – сплошь неграмотное. Сегодня этот остров является лидером мирового экономического развития, а по уровню жизни обогнал США. Сингапур с населением 4 миллиона человек имеет ВНП в 1,3 раза больше ВНП Украины [5].

Приведенные примеры свидетельствуют о больших возможностях включения в работу неиспользованного геополитического и геоэкономического потенциала страны. В то же время они позволяют лучше видеть и оценить те природные ресурсы, которые имеем, но относимся к ним безразлично. Возьмем, к примеру, воду.

Водные ресурсы Беларуси

Реки, ручьи	Озера	Водохранилища	Разведано месторождений подземных вод	Общий объем запасов минеральной и питьевой воды	Используется минеральной и питьевой воды
21000	11000	144	260	16-18 млрд. кубических	Менее 3 млрд. кубических или 1,8%

Наша страна, к счастью, располагает большими запасами пресной воды. В Беларуси более 21 тысячи рек и ручьев, свыше 11 тысяч озер, 144 действующих водохранилища, разведано 260 месторождений поземных вод.

Республика Беларусь располагает также значительными гидроминеральными ресурсами. По мнению геологов и курортологов, природа дала нам лучшие в Европе запасы минеральной и питьевой воды. Но из общего их объема в 16-18 миллиардов кубических используется пока менее 3 миллиардов, т.е. примерно 1,8 процента [6].

Для нашей страны серьезным геополитическим событием последнего времени является подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и КНР. В нем, в частности, отмечается, что Минск и Пекин договорились совместно продвигать создание экономического пояса Великого шелкового пути, расширять сотрудничество в торгово-экономической, финансовой, научно-технической, инвестиционной, энергетической, космической, транспортной, информационно-технологической, сельскохозяйственной, гуманитарной и других сферах. По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, Беларусь является важным стратегическим узлом в центре Европы и обладает уникальными преимуществами для развития экономического пояса Великого шелкового пути.

Взятые для анализа некоторые геополитические факторы Республики Беларусь выявляют основы ее экономической и социальной устойчивости и вместе с тем обращают внимание на необходимость более эффективного их использования в политических целях, для укрепления государства. В частности, для развития экспортных, логистических и транспортных возможностей Беларуси важно в полной мере использовать создание экономического пояса Великого шелкового пути и белорусско-китайский индустриальрый парк “Великий камень” в г. Минске.

Одной из главных задач является развитие логистической инфраструктуры, что требует расширения спектра научных исследований в области логистики и геополитики с целью формулирования конкретных рекомендаций для органов государственного управления. Геополитический анализ должен быть своеобразным прожектором в создании эффективной инфраструктуры логиститки.

Использованные источники и литература

1. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. - М.: МГСУ. Изд-во «Союз», 1997. – 202 с.

2. Природа Белоруссии. Популярная энциклопедия. – Минск: «Белорусская советская энциклопедия», 1989. – 598 с.

3. Никитенко П. Логистика как фактор эффективности // Беларуская думка. – 2009. - № 11. – с. 28 – 33.

4. Под знаком качества // Беларуская думка. – 2010 - № 11. – с. 16 – 25.

5. Цепкало В. Об уроках газового конфликта. // СБ. Беларусь сегодня. – 2010. – 30 июня.
6. Никитенко П. Формирование кластера «вода» // Наука и инновации. – 2008. - № 11.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ В 1990-1994 гг.
(опыт лекционного изложения)

Божанов В.А.,
доктор исторических наук, профессор

В начале. 1990-х гг. политический процесс в СССР подвел республики, входившие в его состав, к провозглашению собственного суверенитета. Аналогичная ситуация возникла и в Беларуси. И здесь на первый план выходила необходимость разработки новой Конституции страны. Проследим, как эта ситуация развивалась исторически. 22 июня 1990 г. сессия Верховного Совета БССР приняла решение о создании временного специального органа – Конституционной комиссии – для подготовки проекта Конституции. В нее вошли 74 человека: 61 депутат и 13 специалистов в области права (ученые и практики). Возглавил Комиссию спикер парламента Н.И. Дементей. 30 октября Верховный Совет принял постановление «О порядке деятельности Конституционной комиссии по подготовке проекта Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР». Летом 1991 г. решением Председателя Конституционной комиссии была сформирована рабочая группа под руководством Генерального прокурора республики В. Шаладонова, в которую вошли Г. Василевич, В. Борцов, Е. Глушкевич, А. Головко, В. Голубев, В. Кучинский, В. Семенков, Н. Толстик, В. Чигирь, М. Чудаков, В. Шабайлов, Я. Юхо и Н. Юркевич [3, с. 97].

Важное влияние на конституционный процесс имело принятие Декларации о суверенитете БССР. 20 июня 1990 г. по предложению депутата Н.И. Дементея Верховный Совет включил в повестку дня первой сессии Верховного Совета XII-го созыва вопрос о Декларации о государственном суверенитете БССР и создал соответствующую комиссию по подготовке проекта Декларации [19]. А уже 27 июля 1990 г. Верховный Совет рассмотрел три варианта проекта Декларации: один от специально созданной Комиссии Верховного Совета, второй от депутатской группы БНФ, третий – "вариант Глушкевича",

по имени первого из 21 депутата, подписавшего проект. Принят был вариант Комиссии Верховного Совета [5]. 27 июля 1990 г. – день принятия Верховным Советом БССР Декларации о государственном суверенитете БССР – был объявлен государственным праздником.

Декларация провозгласила «полный государственный суверенитет Белорусской ССР как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях». На территории Белорусской ССР устанавливалось верховенство Конституции Белорусской ССР и законов Белорусской ССР. В Декларации впервые на законодательном уровне говорилось, что «разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом существования Белорусской ССР как правового государства». Декларация утверждала: «Земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Белорусской ССР, воздушное пространство являются собственностью белорусского народа, которому принадлежат исключительные права по их владению, пользованию и распоряжению». Объявлялось право Белорусской ССР на собственные Вооруженные Силы, внутренние войска, органы государственной и общественной безопасности, подконтрольные Верховному Совету БССР. Декларация определила, что ее положения реализуются Верховным Советом путем принятия новой Конституции, законов страны.

Декларация стимулировала принятие целого ряда новых законодательных актов. Многие ее идеи были включены в проекты разрабатываемых нормативных правовых актов (например, 27 февраля 1991 г. был принят Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» [Закон утратил силу в связи с принятием Закона от 28 мая 1999 г. – В.Б.]). В первоочередных мероприятиях Совета Министров по выполнению Декларации ставилась задача определить порядок использования имущества, расположенного на территории Белорусской ССР. При этом использование природных ресурсов и имущества для общесоюзных нужд, отмечено в Декларации, может осуществляться на основе договоров аренды, заключаемых между союзными органами и уполномоченными на то органами Белорусской ССР.

Совет Министров потребовал от соответствующих учреждений страны представить данные о доле причитающейся Белорусской ССР в

алмазном, валютном фондах и золотом запасе СССР, об организации управления кредитными ресурсами и порядке их передачи союзным органам или другим республикам только на платной основе, об образовании Национального банка Белорусской ССР, о формировании бюджета республики и об управлении финансовой и налоговой системами, осуществлении передачи в союзный бюджет части доходов республиканского бюджета в твердо фиксированных размерах [20].

Декларация задавала вполне конкретный ритм формирования суверенной Беларуси, что не соответствует некоторым оценкам о якобы формальном значении Декларации. Выполнение Декларации означало формулирование политической воли народа по созданию самостоятельного белорусского государства. Другое дело, что движение это не носило энергичного, решительного и целеустремленного характера. Сомнение в собственной способности управлять страной и решать ее нарастающие проблемы, привычная зависимость от Москвы связывали по рукам и ногам власти республики, определяли их действия по известному принципу «шаг вперед – два шага назад». Однако объективно принятие Декларации запустило ход суверенизации страны.

В отличие от руководства большинства союзных республик, белорусские правящие верхи публично поддержали путч Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), который произошел в Москве 19-20 августа 1991 г. Бюро ЦК Компартии Белоруссии выступило со специальным заявлением, приветствующим это событие. Поддержал путч и Председатель Президиума Верховного Совета БССР Н. Дементей. Путч был направлен на срыв подписания представителями союзных республик нового договора о едином государстве на новых принципах и основаниях.

После поражения ГКЧП начался быстрый распад СССР. По примеру других союзных республик 25 августа 1991 г. Верховный Совет Белоруссии на внеочередной сессии принимает закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета о государственном суверенитете». Этим актом Декларации был придан статус более высокой юридической силы, чем Конституция 1978 г. На основании Декларации в Конституцию 1978 г. были внесены дополнения и изменения.

24 августа 1991 г. БНФ вывел на площадь им. Ленина к зданию Дома правительства, где проходили заседания Верховного Совета,

десятки тысяч людей. Депутаты Валентин Голубев, Зенон Позняк и Галина Семдянова внесли в зал заседаний Верховного Совета бело-красно-белый флаг. В тот же день Председатель Верховного Совета Н. И. Дементей подал в отставку. Первым руководителем независимой Беларуси стал Станислав Станиславович Шушкевич, который до этого занимал пост заместителя председателя. Именно в зале Верховного Совета происходило «творение» суверенной Беларуси.

20 сентября 1991 г. сессия Верховного Совета приняла решение называть впредь Белорусскую ССР Республикой Беларусь (Беларусь), а по инициативе депутата, народного писателя Беларуси Нила Гилевича государственным флагом был объявлен бело-красно-белый флаг, гербом – «Погоня». Была приостановлена деятельность КПБ-КПСС.

С.С. Шушкевич и В.Ф. Кебич от имени Беларуси как одной из учредительниц СССР совместно с руководством России (Б.Н. Ельцин) и Украины (Л.Д. Кравчук) подписали в Вискулях в Беловежской пуще 8 декабря 1991 г. Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ). В преамбуле Соглашения говорилось о том, что Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина как государства, учредившие в 1922 г. Союз ССР, констатируют, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование. В документе подчеркивалась неприкосновенность существующих государственных границ, заявлены гарантии их открытости и свободы передвижения граждан. 10 декабря 1991 г. Парламент Беларуси практически единодушно одобрил Соглашение, против проголосовал один человек и двое воздержались. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате (Казахстан) руководители Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины (кроме стран Прибалтики и Грузии) подписали Декларацию, провозгласившую, что с образованием СНГ Советский Союз прекращает свое существование. В декабре 1993 г. к СНГ примкнула Грузия. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев ушел в отставку.

После придания Декларации статуса конституционного закона Беларусь вступила в новый этап своего развития. Верховный Совет XII-го созыва начал формирование органов управления. Союзно-республиканские министерства и комитеты преобразовывались в

государственные органы Республики Беларусь, Комитет госбезопасности стал подчиняться Верховному Совету, а пограничные войска – Совету Министров Республики Беларусь. Белорусский военный округ ликвидировался, все его структуры перешли в подчинение Министерства обороны Республики Беларусь.

Провозглашение независимости совпало с резким обострением социально-экономического положения в стране. Верховный Совет все никак не мог осознать суверенитета государства и, соответственно, своей полной ответственности за положение дел в стране. Поэтому он постоянно уклонялся от принятия решительных мер по переводу страны на самостоятельные рельсы. Процесс суверенизации принимал вялотекущий, во многом неопределенный характер.

В этих условиях стали притягательными хорошо известные, в чем-то надежные советские устои. Белорусская номенклатура приходила к выводу, что спасение республики не в осуществлении рыночных и демократических реформ, поиске нового места в условиях иных геополитических реалий, а в некотором повороте назад. Главным элементом этого движения вспять стала идея о восстановлении хозяйственных связей и экономическом союзе с Россией. Ответственность за судьбу Беларуси, ее экономическое состояние, национальную безопасность привязывали к России. 4 февраля 1993 г. Верховный Совет отменил свое собственное постановление от 25 августа 1991 г. о временном приостановлении деятельности КПБ-КПСС.

События в СССР разворачивались быстро и противоречиво. Ведь еще только 17 марта 1991 г. на референдуме большинство населения СССР высказалось за сохранение страны (в Беларуси - 82, 6%) [39], а уже к концу августа развал СССР становился фактом.

При обсуждении проекта Конституции наиболее дискуссионным оказался вопрос о введении института президентства. Выявились три позиции. Первая сводилась к тому, что институт президента жизненно необходим республике. В результате будет обеспечено не только оперативное решение вопросов и персональная ответственность, но и ускорение реформ, особенно, по словам депутата Е. Глушкевича, в той «вакханалии, в которой мы с вами находимся». Несколько позже в пользу президентства в одном из своих интервью высказался известный в Беларуси политолог, профессор В.А. Мельник [6], считая, что «скрытое президентство» существо-

вало в советской Белоруссии в лице Первого секретаря ЦК КПБ, под руководством которого действовало фактически правительство. Страна нуждалась, по его мнению, в поистине полноправной, дееспособной и мобильной исполнительной власти, каковой она и является при президентской форме правления.

Вторая позиция сводилась к следующему: институт президента необходим, но лишь в том случае, если будет соблюден баланс властей, введена система сдержек и противовесов. Сторонники третьего подхода выступали против введения поста президента. Их идеалом была сильная парламентарная республика. Выражали это мнение представители оппозиции – Белорусского народного фронта. Белорусский политолог В. Бущик считал, что в Беларуси во второй половине 1991 г. начала реально складываться парламентарная форма правления [1, с. 177]. Высказывалась и такая точка зрения, что президентство необходимо как временный фактор сильной, дееспособной власти для обеспечения стабильности в обществе. Однако по мере создания объективных условий будущее окажется за смешанной формой правления, по мнению одних [10], или парламентарной республикой, по мнению других [3].

Как мы отмечали, обсуждение проекта Конституции проходило в условиях нарастающего в стране социально-экономического и политического кризиса. Парламент, правительство, политические партии и общественные движения не могли остановить катастрофическое падение жизненного уровня населения. Высшие руководители государства откровенно и беззастенчиво расписывались в своем бессилии. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич обреченно и безвольно констатировал отсутствие обновления в экономике, в системе власти, в кабинетах [6]. Еще более безнадежно характеризовал состояние власти Председатель Совета Министров Вячеслав Кебич: «Мы стоим на историческом перекрестке: назад пути нет, но и выбор нового еще не сделан» [4].

Воспринимая государство как решающий фактор своей жизни, люди ждали от центральной власти решения своих проблем. Но оказалось, что руководители республики уже не могли управлять по-старому, но на обновление не хватало ни энергии, ни воли, ни интереса. Власть в стране находилась в полной растерянности. В этих условиях возрастали надежды на то, что, в конце концов, найдется лидер, у которого будут и энергия, и воля, и интерес, что-

бы навести в стране порядок. По крайней мере, по социологическому опросу, проведенному в середине 1994 г. социологической службой «Общественное мнение», 60% из числа опрошенных высказались за избрание всенародным голосованием первого президента как главы государства и исполнительной власти. Неискушенные в понятиях разделения властей, сдерживания и уравновешивания ветвей власти, люди видели в будущем президенте сильную и единую власть, способную остановить негативные явления в жизни страны.

Именно этой психологической обстановкой в определенной степени можно объяснить победу президентской формы правления при разработке Конституции страны и конституционное усиление режима президентского правления в последующие годы. К тому же, считает ряд исследователей, у большинства членов Верховного Совета возникла опасность потери власти, что подтолкнуло последний учредить этот пост под конкретного «своего» кандидата, в роли которого явственно выступил премьер-министр В. Кебич. Из Минска пошли в районы «рекомендации» создавать инициативные группы в поддержку этого кандидата в Президенты Беларуси.

Выдвигалось предложение о создании двухпалатного парламента: палаты депутатов и палаты представителей [11]. Палата депутатов формируется на выборах из представителей рабочих, крестьян, интеллигенции – по равным квотам – и работает на профессиональной основе. Палату же представителей предлагалось избирать по партийным спискам. Главой государства является либо Председатель Президиума Верховного Совета Республики Беларусь, избираемый обеими палатами парламента, либо президент, способ избрания которого автор не обозначил.

Будущее административно-территориальное устройство и местное самоуправление республики также стали объектом пристального внимания парламентариев. Оппозиция предлагала ликвидировать излишне затратную областную и районную систему, разделить республику на 40 округов. Это, по ее мнению, усилит независимость местной власти, что позволит ей решить ряд насущных социальных проблем регионов, улучшить их инфраструктуру. При этом возникали даже варианты экстраполировать с некоторыми изменениями местную систему власти, которая была в Великом княжестве Литовском: создание магистратов, избрание мэров и старост населени-

ем. Однако подобные инициативы не вызвали интереса у большинства депутатского корпуса, который склонялся к сохранению советского принципа унитаризма: область – район – город – село.

11 ноября 1991 г. проект был вынесен на обсуждение на заседании Парламента. Своим постановлением Верховный Совет одобрил основные положения проекта и принял решение опубликовать его в печати для народного обсуждения, а исполнительно-распорядительным органам местных Советов депутатов было поручено обеспечить тщательный учет и обобщение предложений и замечаний, внесенных по проекту трудовыми коллективами, общественными объединениями, гражданами, и направлять их в Верховный Совет. В постановлении дано поручение Конституционной комиссии доработать проект Конституции и внести его на рассмотрение Верховного Совета. Разработчики Конституции использовали опыт конституционного развития США, Швеции, Италии, Франции, Германии, Швейцарии, Литвы, Казахстана, Эстонии и др. [2, с. 75]. Были изучены международно-правовые документы по вопросам прав человека, привлекались зарубежные эксперты, прежде всего из США и Германии.

Теперь, когда появился конкретный проект Конституции, обсуждению подверглась, по существу, каждая его статья. Менялось число статей, их содержание. Хотя форма государственного правления оставалась весьма спорной, однако постепенно президентская форма правления закреплялась и наращивалась. Президент приобрел статус главы государства и исполнительной власти, он «принимает меры по охране суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, права и свободы граждан». По мере утверждения в сознании парламентариев и всей руководящей верхушки страны необходимости введения президентской формы правления заметно расширялись полномочия Президента. Если в проекте Конституции на 4 мая 1993 г. глава IV «Президент Республики Беларусь» состояла из 19 пунктов его полномочий, то в окончательном варианте, принятом 15 марта 1994 г. – уже из 26.

При этом депутаты проявили настойчивость, чтобы Верховный Совет оставался преобладающим центром власти. Парламент наделялся самыми широкими полномочиями в проведении государственной политики, решении кадровых вопросов.

Обсуждение Конституции выявило стремление депутатов больше к вялотекущей процедуре, чем заинтересованность и понимание ими необходимости ее принятия. Некоторым депутатам не хватало политической, а также патриотической воли, гражданственности для того, чтобы «дать новой Беларуси новую Конституцию» [13, л. 54].

Избранный 18 сентября 1991 г. Председателем Верховного Совета С.С. Шушкевич стал руководить работой Конституционной комиссии. Конституционной комиссии приходилось преодолевать и негативное отношение к принятию Конституции, которое проявляли ряд депутатов Верховного Совета, и граждан страны. Руководитель Рабочей группы Конституционной комиссии В.И. Шаладонов резко выступал против всяческих попыток сворачивания конституционного процесса. Наблюдалось определенное топтание на месте при обсуждении некоторых ключевых вопросов проекта Конституции, сроки принятия Конституции становились все более отдаленными, неоднократно срывались. В сентябре 1993 г. С.С. Шушкевич в специальном письме обратил внимание парламентариев на угрозу затягивания принятия Конституции на продолжительный срок и предложил ряд мер по упорядочиванию конституционного процесса. Однако инициатива спикера Парламента не нашла понимания в депутатском корпусе [2, с. 85].

19 мая 1993 г. началось постатейное голосование по проекту новой Конституции. Оно завершилось в ноябре 1993 г. Республика с постом Президента окончательно закрепилась в проекте Конституции, хотя последнее слово в этой проблеме оставалось за Верховным Советом, когда ему предстояло голосовать за принятие Конституции Республики Беларусь в целом.

Существенно ускорил принятие Конституции отзыв в январе 1994 г. С. Шушкевича с поста Председателя Верховного Совета Республики Беларусь и избрание на эту должность М. Гриба. Новый председатель Парламента сознательно форсировал принятие Основного Закона вплоть до угрозы инициировать по этому вопросу референдум. 15 марта 1994 г. Верховный Совет XII-го созыва принял Конституцию Республики Беларусь. В то же день был принят конституционный закон о порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь. День 15 марта был объявлен в качестве государственного праздника.

Завершился важный этап формирования национальной государственности, укрепления суверенитета страны. Политическая структура общества, структура власти приобретали определенность, соответствующую современным нормам государственности, завершен был переход от советской формы организации государственной власти и управления к системе, именуемой парламентаризмом. От формулы «вся власть советам» при руководящей и направляющей роли одной партии (КПСС) государственность Беларуси пришла к разделению властей, утверждению и защите прав и свобод человека, политическому, экономическому и идеологическому плюрализму, правовому государству. В конечном счете, депутаты Верховного Совета и привлеченные ими специалисты проделали весьма трудную и продуктивную работу и, несмотря на имевшиеся сложности, довели конституционный процесс до его логического на данном этапе завершения – принятия Конституции суверенной Беларуси.

Конституция узаконила республику с постом Президента и разделением властей по известному классическому образцу. Творцы Конституции стремились, с одной стороны, создать сильную, персонифицированную власть, с другой, власть, которая бы достаточно эффективно контролировалась со стороны Парламента страны. Это был вариант весьма близкий к смешанной форме республиканского государственного правления.

Согласно принятой Конституции, Президент – первое в стране должностное лицо, глава государства и исполнительной власти (ст. 95), избираемый населением на основе всеобщего избирательного права. А это уже явный признак президентской республики. Но в то же время функции руководителя государства в рамках узаконенных норм выполнял и Верховный Совет, который являлся высшим представительным постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти (ст. 79). Верховный Совет создавал правовую основу государства, определял основные направления внутренней и внешней политики республики (ст. 83). Таким образом, параллельно с Президентом коллективным руководителем государства являлся и Верховный Совет. Ряд функций, которыми Конституция Республики Беларусь наделила Верховный Совет, делал последний весьма сильным противовесом Президенту. Верховный Совет обладал правом давать толкование Конституции и законам, осуществлять контроль над исполнением принимаемых законов че-

рез специальный орган – Контрольную палату (в научной литературе высказывается мнение, что парламентский контроль представляет собой ключевое звено в системе сдержек и противовесов между законодательной и исполнительной ветвями власти [12, с. 157]).

Контрольная палата помогала Парламенту выявлять противоправные или недобросовестные действия лиц, осуществляющих исполнительную власть, и обеспечивать привлечение их к различным формам ответственности (конституционно-правовой, уголовной, административной и т.д.). Однако эффективность парламентского контроля будет достаточно велика в том случае, если, с одной стороны, он сможет заставить Правительство отвечать за свои действия, а с другой – не препятствовать высшему органу исполнительной власти в осуществлении его непосредственных функций и задач. К подобному равновесию стремится любая демократическая страна. В полномочия Верховного Совета входили такие важнейшие вопросы государственной жизни, как образование Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов, избрание составов Конституционного суда, Верховного суда, Высшего Хозяйственного суда, Генерального прокурора, Председателя и Совета Контрольной палаты, Председателя и членов Правления Национального банка, дача согласия Президенту на назначение и освобождение от должности премьер-министра, его заместителей, министров иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, Председателя КГБ и т.д.

При таких полномочиях Президента и Верховного Совета в стране, повторяем, могла бы установиться смешанная форма государственного правления. Не хватало одного важного элемента – политических партий, способных при определенном раскладе парламентских мандатов или усиливать президентскую власть, или усиливать парламентскую власть. Политические партии Беларуси были малочисленны по своему составу и не имели серьезной поддержки избирателей. В декабре 1993 г. рейтинг Коммунистической партии Беларуси – Партии коммунистов Беларуси, самый высокий среди других партий, составил всего лишь 4,1%, а БНФ – 3,9 %. Популярность других партий была практически нулевой, оставаясь в промежутке 0,1 – 0,5 % [9]. Поэтому политические партии не могли реально содействовать функционированию смешанной формы государственного правления.

Конституция предоставила Президенту сильные рычаги власти, но использовать их он мог, в основном, во взаимодействии с Парламентом и под контролем Парламента. Он должен был представлять Верховному Совету доклады о положении в государстве. Ему предоставлялась возможность активно влиять на законодательный процесс не только через право законодательной инициативы, но и через право участвовать в работе Верховного Совета и его органов, выступать перед Верховным Советом в любое время с речью или сообщением (ст. 100). Таким образом, по Конституции 1994 г. Верховный Совет как законодательная ветвь власти «возвышался» над исполнительной властью. Разделив власть подобным образом (с учетом неавторитетности в стране политических партий), Конституция сделала конфликт между Президентом и Парламентом потенциально неизбежным. Статья 6 Конституции предполагала механизм сдерживания и уравновешивания ветвей власти друг друга. Однако сама по себе Конституция ничего не решает. Сдерживают и уравновешивают друг друга, если брать пример США, только такие ветви власти, каждая из которых реально, опираясь на легитимные силы в стране, может заставить другую сторону не выходить за пределы своих полномочий. В Беларуси возможность «сдерживать» и «уравновешивать» оказалась несравненно больше у Президента, чем у Верховного Совета. В его ведении были министерства и другие центральные ведомства страны, разнообразные ресурсы, что создавало для власти Президента мощный потенциал. Но и Парламент в рамках своих полномочий был реальным «держателем» власти. Исполнительную власть по Конституции 1994 г. в Республике Беларусь осуществляли Президент и Кабинет министров, который создавался при Президенте. Это допускало не только активное участие Президента в формировании Кабинета министров республики, разного рода правительственных структур, но также штата их руководителей и личное руководство деятельностью Кабинета министров.

В организационном аспекте Президент был никому не подчинен и владел относительно высокой степенью независимости от других органов государства. Он мог быть смещен с должности постановлением Верховного Совета только в случае нарушения Конституции Республики Беларусь или совершения им преступления.

Становление суверенитета и независимости Беларуси требовало формирования национального законодательства. В феврале 1991 г.

Верховный Совет XII созыва принимает Закон "О местном самоуправлении и местном хозяйстве", который по-новому определял статус и формы деятельности местных органов власти. Впервые было легализовано само понятие «местное самоуправление», нашли законодательное закрепление формы непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, была сделана попытка подвести под деятельность местных органов финансово-экономическую основу. В то же время не удалось уйти от стереотипов прошлого. В белорусском законе отсутствовало выделение органов местного самоуправления из системы органов государственного управления, не устранялась организационная и финансовая подчиненность органов местного самоуправления нижестоящих уровней вышестоящим, не предусматривалась судебная защита органов местного самоуправления; отсутствовала возможность ассоциирования органов и структур местного самоуправления.

В марте 1992 г. был принят закон «О статусе депутата местного Совета депутатов» С одной стороны, он закрепил преемственность нормативных положений аналогичных законов БССР, закреплял статус депутата местного Совета депутатов как полномочного представителя своих избирателей в представительном коллегиальном органе государственной власти – местном Совете депутатов, действующем для осуществления функций именно государственной власти. С другой стороны, закон предоставил существенные полномочия депутатам местных Советов, избранным в 1990 г. в условиях практически свободных демократических выборов. Это позволяло депутатам путем реализации прав и форм депутатской деятельности, предусмотренных Законом «О статусе депутата», несколько компенсировать правовые ограничения, предъявляемые к деятельности самого местного Совета депутатов в целом, Законом «О местном самоуправлении и местном хозяйстве». В январе 1995 г. Верховный Совет XII созыва принял Закон «О печати и других средствах массовой информации», который должен был обеспечить реализацию конституционного права граждан на свободу слова и печати. Закон запретил создание и финансирование органов либо должностей, в задачи которых входит осуществление цензуры. Он определял также порядок учреждения СМИ, статус учредителя, редакции, издателя, закреплял права и обязанности журналистов. В 1992 г. Верховный Совет принял программу судебной реформы,

которая предусматривала ряд мер, способных оздоровить ситуацию в судебной сфере и создать реальные предпосылки для становления суда как независимой ветви власти. Эта программа предусматривала, в частности, введение в Беларуси суда присяжных. Однако намеченная программа так и не была реализована и позже была снята с повестки дня. В русле развития рыночных отношений в апреле 1992 г. был принят закон «О приватизации жилищного фонда в Республике Беларусь»/В апреле и октябре 1992 г. Верховный Совет принял Законы соответственно «О пенсионном обеспечении» и «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей».

Большая законодательная работа была проведена белорусским Парламентом в области государственного строительства. Его усилиями в 1992 г. была создана национальная система власти и управления. Министерства и ведомства союзного подчинения переподчинялись республике, были приняты законы о создании белорусской армии, пограничных войск, таможенной и налоговой служб. Верховный Совет внес изменения в структуру правительства.

Таким образом, Верховный Совет XII созыва обеспечил законодательную основу нового белорусского государства. Было принято много законодательных актов, направленных на становление и регулирование новых общественных отношений, закрепление государственного суверенитета и самостоятельности республики, прав, свобод и законных интересов граждан. Среди них – Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь, придание ей статуса конституционного акта, законы о собственности, предприятиях, аренде, земле, крестьянском (фермерском) хозяйстве, гражданстве. Эти и ряд других законов были направлены на развитие всех форм собственности, закрепление экономической самостоятельности республики, развитие экономики, свободного предпринимательства, создание условий для широкого проявления хозяйственной инициативы, формирование самостоятельной внешней политики и международных связей.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь на 24 июня 1994 г. были назначены выборы первого Президента страны. Верховный Совет XII созыва проделал значительную и весьма тщательную работу по подготовке и проведению первых в Беларуси президентских выборов. В Заявлении Президиума Верховного Совета от 11 февраля 1994 г. парламентарии твердо высказались за

учреждение поста высшего должностного лица, избираемого всем народом, являющегося одновременно главой государства и исполнительной власти, что обеспечит персональную ответственность за состояние дел в республике. Президиум высказался за создание прочной правовой базы новой белорусской государственности, наметив принять новую Конституцию, провести в первом полугодии 1994 г. всенародные выборы главы государства и исполнительной власти, во втором полугодии – выборы в Верховный Совет, в марте 1995 г. – выборы в местные Советы народных депутатов. Тем самым, по мнению депутатов, будут обеспечены на основе законов преемственность власти и стабильность в обществе, участие всего населения в обновлении государственных органов.

18 марта 1994 г. Верховный Совет принимает постановление «О проведении выборов Президента Республики Беларусь». Следует обратить внимание, что в нем четко и конкретно определены все необходимые аспекты и вопросы. Совету министров поручалось обеспечить финансирование расходов на эти цели в соответствии с утвержденной сметой расходов на проведение выборов Президента Республики Беларусь. В организационную работу по подготовке и проведению выборов наряду с Президиумом Верховного Совета и Советом министров вовлекались республиканские государственные органы, местные Советы депутатов, их исполнительные и распорядительные органы, предприятия, организации, учреждения.

Средствам массовой информации было рекомендовано обеспечить всестороннее и объективное освещение порядка и хода подготовки к выборам, проведения голосования. Правительству совместно с Центральной комиссией по выборам и проведению республиканских референдумов поручалось определить порядок использования кандидатами в Президенты Республики Беларусь средств массовой информации, обеспечить равные условия для каждого кандидата.

Президиум Верховного Совета постоянно следил за выполнением принятых актов, регулярно заслушивал отчеты соответствующих должностных лиц о проводимой работе. По признанию многих отечественных и зарубежных аналитиков подготовка и проведение выборов Президента Беларуси проходила организованно, в обстановке свободы агитации, открытости, без серьезных нарушений законности и порядка. В результате второго тура голосования, состоявше-

гося 10 июля 1994 г., на должность Президента был избран Лукашенко Александр Григорьевич*. После избрания и вступления А.Г. Лукашенко в должность Президента именно Верховный Совет обеспечил ему кадровую поддержку. Из числа депутатов Верховного Совета XII созыва формировались кадры администрации Президента, правительства. С этой целью были досрочно прекращены полномочия целой группы депутатов: Д.Д. Руцкого, М.А. Маринича, И.И. Титенкова, В.Ф. Кучинского, А.В. Соснова, А.В. Лукашева, В.В. Шеймана, Л.Г. Синицына и др.

Несмотря на большую занятость выборами Президента Республики Беларусь, Верховный Совет продолжал заниматься законодательной деятельностью. Важное место заняли меры по удовлетворению потребностей граждан страны в жилье. В феврале 1994 г. были приняты Концептуальные положения жилищной политики в условиях перехода к рыночной экономике, в результате чего было положено начало использования капитала физических и юридических лиц на строительство жилых домов. В апреле Президиум Верховного Совета заслушал вопрос «О кредитовании жилищно-строительных кооперативов». Отметив в принятом Постановлении, что из-за отсутствия кредитных средств практически приостановилось жилищное строительство, Президиум Верховного Совета обязал Национальный банк и Сберегательный банк выделить конкретные денежные суммы для льготного кредитования жилищно-строительных кооперативов, дома которых подлежало ввести в эксплуатацию в первом полугодии 1994 г., а Совету Министров рас-

---

* Лукашенко Александр Григорьевич родился 30 августа 1954 г. в поселке Копысь Оршанского р-на Витебской обл. Закончил исторический факультет Могилевского педагогического института и получил специальность учителя истории и обществоведения (1975), Белорусскую сельскохозяйственную академию (1985). Работал в комсомоле (1975, 1977), Октябрьском райисполкоме г. Могилев, обществе «Знание» г. Шклов (1977, 1978), служил в армии (1975-1976, 1980-1982). В Шкловском р-не Могилевской обл. занимал должности заместителя председателя колхоза «Ударник» (1982-1983), заместителя директора комбината строительных материалов (1983-1985), секретаря парткома колхоза им. Ленина (1985-1987), директора совхоза «Городец» (1987-1994). Член КПСС (1979-1991). Народный депутат Верховного Совета Республики Беларусь (1990-1994). Женат. Имеет троих детей.

смотреть вопрос о сокращении объемов строительства, объектов производственного назначения, не являющихся стройками первоочередной необходимости, высвобожденные средства направить на финансирование жилищно-кооперативного строительства.

Своим постановлением Президиум Верховного Совета предоставил Минскому горисполкому земельные участки для строительства микрорайонов «Сухарево-6, 7» и объектов культурно-бытового назначения в коммунальной зоне. Земельные участки также были предоставлены дирекции строящегося завода «Лексинтез» производственного объединения «Белмедпрепараты» для строительства завода медицинских препаратов, торфобрикетному заводу «Старобинский» концерна «Белтопгаз» – для добычи торфа на топливо.

Среди других наиболее значимых законодательных актов, принятых Верховным Советом в 1994 г., следует отметить Постановление «Об амнистии субъектов хозяйствования Республики Беларусь, хранящих свои средства на счетах за пределами Республики Беларусь», Закон «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов», Постановление «О мерах по обеспечению своевременного исполнения Закона Республики Беларусь “О языках в Республике Беларусь”», «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь», Законы «О связи», «О политических партиях», «Об общественных объединениях» и др. Был ратифицирован ряд Соглашений о торгово-экономических отношениях с другими странами, устанавливались дипломатические отношения.

Большое значение имело постановление Верховного Совета «О Программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса», принятая по предложению Президента в конце сентября 1994 г. Таким образом, Верховный Совет Республики Беларусь XII созыва внес достойный вклад в становление новой белорусской государственности, налаживание новых социально-экономических отношений в стране. По существу, он стоял у истоков формирования и конституционно-законодательного закрепления современной суверенной Беларуси.

Победе А.Г. Лукашенко на президентских выборах в значительной степени способствовала его работа в 1993–1994 гг. во главе Временной комиссии Верховного Совета XII созыва. Парламентское расследование – особая форма деятельности парламента. К ней

прибегают как к чрезвычайной мере парламентского вмешательства в события, вызвавшие острый резонанс в обществе и затрагивающие интересы государства, расследованием которого общество чрезвычайно недовольно. Утверждается специальная парламентская комиссия из представителей различных депутатских групп, которые не имеют отношения к данным событиям и могут дать объективное заключение. Устанавливаются сроки расследования и полномочия комиссии. Комиссия работает под контролем парламента, в рамках предоставленных полномочий и регулярно отчитывается на заседаниях парламента.

Верховный Совет XII созыва, избранный в 1990 г., работал, как мы отмечали, в необычных, политически острых условиях. Распадался Советский Союз, и необходимо было правильно сориентироваться в быстро меняющихся условиях. В стране галопировала инфляция, безудержно росли цены, с прилавков исчезали продукты и товары первой необходимости. Налицо был кризис власти, которая не справлялась с этими негативными процессами. В то же время в Беларуси получили развитие рыночные отношения: возникали коммерческие организации, в городской пейзаж вписывались многочисленные коммерческие киоски («комки»). Воспитанная на негативном отношении к частной собственности, как результате грабежа простых людей, к торговле как к спекуляции, значительная часть населения считала, что коррупция (ее часто называли «мафией») проникла во все государственные органы власти и, в результате, чиновники вкупе с ловкими дельцами беззастенчиво обогащаются за счет катастрофического обеднения масс. Серьезным поводом для парламентского расследования послужило и возникновение коммерческих структур при государственных предприятиях в качестве посредников между ними и потребителями их продукции. Посреднические фирмы сами определяли цены на реализуемую продукцию и, естественно, значительно обогащались. Повсеместно зрело убеждение, что власть в стране стала мафиозной, коррумпированной.

Верховному Совету, который в то время стал высшей властью в стране, надо было отвечать людям, вмешаться в события. В ноябре 1992 г. на X сессии Верховного Совета XII созыва прошли первые парламентские слушания по вопросу развития в стране организованной преступности и коррупции. С докладами выступили и.о. Ге-

нерального прокурора Республики Беларусь В.К. Кондратьев и Председатель КГБ генерал Э.И. Ширковский. Примеры, приведенные докладчиками, создали у депутатов потребность всесторонне и глубоко оценить опасную тенденцию. С этой целью 4 июня 1993 г. после обсуждения Верховный Совет принял постановление «О создании Временной комиссии Верховного Совета Республики Беларусь для изучения деятельности коммерческих структур, действующих при республиканских и местных органах власти и управления» [14, л. 5]. В состав Временной комиссии вошли депутаты С.А. Антончик, Е.М. Глушкевич, П.И. Дробышевский, В.Ф. Кучинский, Г.М. Лавицкий, М.А. Маринич, Ф.Ф. Минько, В.И. Сорокин. Возглавил Временную комиссию депутат А.Г. Лукашенко.

Комиссии предоставлялись широкие полномочия. Депутаты были весьма «размашисты», так как видели в комиссии воплощение своей политической воли, своего властного верховенства в стране и были уверены, что смогут полностью контролировать ее деятельность. Постановление предусматривало, что члены Временной комиссии при исполнении своих служебных обязанностей будут иметь право входа и беспрепятственного доступа во все государственные и общественные органы, предприятия, учреждения и организации, а также коммерческие структуры, знакомиться в полном объеме со всей документацией, которая требуется при проведении проверок, получать от служебных лиц и других работников необходимые сведения и письменные объяснения по вопросам их деятельности.

Правительству, Прокуратуре, Национальному банку, министерствам и ведомствам республики, местным Советам, их исполнительным комитетам предписывалось всемерно содействовать работе Временной комиссии, обеспечивать предоставление ей достоверной информации, оказывать необходимую помощь в выполнении возложенных на комиссию функций [там же, лл. 5, 6, 146]. Временной комиссии предписывалось проинформировать о результатах своей работы Верховный Совет на очередной сессии. Однако срок деятельности Комиссии определен не был.

14 декабря 1993 г. Александр Лукашенко впервые вышел на трибуну Верховного Совета с докладом о проделанной Временной комиссией работе [15, лл. 21, 23-46]. Часовой доклад Лукашенко, а

затем бурное трехдневное его обсуждение привлекли огромное внимание со стороны населения страны.

Он сразу заявил о творящемся в стране беспределе, который вызывает тревогу «за судьбу государства и его граждан», о сложившейся системе, «в которой все продается и покупается, где правят бал корысть, чистоган, жажда наживы и рвачества», где появились «мафиозные кланы и коррумпированные группировки». Комиссия выявила, что частный бизнес в Беларуси начал создаваться в недрах государственного сектора экономики, что привело к слиянию двух «принципиально разных форм». В результате, подчеркнул оратор, в стране «начался опустошительный разгул узаконенной спекуляции». Еще в 1992 г. милиция выявила в республике более 40 руководителей, которые совмещали государственные должности с коммерческой деятельностью. В ходе развернувшейся дискуссии некоторые депутаты попытались разобраться в объективных причинах нарастания коррупции в государственных эшелонах власти и управления. Они говорили о том, что деятельность коммерческих структур при государственных структурах была разрешена самим же Парламентом. Поэтому, по их мнению, «вина Верховного Совета в развитии процессов коррупции заключается, прежде всего, в создании уродливых, противоречивых законов, которые легко обойти, медлительностью в создании цельной правовой базы», «мы своими решениями создали условия для коррупции», «самое главное условие для коррупции дает сегодня кредитная политика нашего государства». Представители оппозиции причиной коррупции в Беларуси назвали «отказ от проведения самостоятельной, ответственной государственной политики, создание уродливой экономической системы»; «отказ Верховного Совета и Правительства от проведения последовательной политики по реформированию экономики не позволяет упорядочить отношения собственности» [16, лл. 29, 35, 53, 54, 55]. 26 января 1994 г., на повестку дня сессии Верховного Совета был поставлен вопрос «Об освобождении от должностей Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича и Председателя Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебича» [17, л. 2]. По итогам тайного голосования за отзыв С.С. Шушкевича с поста Председателя Верховного Совета Республики Беларусь высказалось 209 депутатов из 250 принявших в голосовании, то есть 83,6%, против – 36, то есть 14%. За освобождение

В.Ф. Кебича с поста Председателя Совета Министров Республики Беларусь высказался 101 депутат из 281 проголосовавшего, то есть 36%, против 175, то есть 62,3% [18, л. 52]. Таким образом, С.С. Шушкевич покинул место спикера Парламента, а В.Ф. Кебичу удалось сохранить свое место.

В постановлении Верховного Совета от 26 января 1994 г. по докладу Временной комиссии [47] были также определены меры, направленные на устранение негативных явлений в обществе, в том числе даны поручения Совету Министров, Прокуратуре, правоохранительным органам, местным Советам народных депутатов. Временной комиссии было поручено «внести на текущую сессию Верховного Совета предложения об освобождении от занимаемых должностей лиц, избираемых или назначаемых Верховным Советом, дискредитирующих органы государственной власти и управления, в связи с фактами, приведенными в докладе Временной комиссии Верховного Совета Республики Беларусь для изучения деятельности коммерческих структур, действующих при республиканских и местных органах власти и управления».

Использованные источники и литература

1. Бущик, В.В. Человек и общество в условиях социально-политических преобразований / В.В. Бущик. – Минск: Перспектива, 1999. – 279 с.

2. Василевич, Г.А. Белорусское государство на рубеже веков / Г.А. Василевич. – Минск: Экономика и право, 2008. – 468 с.

3. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие / А.В. Курьянович // Иппокрена. – 2008. – № 2. – С. 20-31.

4. Народная газета. – 1994. – 5-7 лют.

5. Народная газета. – 1994. – 22 лют.

6. Национальный архив Республики Беларусь за 1992 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3293.

7. Национальный архив Республики Беларусь за 1993 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3210.

8. Национальный архив Республики Беларусь за 1993 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3269.

9. Национальный архив Республики Беларусь за 1993 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3270.

10. Национальный архив Республики Беларусь за 1993 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3283.
11. Национальный архив Республики Беларусь за 1993 г. – Фонд 98. – Оп. 1. – Д. 3293.
12. Советская Белоруссия. – 1990. – 29 июл.
13. Советская Белоруссия. – 1993. – 23 дек.
14. Советская Белоруссия. – 1994. – 4 янв.
15. Советская Белоруссия. – 1994. – 7 дек.
16. Советская Белоруссия. – 1994. – 21 янв.
17. Советская Белоруссия. – 1997. – 19 мар.
18. Хоцей, А. Теория общества: в 3-х т. / А. Хацей. – Казань, 2002. – Т. 3, кн. 2. – 157 с.
19. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://pravo2000.by.ru/baza33/d32559.htm – Дата доступа: 09.07.09.
20. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://lawbelarus.com/repub/sub31/texg1523.htm – Дата доступа: 10.07.09.

ПРОЛЕТКУЛЬТ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Давидович А. В., кандидат исторических наук, доцент;
Киселёва С.А., старший преподаватель

Поступательное развитие человечества находит свое глубокое выражение в прогрессе культуры. Смена исторических эпох является сменой одного типа культуры другим. Октябрьская революция 1917 г. вызвала активный поиск нового в культуре. Несколько десятилетий после нее стали периодом появления большого количества экспериментов, опытов, временем формирования новых взглядов на культурное развитие в Советской России.

Интересным этапом культурного развития этого революционного времени было создание и работа Пролеткульта, который стал одним из символов эпохи. Пролеткульт – это массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при наркомате просвещения, существовавшая с 1917 по 1932 гг.

Культурно-просветительские организации пролетариата начали появляться сразу после Февральской революции. Первая их конфе-

ренция, положившая начало Всероссийскому Пролеткульту, была созвана А.В.Луначарским[1] в сентябре 1917 г.

После Октябрьской революции Пролеткульт очень быстро вырос в массовую организацию, имевшую свои филиалы в ряде городов. К лету 1919 г. существовало около 100 организаций на местах, в которые входило около 80 тыс. человек, в основном рабочих, издавалось 20 журналов и газет. Организация ставила перед собой ряд задач: создать новую пролетарскую культуру, используя буржуазную культуру прошлого, развивать пролетарскую науку, усилить подлинно товарищеские отношения в пролетарской среде, разработать пролетарскую философию и подчиненить искусство интересам пролетариата.

Пролеткульту благоприятствовало то обстоятельство, что А.В. Луначарский, симпатизировавший ему, стал наркомом просвещения РСФСР. От Наркомпроса Пролеткульт получал значительную финансовую помощь на мероприятия по ликвидации неграмотности, на собирание фольклора, организацию рабочих клубов, литературных студий и рабочих университетов.

Идеологами Пролеткульта были А. А. Богданов[2], А.К. Гастев, В.Ф. Плетнев, П.М. Лебедев (Керженцев) и другие, исходившие в своих взглядах и деятельности из определения «классовой культуры», сформированного Г.В. Плехановым. Главной целью организа-

---

[1] Луначарский Анатолий Васильевич (11.11.1875-26.12.1933 гг.), советский государственный деятель, теоретик искусства и литературы, критик, писатель и драматург. Организатор советской школы, системы высшего и профтехобразования, перестройки научных учреждений, театра и кино. После Октябрьской революции нарком просвещения. В 1929 г. председатель Ученого комитета при ЦИК СССР, академик АН СССР (1930 г.)., с 1933 г. полпред СССР в Испании [1; с. 739].

[2] Богданов Александр Александрович (настоящая фамилия Малиновский) (22.08.1873-7.04.1928) – экономист, философ, политический деятель, ученый естествоиспытатель. Окончил медицинский факультет Харьковского университета (1899 г.). С 1903 г. в партии большевиков. В 1905-1907 гг. сотрудничал в редакциях большевистских печатных органов «Пролетариат», «Вперед» и т.д. После Октябрьской революции, являлся почетным членом Комакадемии. В 1919 г. стал идеологом Пролеткульта со своей концепцией «чистой» пролетарской культуры, создаваемой только самими пролетариями, с отрицанием культуры прошлого. В 1926 г. организовал и возглавил первый в мире Институт переливания крови. Умер в результате эксперимента по переливанию крови, поставленном на самом себе [2, с. 150].

ции декларировалось развитие пролетарской культуры. По мнению А. Богданова, любое произведение искусства отражает интересы и мировоззрение только одного класса и поэтому непригодно для другого. Следовательно, пролетариату требуется создать «свою» собственную культуру с нуля. По Богданову, пролетарская культура – динамичная система элементов сознания, которая управляет социальной практикой, а пролетариат как класс ее реализует.

Гастев А. рассматривал пролетариат как класс, особенности мировосприятия которого диктуются спецификой каждодневного механического, стандартизированного труда. Новое искусство должно раскрыть эти особенности посредством поиска соответствующего языка художественного высказывания. «Мы вплотную подходим к какому-то действительно новому комбинированному искусству, где отступают на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка. Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического – писал Гастев в работе «О тенденциях пролетарской культуры» (1919) [3, с. 53]. Лидеры и творческие силы Пролеткульта последовательно выступали за то, чтобы новое искусство служило революции, отражало и воспевало революционную действительность. Они отстаивали принцип идейности и классовости революционного искусства, боролись против модернистского искусства, против декадентов как «организаторов жизненного распада», хотели, чтобы пролетариат изсвоих рядов выдвигал мастеров искусства.

Но во взглядах идеологов организации таких, например, как А. Богданов (руководитель Пролеткульта до 1920 г.), о путях и методах строительства новой художественной культуры, ее идейно-эстетической основе, немало было такого, что вызывало резкие споры даже в то революционное время.

Одной из основ идейно-культурной платформы Пролеткульта был богдановский тезис: «Художник смотрит на мир глазами своего класса». В теории и практике Пролеткульта он служил исходной позицией для выводов о том, что можно создать «чистую» пролетарскую культуру и «особое» пролетарское искусство. Теоретики Пролеткульта считали, что партийность художественного творчества определяется подсознанием художника. А идейное содержание

художественного произведения – не плод творческих исканий художника, а результат фатально действующего механизма классовой духовной наследственности. Отношение Пролеткульта к проблеме культурной преемственности и культурному наследию составляло важное звено в идейно-эстетической позиции членов организации. Известный призыв пролеткультовцев «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля» был больше политической бравадой, чем серьезным намерением. Но отдельные представители движения видели в культуре прошлого лишь «развалины и гнилую труху».

Конечно, идеологи и лидеры Пролеткульта понимали прогрессивное значение завоеваний прошлого. Но их ошибочные теории о «пролетарской культуре» вели к разрыву с реалистической традицией культурных достижений прошлых веков.

Деятели Пролеткульта шли дальше и отрицали необходимость профессионализма в художественном творчестве, как якобы «барской прихоти», что особенно ярко проявилось в театральной платформе этой организации. Теоретической основой этих взглядов была книга П.М. Лебедева (Керженцева)[3] «Творческий театр», вышедшая в 1918 г. В соответствии с ней пролеткультовцы считали, что надо полностью отменить прежнее сценическое искусство, создать новый театр вне всяких связей с традициями профессионального сценического искусства, да еще силами только пролетариев, которым не надо учиться, а нужно лишь творить [3, с. 101].

Идеологи Пролеткульта допускали серьезные ошибки в понимании личности художника в творчестве. Они утверждали, что в художественном творчестве личность художника не имеет особого значения, потому что здесь на первом месте должен стоять, по терминологии А. Богданова, «автор – класс», «автор – коллектив». Исходя из этого, к художнику предъявлялись жесткие нормативные требования полной регламентации его творчества в рамках только «коллективного опыта», отказывая художнику в свободе творчества, проявляя аб-

[3] Керженцев Платон Михайлович (наст. фамилия Лебедев) родился 4(16).08.1881. Советский государственный и партийный деятель, историк. Член партии большевиков с 1904 г. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Участвовал в революции 1905-1907 гг. С 1912 г. корреспондент газеты «Правда» в эмиграции. В 1919-1920 гг. ответственный руководитель РОСТА и один из идеологов Пролеткульта. С 1918 по 1926 гг. полпред в Швеции и Италии [4, с. 576].

солютную нетерпимость к «инакомыслящим». Такие элементы художественного творчества, как талант, вдохновение, новаторство вызывали протест и иронию пролеткультовцев, поскольку эти качества, по их убеждению, должны быть достоянием лишь коллектива.

Ошибки и заблуждения Пролеткульта происходили не только из-за ошибок его лидеров и незрелости самого пролеткультовского движения, они отражали культурную незрелость рабочего движения. Принципиальной ошибкой так же было убеждение, что все проблемы «революционной» культуры можно решить быстро и радикально «волевыми приемами». В начале 20-х г. в связи с обсуждением всех вышеизложенных вопросов в обществе возникали особенно горячие споры и дискуссии. За выступлениями, тезисами, статьями и книгами кипели политические страсти, вырисовывались программы преобразования человека и действительности. А вместе с тем, большинство теорий, претендовавших тогда на внедрение в живую практику культурного строительства, по сути дела были далеки от жизни, носили отвлеченный, умозрительный характер.

Теоретическая платформа Пролеткульта, конечно, оказывала отрицательное влияние на массовые мероприятия по культурному воспитанию и образованию трудящихся широко проводимые в то революционное время в стране. Тем не менее, вне движения пролеткультов нельзя даже представить себе истории культурного развития в государстве в первые годы советской власти. Однако, во многом стихийное, возникшее в годы революции, отражающее давно назревшую тягу народа к знаниям и искусству, движение пролеткультов, если говорить о его рядовых участниках, чаще всего не имело ничего общего со взглядами своих идеологов. Низовые организации в своей повседневной работе не связывались с умозаключениями теоретиков Пролеткультовского центра. Они носили чисто просветительский характер и называли себя Пролеткультом, чаще всего не имея о нем никакого представления, а просто воодушевляясь яркой идеей пролетарской культуры.

Вместе с тем, не все в практическом опыте пролеткульта надо безоговорочно отбросить. Сейчас, с высоты пройденных десятилетий, необходимо разобраться в том, что же конкретно внесло это движение (рядовые участники которого просто тянулись к культуре и были далеки от теоретических споров) в культурное развитие народа и страны. Прежде всего, бросается в глаза масштаб распро-

странения звеньев цепи Пролеткульта от фабрично-заводской ячейки до районного, городского и губернского пролеткультов во главе с Советом и постоянно действующим Президиумом. Число пролеткультов продолжало неуклонно расти и деятельность этой организации приобретала международный характер.

Во время Второго конгресса III Интернационала, проходившего 7 августа 1920 г. в Петрограде, было организовано Международное временное бюро Пролеткульта, избравшее исполнительный комитет во главе с председателем А.В. Луначарским.

Бюро выпустило манифест «Братьям пролетариям всех стран», в котором говорилось, что главной своей задачей организация считает распространение принципов пролетарской культуры, создание организаций Пролеткульта во всех странах и подготовку Всемирного конгресса Пролеткульта [5, с. 321]. Но дальше манифеста дело не пошло и эта деятельность впоследствии не имела развития.

Городские – в крупных промышленных центрах, и губернские пролеткульты имели самые различные отделы: инструкторско-агитационный, клубный, литературно-издательский, музыкально-вокальный, театральный, научный, финансовый, физического развития и профессионального знания и т.д. В трудных экономических условиях гражданской войны в 1919 г. в Советской России действовало специальное издательство и выходило в свет пятнадцать периодических журналов Пролеткульта. Наиболее значительными из них были: «Пролетарская культура», органы Петроградского и Московского Пролеткульта журналы «Грядущее» и «Горн» и другие. Кроме того, было выпущено большое количество сборников пролетарской поэзии и прозы. Пролеткульт разработал и проводил в жизнь обширную программу строительства самодеятельного пролетарского театра, который мыслился как своеобразный центр эстетического воспитания трудящихся. Заметным явлением в культурной жизни Советской России был Первый Рабочий театр Пролеткульта, где работали С.М. Эйзенштейн, И.А. Смышляев, И.А. Пырьев, М.М. Штраух, Э.П. Гарин, Ю.С. Глизер и другие.

Наибольшая активность Пролеткульта приходится на время Октябрьской революции и два десятилетия после него. Поворотным этапом в жизни Пролеткульта стала резолюция ЦК РКП (б) от 1 декабря 1920 г. «О Пролеткультах». После нее эта творческая, самодеятельная организация была подчинена контролю партийных и

государственных органов. Пролеткульт оказался лишним звеном в формирующейся тоталитарной системе. После 1920 г. движение постепенно пошло на убыль. Начиная с 1925 г. и до своей окончательной ликвидации в 1932 г. деятельность Пролеткульта преимущественно связывалась с кружковой, клубной работой профсоюзов [5, с. 201]. А впоследствии была заменена Союзом художников, писателей, театральных деятелей, которые находились под жестким контролем партийных органов.

Использованные источники и литература

1. Луначарский А.В. // Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская Энциклопедия», 1979. – 1600 с.

2. Богданов А.А. // Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская Энциклопедия», 1979. –1600 с.

3. Лейзеров, Н.А. В поисках и борьбе: из истории эстетических воззрений и эстетического воспитания в советской России / Н.Л. Лейзеров. – М.: «Искусство», 1971. – 191 с.

4. Керженцев П.М. // Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. –1600 с.

5. Ким, М.П. Великая Октябрьская Социалистическая революция и становление советской культуры/ М.П. Ким. – М.: «Наука», 1985. – 525 с.

ПРЫВАТНЫЯ ПРАМЫСЛОВЫЯ ПРАДПРЫЕМСТВЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У 1921-1923-Х ГАДАХ

Доўнар Л.А.,
кандыдат гістарычных навук

У пачатку 1920-х гадоў неабходнасць аднаўлення гаспадаркі краіны пасля ваенна-палітычных катаклізмаў прымусіла савецкую ўладу адмовіцца ад усеагульнай нацыяналізацыі і вярнуцца да таварна-грашовых адносін. Для фарміравання рынку і наладжвання тавараабмену з сялянамі трэба было павялічыць выпуск прамысловай прадукцыі. Дзяржаўныя прадпрыемствы не маглі хутка справіцца з гэтай задачай. Таму справу па задавальненні асноўных спажывецкіх патрэб насельніцтва павінны былі выканаць прыватныя прадпрыемствы. Дзяржава захавала манаполію на буйную фабрычную вытворчасць і знешні гандаль, таму прыватнік

мог працаваць толькі на дробнатаварных прадпрыемствах з абмежаванай колькасцю наёмных рабочых і арыентавацца на патрэбы ўнутранага рынку.

Становішча прыватных прадпрыемстваў вызначалі адпаведныя заканадаўчыя, выканаўчыя і кантралюючыя органы савецкай улады на цэнтральным і мясцовых узроўнях. Пастанова ЦК РКП(б) ад 14 мая 1921 г. дэкларавала пра "велізарнае значэнне саматужнай прамысловасці ў справе вытворчасці тавараў шырокага ўжытку і садзейнічання сельскай гаспадарцы" [1, с. 42]. Савет Працы і Абароны ў сваім наказе ад 30 чэрвеня 1921 г. патрабаваў ад мясцовых установ кіравання інфармацыю пра тэмпы развіцця саматужнай прамысловасці і ўзровень арганізацыі забеспячэння саматужнікаў сыравінай і сродкамі вытворчасці [4, с. 255-256].

На Трэцім усебеларускім з'ездзе саветаў, які адбыўся 14 снежня 1921 г., было вырашана "падтрымліваць і заахвочваць прыватны пачын у галіне прамысловасці, бо гэта прывядзе да павелічэння даходу дзяржавы і росту прадукцыйнасці прадпрыемстваў". Удзельнікі з'езда вырашылі, што "прыватнай вытворчасці трэба даць свабоду існавання і развіцця" [3, с. 74]. Такім чынам, савецкая ўлада зразумела неабходнасць прыватнай вытворчасці для аднаўлення эканомікі краіны.

У 1921 г. становішча цэнзавай прамысловасці было вельмі цяжкім. З 815 нацыяналізаваных прадпрыемстваў 470 бяздзейнічала, а астатнія нярэдка прастойвалі з-за адсутнасці сыравіны, паліва і няздольнасці дзяржаўных кіраўнікоў наладзіць там вытворчы працэс [2; с. 161]. Таму ў 1921-1922 гг. некаторыя нерэнтабельныя або зруйнаваныя прамысловыя прадпрыемствы зноў вярталіся ў прыватную ўласнасць. Напрыклад, пастановай прэзідыума ВСНГ ССРБ ад 12 лютага 1921 г. былі дэнацыяналізаваны гільзавыя фабрыкі М. Іоф'ева, М. Блінштэйна, М. Саламонава, М. Гандэля, Ш. Эцінгофа, Я. Каца, М. Лібуркіна, І. Флігельмана, Ш. Гільмана [20; с. 126]. Калі нацыяналізаванае прадпрыемства не працавала, але было добра абсталявана, яго здавалі ў кароткатэрміновую арэнду на 1-3 гады. Арандатарамі часта з'яўляліся былыя ўладальнікі. Асаблівым попытам карысталіся гарбарныя заводы. Так, у Мінску свае нацыяналізаваныя гарбарні на ўмовах арэнды атрымалі Х. Фрэнліх [18, с. 18], Сапіра Д. [17, с. 3], О. Ліхтэрман [16, с. 5], Л. Падмаза, у Барысаве – І. Саламонаў, Л. Левін і Р. Гальдсбург, у Бабруйску – С. Немец, І. Фельдман,

М. Гендэльман, Я. Фішэр, І. Каўфман, М. Шнітман [14, 20]. Арандатары павінны былі правесці амартызацыю вытворчасці. Так, Р. Губвід атрымаў свой лесапільны завод у Астрашыцкім Гарадку, даўшы Лескамбелу пісьмовае абяцанне, што ён “праз год поўнасцю яго абсталюе” [12, с. 117]. На арандаваных прадпрыемствах заўсёды было даволі шмат наёмных рабочых. Так, О. Брож, які арандаваў сваю нацыяналізаваную лесапільню ў Мінску, меў 8 пастаянных рабочых і наймаў па 50 сезонных работнікаў [9, с. 4-9].

Мясцовае кіраўніцтва станоўча ацаніла вопыт перадачы непрацуючых прадпрыемстваў былым гаспадарам на ўмовах арэнды. Так, старшыня Выканкама Віцебскага губсавета С. Крылоў у сваім дакладзе “Папярэднія вынікі НЭПа ў Віцебскай губерні” прыйшоў да высновы, што “арэнда выгадна для нас”, і ў Віцебск “ідзе дробны прыватны капітал у асобах былых уладальнікаў вытворчых прадпрыемстваў” [5, с. 3].

У 1922 г. у БССР было дэнацыяналізавана 36 прадпрыемстваў і 172 прадпрыемствы былі здадзены ў арэнду прыватным асобам. У Віцебскай губерні было дэнацыяналізавана 8 прадпрыемстваў і 10 здадзены ў прыватную арэнду. На тэрыторыі Магілёўскай губерніі прыватныя асобы атрымалі ў арэнду 7 прадпрыемстваў [6, с. 63]. Відавочна, што на беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР колькасныя паказчыкі прыватызацыі былі значна ніжэй, аднак тут ішла размова пра больш прыбытковыя прадпрыемствы, чым тыя, што былі ў БССР, бо на кожным з іх працавала ў сярэднім па 24 наёмныя рабочыя [5, с. 2]. Для таго, каб хутка задаволіць спажывецкія патрэбы насельніцтва, знізіць беспрацоўе і, наогул, актывізаваць гаспадарчае жыццё краіны, прыватная вытворчасць была легалізавана.

Юрыдычная працэдура заснавання новага прыватнага прадпрыемства была значна спрошчана. Раней дазваляць ці не дазваляць прыватнай асобе адкрыць вытворчае прадпрыемства вырашалі на пасяджэнні мясцовага Саўнаргаса. Гэта “дазвольная сістэма” была адменена пастановай СНК БССР ад 26 мая 1922 г. Цяпер прадпрымальніку дастаткова было проста зарэгістраваць патэнт на вытворчую дзейнасць у бліжэйшым аддзеле міліцыі, прычым там не мелі права адмовіць у гэтым [8, с. 4]. Кожны прамысловец павінен быў афарміць сваё прадпрыемства ці асобны від прадукцыі пад пэўнай назвай. Да верасня 1922 г. гэта можна было зрабіць у бліжэйшым

саматужпраме, а пазней прадпрымальніку неабходна было звярнуцца непасрэдна ў СНГ БССР. Прамысловец плаціў рэгістрацыйны збор і даваў падпіску аб тым, што “марка не запазычана ў замежных фірм”. На працягу 1922 г. было зарэгістравана 34 прамысловыя прадпрыемствы. Напрыклад, папяросная фарбыка Н. Гітліца мела назву “Карл Маркс”, аналагічнае прадпрыемства Р. Маца звалася “Рэнамэ”, мылаварня С. Нахімаўскага называлася “Кот”, прадпрыемства М. Шалапанава па вытворчасці сахарыну ў таблетках насіла імя “Інтэрнацыянал”.

Маркі 56 відаў прадукцыі прыватных прадпрыемстваў таксама мелі вельмі красамоўныя назвы. Так, папяросы фабрыкі Б. Лейтмана, называліся “Рузвельд”, “Бім – Бом”, “Давай – давай” і “Генуя”. Л. Пржэдмейскі вырабляў мыла “Жук” і “Рэвальвер”, М. Хейфец выпускаў цыкорый пад назвай “Конь пад коўкай” і ячменную каву “Слон”, Б. Уфлянд рабіў яблычны воцат “Экспарт” [13, с. 3–150].

Пасля ліквідацыі Белсаматужпрама **у** жніўні 1922 г. наступіў перыяд адноснай свабоды прадпрымальніцтва [15, с. 5]. Саматужнікі і ўладальнікі дробнапрамысловых прадпрыемстваў атрымалі права свабодна распараджацца прадукцыяй уласнай вытворчасці [7, с. 8]. Аслабленне адміністрацыйнага кантролю дзяржавы за прадпрымальніцкай дзейнасцю садзейнічала павелічэнню колькасці жадаючых стварыць вытворчае прадпрыемства. Напрыклад, у Віцебскай губерніі на працягу 1921 г. штомесяц рэгістраваліся 180 прыватных вытворцаў [5, с. 3].

Згодна з дадзенымі прамысловага перапісу ад 22 снежня 1922 г. у БССР афіцыйна працавала 4846 прыватных прадпрыемстваў, што ў 1,8 разоў больш, чым было ў 1921 г. Сярод прыватных вытворцаў 82,5% лічыліся дробнымі прамыслоўцамі, а 17,4 % адносіліся да саматужнікаў [19, с. 371]. Самым вялікім прамысловым прадпрыемствам была цвікарня Е. Капшэцкага ў Хутарской воласці Ігуменскага павета. Там меўся лакамабіль і працавала 50 наёмных рабочых [158, с. 115]. Сустракаліся прадпрымальнікі, якія валодалі некалькімі прадпрыемствамі. Так, у Б. Геллераз Пухавіч было тры кузні [11, с. 113].

На першае месца па распаўсюджанасці выйшла гарбарная вытворчасць. Цяпер мелася 1286 прыватных прадпрыемстваў гэтай спецыялізацыі, што ў чатыры разы больш, чым у 1921 г. Колькасць аўчыннікаў павялічылася ў два, колькасць гарбарных заводаў у тры, колькасць нарыхтоўшчыкаў – у чатыры разы ў параўнанні з мінула-

годнім паказчыкам. Дрэваапрацоўчых прадпрыемстваў стала больш на 59,5%, галоўным чынам дзякуючы сталярам. Дарэчы, у анкетах яны рэдка пісалі «сталяр», а называліся ўладальнікамі мэблевых майстэрняў, прадпрыемстваў па вытворчасці венскіх стулаў ці ангельскіх ложкаў. Амаль у два разы павялічылася колькасць кравецкіх майстэрняў, прычым большасць з іх былі вузкаспецыялізаванымі.

На прыгожых шыльдах, намаляваных прыватнымі мастакамі, звычайна пісалася «пашыў дамскіх сукенак», ці «майстэрня мужчынскіх касцюмаў», «белашвейня», ці «пашывачная верхняй зімовай вопраткі». Акрамя таго, у БССР значна павялічылася колькасць мылаварняў, млыноў і цагляных заводаў. У беларускіх паветах, якія знаходзіліся ў складзе РСФСР, таксама адбывалася інтэнсіўнае развіццё прыватнай вытворчасці. У канцы 1922 г. тут было 6 337 прыватных прадпрыемстваў, прычым 36,7 % з іх знаходзіліся ў Гомельскай губерніі.

Дамінуючай галіной з'яўлялася харчовая прамысловасць. Прыватных млыноў тут было ў 1,6 разоў больш, чым у БССР, прычым чвэрць з іх была абсталявана паравымі, газагенаратарнымі ці нафтавымі механічнымі рухавікамі. Самым вялікім прыватным прадпрыемствам у гэтым рэгіёне была ігольня ў Віцебску, якая належыла Э. Левінсану, дзе мелася 43 наёмныя рабочыя і 4 служачыя [9, с. 1].

Нярэдка адзін прадпрымальнік валодаў некалькімі прадпрыемствамі. Так, В. Алебрасаў з вёскі Лугаўская Гарадоцкага павета меў гарбарны завод, дзе рабіў падэшвы для ботаў, і шорную майстэрню, дзе займаўся вытворчасцю конскай вупражы [11, с. 79]. У Віцебскім павеце вялікае распаўсюджанне атрымаў ганчарны промысел, бо тут амаль не выкарыстоўваўся драўляны посуд.

Цікавай асаблівасцю харчовай прамысловасці Гомельшчыны можна назваць наяўнасць там мёдаварняў – прадпрыемстваў па выпрацоўцы медавухі – алкагольнага напою з мёду, хмелю, цукру і вады. Такія прадпрыемствы абсталёўваліся варачнымі катламі, брадзільнымі чанамі і фільтрамі. Палівам служылі сасновыя дровы. На мёдаварнях звычайна працавалі 2-3 наёмныя рабочыя. За месяц на адным прадпрыемстве атрымоўвалася ў сярэднім 392 вядры, або 2 960 літраў медавухі, якую прадавалі за 1372 руб. Самымі знакамітымі былі медаварні братоў Крацер, якія знаходзіліся ў Гомелі на вуліцы Камсамольскай [15].

На беларускіх тэрыторыях, якія знаходзіліся ў складзе РСФСР апрацоўкай металаў, шавецкім і гарбарнымі промысламі было занята ў

два разы больш прадпрымальнікаў, чым у БССР. Прыватных прамысловых прадпрыемстваў, на кожным з якіх працавала ад 6 да 30 наёмных рабочых, у гэтым рэгіёне было ў 3,2 разы больш, чым у БССР.

Такім чынам, ажыўленне прыватнай вытворчасці адбылося ўжо ў першыя гады НЭПа. У 1921-1922 гг. у БССР найбольш інтэнсіўна развівалася гарбарная вытворчасць, а ў беларускіх паветах на тэрыторыі РСФСР галоўнае месца належыла прадпрыемствам па вытворчасці прадуктаў харчавання. У БССР 94 % вытворчых прадпрыемстваў знаходзіліся ў прыватнай уласнасці, 5% належалі дзяржаве і 0,8% – кааператыўным установам. У беларускіх паветах на тэрыторыі РСФСР прыватнаўласніцкімі з’яўляліся 93,5%, дзяржаўнымі – 6,3%, кааператыўнымі – 1,7% вытворчых прадпрыемстваў. Відавочна, што прамысловасць у першыя гады НЭПа пераважна знаходзілася ў прыватнай уласнасці.

На тэрыторыі Беларусі прыватныя прадпрыемствы разнастайнай спецыялізацыі былі распаўсюджаны раўнамерна. Тут не было так званых «саматужных гнёзд» – рэгіёнаў па вытворчасці пэўнага віду прадукцыі, як гэта было ў Ніжагародскай, Маскоўскай, Тульскай, Уладзімірскай і Пензенскай губернях Расіі.

За 1922-1923 гг. валавая прадукцыя прыватнай вытворчасці ў агульным прамысловым абароце павялічылася з 84,6% да 85,7%, у той час як валавая прадукцыя дзяржаўнай прамысловасці панізілася з 14% да 6,2% ад агульнага абароту прамысловасці БССР. Вырабы саматужнікаў былі ў 3-4 разы танней, чым аналагічная прадукцыя дзяржаўных прадпрыемстваў. Так, пашыў нагавіц у дзяржаўным атэлье каштаваў 1 руб. 53 к., а ў прыватнага шаўца толькі 35 к..

У 1923 гг. канчаткова склаўся так званы прыватны сектар эканомікі, куды ўваходзілі скупшчыкі сельскагаспадарчай сыравіны, уладальнікі вытворчых прадпрыемстваў і гандляры, што забяспечвалі збыт прадукцыі. Прыватны сектар эканомікі не перасякаўся з дзяржаўным, што дазваляла ўсім прадпрымальнікам пазбягаць кантролю савецкай улады за сваёй дзейнасцю. У гэты перыяд каля 95% прамысловых устаноў БССР належалі прыватным асобам.

Асноўнымі пакупнікамі прадукцыі прыватных прадпрыемстваў з’яўляліся сяляне, таму ў 1923 г. у сялянскім бюджэце адбылося рэзкае павелічэнне расходаў на прамысловыя тавары. У сярэднім селянін траціў 67 % сваіх грошай на пакупку адзення, абутку, мануфактуры і земляробчага інвентару. Відавочна, што аднаўленне

тавараабмену паміж горадам і вёскай у БССР адбылося дзякуючы развіццю прыватнай вытворчасці.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Архипов, В.А. Борьба партии большевиков против капиталистических элементов в промышленности и торговле / В. Архипов, Л.Ф. Морозов. – М: Изд – во ВПШ и АОН, 1978. – 203 с.

2. Архипов, В.А. Этапы и методы регулирования частного торгово- промышленного предпринимательства / В.А. Архипов // Экономическая политика советского государства в переходный период: сб. науч. ст. / АН СССР, ин – т истории СССР; под ред. П. Ким. – М, 1986. – С. 121–130.

3. Восстановление Народного хозяйства БССР 1921-1925 гг.: сб. документов и материалов. / Главное архивное управление при Совете Министров БССР; Ин – т истории АН БССР; Ин – т экономики АН БССР; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР; сост.: Э.Л. Козловская [и др.]. – Минск: “Беларусь”, 1981. – 270 с.

4. Декреты советской власти 1920 г.: сб. документов и материалов./ Ин–т Российской истории РАН; Рос. Центр изучения и хранения документов новейшей истории; сост. Ю.А. Ахапкин [и др.]. – М., Археогаф. Центр, 1998 – 392 с.

5. Крылов, С. Предварительные итоги НЭПа по Витебской губернии / С. Крылов. – Витебск: 1– я гос. тип, 1921. – 38 с.

6. Маразевіч, В. Л. Магілёўшчына ў першыя гады НЭПа / В. Маразевіч // Магілёўская даўніна. – 1991. – № 1. – С. 60 – 64.

7. Медведев, В.Ф. Экономическая роль мелких предприятий в формировании промышленного комплекса / В. Медведев, В. Высоцкий. – Минск: Ин – т истории АН БССР, 1971. – 296 с.

8. НАРБ фонд 15. – Оп. 1. – Д. 28 . Протоколы заседаний СНК БССР 27 декабря 1924 г.

9. НАРБ фонд 30. – Оп. 4. – Д. 121. Подробное обследование кустарного и промышленного производ. в г. Витебске в 1921-1924 гг.

10. НАРБ фонд 30. – Оп. 1. – Д. 1296. Статистические сведения о количестве промышленных заведений в Дрессенском уезде по данным Всероссийской пром. переписи 1922 г.

11. НАРБ фонд 30. – Оп. 1. – Д. 1708а. Список промышленных предприятий БССР за 1922 г.

12. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 273. Переписка с Белкожем и групповым правлениями СНХ БССР о состоянии кожевенной промышленности, о сдаче в аренду кожевенных заводов (июль – сентябрь 1921 г.).
13. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 371. Переписка с НКВД БССР об утвержденииитоварных знаков кустарных предприятий (февраль–декабрь 1922 г.).
14. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 744. Переписка с Центробелсоюзом и уездэкономотделами о сдаче в аренду кожзаводов (29 сентября 1921 г. – 21 марта 1922 г.).
15. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 834. Сведения о производственной, финансовой и торговой деятельности предприятий кожевенной, деревообрабатывающей и пищевой промышленности БССР за 1922 г.
16. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 885. Дело о сдаче в аренду кожзавода Лихтермана (1922 г.).
17. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 887. Дело о сдаче в аренду кожзавода Сапиро (1922 г.).
18. НАРБ фонд 63. – Оп. 1. – Д. 912. Протоколы заседаний бюро президиума и арендной комиссии ВСНХ БССР (9 января 1923 – 25 июня 1924 г.).
19. НАРБ фонд 93. – Оп. 1. – Д. 475. Сведения Наркомфина БССР о промысловом налоге за 2 полугодие 1922 г.
20. Протоколы заседания ВСНХ 1920-1921 гг. М.: Ин–т Российской истории РАН, 2001. – 216 с.

ФОРМЫ І МЕХАНІЗМЫ ГРАМАДСКАЙ РЭГУЛЯЦЫІ МАЁМАСНЫХ АДНОСІНАЎ У ТРАДЫЦЫЙНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Карбалевіч Н.М.,
выкладчык

Для беларускай традыцыйнай культуры характэрнымі былі своеасаблівае стаўленне сялянаў да прыватнай і грамадскай уласнасці, а таксама цэлы спектр спецыфічных грамадскіх узаемаадносінаў вакол маёмасці. Рэгуляцыя грамадскіх узаемаадносінаў беларускіх сялянаў вакол маёмасных і эканамічных

пытанняў грунтавалася найперш на агульным разуменні маёмаснай і эканамічнай узаемасувязі ўсіх сялянаў грамады. Спецыфічнае стаўленне да прыватнай уласнасці адзначаецца ў разнастайных формах, якія ў пэўнай ступені адлюстроўваюць рудыментарнае ўспрыманне ўсёй маёмасці грамады як агульнай. У грамадскім стаўленні да прыватнай маёмасці вялікую ролю адыгрываў сітуацыйны кантэкст дзеяння. Найбольш яскрава гэтае адчуванне грамадскага маёмаснага адзінства і ўзаемазалежнасці адлюстроўваецца ў фальклоры – “абы даў Бог людзям, то й мы здабудзем” [21, s. 352]; “зарадзи, Божа, и на крадящего и на прасящаго и на усякаго добраго чаловека” [8, с. 30]. Нават гульнёвы элемент, які фіксуецца ў наступным павер’і, стымуляваў побытавы ўзаемаабмен маёмасцю і адлюстроўвае ідэю агульнай маёмаснай сістэмы: “Вельмі добрэ, калі хто йдучы ў дарогу возьме з сабою з хаты хлеб і соль да ў людзях атдась хлеб другім, а замяст яго і прынясе дамоў чужы хлеб. Той і сам усім скарыстае, і людзі будуць ім давольны” [16, с. 112 – 113].Стаўленне да прыватнай уласнасці ў сялянскім асяродку ілюструе і жартаўлівае – “што з воза впало, то пропало” [2, с. 627], нібыта права ўласнасці настолькі хісткае, што разбураецца, як толькі рэч выпускаецца з рук гаспадара, і кожны цяпер мае на яе права. Трэба таксама адзначыць, што факт і стан валодання пэўнай рэччу ў сялянскай абшчыне беларусаў накладаў на чалавека сацыяльную нагрузку, права валодання несла разам з сабой грамадскі абавязак захоўваць своеасаблівы маёмасны баланс у грамадскім асяродку.

Аналагічны падыход да ўласнасці і абавязку, які вынікаў з факта валодання, можна прасачыць і ў звычаёвым імператыве дармова накарміць падарожнага [17, с. 115]. З гэтых жа меркаванняў, калі цяжарная жанчына ў чужым садзе ці агародзе пачынала есці чужую садавіну ці гародніну, гаспадары не толькі яе не выганялі, але і рабілі выгляд, што не заўважаюць шкоды, каб не напужаць яе і не пашкодзіць дзіцяці [13, с. 8]. Але ў той жа час, каб такое стаўленне да маёмасці і спецыфічны дазвол сітуацыйна браць чужое не моцна шкодзіў гаспадарцы, існаваў культурны механізм адаптацыі да варыятыўнага стаўлення да прыватнай маёмасці. Ён праяўляўся ў функцыяванні ў сялянскім асяродку шэрагу павер’яў, якія імкнуліся перадухіліць вольнае стаўленне да чужой маёмасці, прагназуючы за гэта страшныя наступствы. Напрыклад, існавала павер’е, што калі

цяжарная жанчына любіла карыстацца чужымі рэчамі без дазволу ці крала іх, за выключэннем прадуктаў харчавання, калі яна не з’ядала іх да астачы, яе дзіця абавязкова зробіцца злодзеям [13, с. 5]. Страх нашкодзіць свайму дзіцяці, відавочна, павінен быў ахоўваць ад шкодных дзеянняў цяжарнай жанчыны маёмасць суседніх гаспадарак. Яшчэ адно павер’е, закліканае засцерагчы ад чужыхнабегаў гародніну, да аднамомантавага выядання якой існавала паблажлівае стаўленне ў грамадзе, сцвярджала, што на месцы можна есці гароху, колькі захочаш, але нельга браць з сабой, бо ён загавораны і ты прастаіш на месцы, дзе ён расце, пакуль не прыйдуць гаспадары [13, с. 109].

На падставе стаўлення да ўласнасці і на разуменні грамадскай маёмаснай узаемазалежнасці грунтавалася і сялянскае стаўленне да крадзяжу маёмасці. Выяданне чужой садавіны і гародніны ў месцах, дзе яны растуць, часцей за ўсё трактавалася як крадзеж толькі вонкавымі назіральнікамі. Самі сяляне ў сваёй сістэме зносінаў часцей за ўсё не разглядалі гэты факт як крадзеж. І.А. Сербаў адзначаў, што беспакаранае выкарыстанне чужой садавіны і гародніны з’яўлялася элементам звычаёвага права, але ён таксама заўважаў, што з-за гэтага факту палешукі агародаў і садоў амаль не трымалі [15, с. 39]. Але ў той жа час крыніцы сведчаць, што ў некаторых мясцовасцях выкраданне нават дробнай садавіны і гародніны з’яўлялася недазволеным. Так, М.М. Улашчык пісаў, што “ў вёсцы не кралі, нават дзеці не лазілі па чужых садах і гародах, бо бацькі каралі за гэта вельмі сурова” [17, с. 115]. Паводле матэрыялаў П. Баброўскага, сялянскага хлопчыка, злоўленага ў чужым агародзе, на чужой яблыні, суседзі выкідвалі за весніцы [2, с. 822–823]. Такім чынам, адзначаюцца лакальныя адрозненні традыцыі ў стаўленні да крадзяжу ці выяданню дробнай садавіны і гародніны.

У пытаннях уласна крадзяжу маёмасці сведчанні крыніцаў падзяляюцца на дзве катэгорыі: частка з іх фіксуе факты і распаўсюджанасць крадзяжоў маёмасці паміж сялянамі, іншыя крыніцы падкрэсліваюць, што крадзяжоў практычна не было. Супрацлеглыя адказы на гэтае пытанне могуць утрымлівацца нават у адной крыніцы. Так, І.А. Сербаў ў апісанні сваіх вандровак па Палессі, у дачыненні да адной вёскі прыводзіў свой наступны дыялог з мясцовым старастам: “Почему так у вас все на запоре?” –

“Да кажный ю нас тягне один ю другого усе, що зарвя”, а ў дачыненні да іншай адзначаў, што крадзяжу там практычна не было [15, с. 36, 39].

Але калі крадзяжы здараліся, дык найчасцей іх прычынай была беднасць. М.М. Косіч адзначала, што паміж сялянамі знойдзецца некалькі малазямельных, якія заўсёды гатовыя залезці ў свіран да больш заможнага суседа, ноччу падкапаўшы пад сцяну свірна без падлогі, і скрасці прадукты [9, с. 78–79]. Пры гэтым крадзеж з-за беднасці з’яўляўся зразумелым для сялянаў ці нават апраўдваўся – “ни зарикайся красть: Бох беднысь дасть” [6, с. 15]. Можна лічыць, што дазвол на дробныя крадзяжы прадуктаў харчавання для бедных таксама з’яўляўся своеасаблівай сацыяльнай гарантыяй ці сацыяльнай дапамогай. М. Янчук у дачыненні да пытання крадзяжоў адзначаў, што беларускі селянін “вядома ж, не пойдзе ў хату красці грошы, не ўзламае амбар, не звядзе каня, хіба за рэдкімі выключэннямі; але, напрыклад, чужое дрэва, калі яно не загароджана, трава чужая, асабліва ў лесе, не лічацца недатыкальнымі, і ў гэтым дачыненні нярэдка парушаюцца правы ўласнасці; у асаблівасці памешчыкі часта скардзяцца на крадзеж сялянамі строевага лесу і дроваў з лесу, таксама на патраву лугоў” [20, с. 22–23]. Гэта якраз маляўніча ілюструе спецыфічнае стаўленне да прыватнай уласнасці ў сялянскім асяродку, на якое паўплывалі традыцыі калектыўнага ладу жыцця, адмысловыя формы землекарыстання і супольнага валодання пэўнай маёмасцю ў зачыненым асяродку грамады. Тым не менш павага да права ўласнасці, ашчаднае стаўленне да чужой маёмасці адлюстроўваецца ў фальклоры – “не тки носа ў чужое проса” [19, с. 479], “хто чужога ні шануе, свайго мець не будзе” [21, s. 70], [4, с. 91].

Значным фактарам, які даваў права на маёмасць і замацоўваў яго ў традыцыйнай беларускай культуры, быў фактар працы. Права на зямлю і маёмасць сялянскай гаспадаркі паводле традыцыі мелі не толькі тыя, хто нарадзіўся ў сям’і, але і людзі, якія доўга і добра працавалі ў гаспадарцы – прымакі, здольнікі і інш. [7, с. 132]. Такім чынам, добрая праца селяніна давала яму легітымнае права на зямлю і маёмасць паводле грамадскай традыцыі.

У традыцыйнай беларускай культуры існавалі разнастайныя віды і механізмы рэгуляцыі грамадскіх адносінаў сялянаў, якія ўзнікалі вакол маёмасці. Адметным аспектам традыцыйнай сацыяльнай

культуры беларусаў была грамадская рэгуляцыя пазыковых зносінаў. Пазычэнне маёмасці ў якасці грамадскага дзеяння мела шэраг агульнапрынятых правілаў і заканамернасцяў, асаблівасцяў паводзінаў усіх удзельнікаў. Узаемнае пазычэнне рэчаў было натуральным элементам жыцця сялянскай супольнасці. Сяляне найчасцей пазычалі агонь, калі раптам ён згас у сваім агменю [10, с. 95]; насенне, калі не было грошай яго купіць [11, с. 34–35]; печаны хлеб [13, с. 97], гародніну [13, с. 126] і інш. Але, як адзначаў М.Я. Нікіфароўскі, з усіх прадуктаў сельскай гаспадаркі ніколі не пазычаліся мёд і малако, а даваліся дарам ці прадаваліся, і сама прапанова аб такой пазыцы лічылася крыўднай; а калі малако патрэбнае было для дзіцяці, таго прыносілі ў хату, дзе малако было, і там кармілі [13, с. 152]. Пазычаліся прылады працы і прадметы ўжытку, асабліва рэдкія, якія шляхам пазычэння служылі ўсёй вёсцы, напрыклад, дрывяная і сталярная піла [12, с. 350], жняярка – “такая пазыка лічылася сяброўскаю паслугай, і ўладальнікі жняярак не патрабавалі ні платы, ні адпрацоўкі” [17, с. 56]. Магло здарацца, што пазычаная рэч, калі яна цікавіла ўсіх сялянаў, а яе гаспадар не моцна гэтаму супраціўляўся, пераходзіла ў катэгорыю супольнай грамадскай маёмасці. М.М. Улашчык апісваў падобную сітуацыю так: “Па Віцкаўшчыне хадзіла кніга “Соннік”. Відаць, у яе быў гаспадар, але, па сутнасці, гэтая кніга належала ўсёй вёсцы і бясконца вандравала з хаты ў хату” [17, с. 110]. Існавалі цікавыя асаблівасці пазычэння. Адну з іх акрэсліваў М.Я. Нікіфароўскі: “З усіх прадметаў сельскага ўжытку адна лыжка не купляецца ў суседзяў і не “идет на позыки”: калі яна ўнесена ў чужую хату – лыжка робіцца ўласнасцю гэтага дома” [13, с. 90–91]. Сярод сялянаў існавала таксама перакананне, што калі пазычаеш працоўную хатнюю жывёлу ці пэўныя прадметы хатняга начыння, за іх захаванасцю трэба сачыць, а значыць “пазычаць” і сваю працу ці ўдзел у падзеі – “скатину и пусудину никада у люди ни ‘тдавай биз сябе” [6, с. 114].

Значным элементам маёмаснай рэгуляцыі грамадскіх адносінаў з’яўляліся звычаі, якія замацоўвалі прынцыпы пазычэння і нормы паводзінаў падчас яго. Сістэма грамадскіх узаемаадносінаў, якая будавалася вакол пазычэння, грунтавалася на прынцыпе роўназначнасці – “што людём пазычиш, то и сам палучиш” [6, с. 14]. У той жа час сістэма пазыковых зносінаў была разлічаная

на перспектыву і доўгатэрміновы станоўчы эфект вакол гэтага тыпу ўзаемаадносінаў – “давши жита, праси хлеба” [10, с. 76].

Галоўным прынцыпам рэгуляцыі пазыковых зносінаў беларускіх сялянаў была ідэя абавязковага вяртання пазычанага – “калі вінін, дык аддаць павінін” [4, с. 42]. Гэты прынцып быў абавязковым па-за залежнасцю ад абставінаў. У матэрыялах П.В. Шэйна апісваецца, як селянін перад смерцю пакінуў сваім тром сынам запавет, каб яны аддалі суседзям пазычаныя ім грошы [18, с. 548 – 549]. У той жа час падчас пазычэння каштоўнай рэчы сяляне засцерагаліся нагадваць таму, каму пазычалі, што рэч трэба абавязкова вярнуць, бо, паводле павер’я, калі нагадаць, чорт зробіць усё, каб рэч не была вернутая гаспадару, а наступствам гэта будзе сварка паміж сялянамі [5, с. 110]. Можна меркаваць, што гэты звычай меў і свайго роду прагматычнае прызначэнне – відавочна, што момант пазычэння з’яўлялўся дастаткова далікатнай і напружанай грамадскай сітуацыяй, а забарона нагадваць пра вяртанне пазыкі, што і так было зразумела, была скіраваная на тое, каб не ствараць падставу для дадатковага псіхалагічнага напружання.

Яшчэ адзін звычай вяртання пазычанага праілюстраваны ў працы М.Я. Нікіфароўскага: “Калі бліны пякліся на пазычанай патэльні, дык апошні блін з дадаткам двух-трох іншых адносіцца на патэльні ж да гаспадароў, пры чым патэльня трымаецца не рукамі, а чапялой” [13, с. 99]. Як бачна, калі пазычалася хатняе начынне для прыгатавання ежы, добрым тонам лічылася вяртаць яго з чаткай ежы ў выглядзе частавання, што было дробным падарункам у якасці ўдзячнасці для падтрымання станоўчых узаемаадносінаў і перспектывы далейшага пазычэння.

Праз фальклор у народнай свядомасці сялянаў замацоўваліся ўяўленні пра пазыковыя зносіны, якія былі скіраваныя на зніжэнне ступені сацыяльнай напругі і псіхалагічнага дыскамфорту вакол іх. Напрыклад, народная мудрасць вучыла спакойна і ўзважана ставіцца да адмовы ў пазыцы – “дали – спасиба; ни дали – другоя” [6, с. 25]; а таксама самому не шкадаваць, пазычаючы нешта іншым, бо “калі хто дае што ці прадае другому, а сам шкадуе, та тая рэч не пойдзе ў карысць, а так змарнатравіцца” [16, с. 147].

Народная мудрасць сцвярджала, што “даўно тыя паўміралі, што дарма давалі” [21, s. 75]. Але пазыкі паміж сялянамі маглі адбывацца на розных умовах – нехта пазычаў з умовай проста

вярнуць пазычанае, іншы – з умовай адпрацаваць за пазычанае, а хтосьці даваў патрэбнае на зусім дарэмна [11, с. 34–35]. Як адзначаў Ч.Г. Пяткевіч, для селяніна лягчэй было пазычаць у роўнага сабе па заможнасці суседа, а звяртацца за пазыкай да больш заможнага "багатыра" было нашмат цяжэй [14, с. 641]. Гэтым тлумачылася жаданне сялянаў па магчымасці не пазычаць у "багатыроў": "ни кланиюсь багачу – свайго хлеба намалачу" [6, с. 4].

Сялянская сістэма ўяўленняў грунтавалася на заахвочванні сялянаў пазычаць адзін аднаму неабходныя прадметы, грошы і г.д. – "хто дае, той сам мае" [21, s. 72]. Пазіцыя чалавека, які пазычае, была больш прывабнай для сялянаў, бо заканамерна асацыявалася з заможнасцю – "дай Божа даваць, а ні прасіць" [21, s. 73], "лепі даваць, як прасіць" [4, с. 49]. Існаваў таксама цэлы шэраг павер'яў, якія матывавалі сялянаў удзельнічаць у пазыковых зносінах – даваць пазыкі. Напрыклад, згодна з народнымі павер'ямі, калі нехта просіць пазычыць печаны хлеб, дык абавязкова трэба даць, нават калі гэта апошні і сабе не хапае, у такім выпадку, лічылася, у цябе заўсёды будзе шмат хлеба [16, с. 111], [13, с. 97].

Супольнае пражыванне ў сялянскім асяродку вымагала шчыльнага гаспадарчага, маёмаснага пазыковага ўзаемаабмену, але кожная пазыка так ці інакш абцяжарвала сялянскую гаспадарку. Каб зменшыць гэты цяжар, існаваў цэлы спектр маёмасных пазыковых забаронаў, якія, на першы погляд, мелі выключна сакральны, уяўны, забабонны характар, але калі разгледзець іх сістэмна – вылучаецца іх цалкам прагматычны сэнс, а менавіта – аблегчыць пазыковы цяжар кожнай асобнай сялянскай гаспадаркі, бо выпадкаў і сітуацый, калі можна нешта пазычаць, заставалася не так шмат з улікам усіх забаронаў. Напрыклад, на Вялікдзень нельга было пазычаць камусьці агонь, бо лічылася, што разам з ім з хаты сыйдзе і дабрабыт [10, с. 107]. Катэгарычна нічога нельга было пазычаць у маладзік нават блізкім сваякам, асабліва "вады і цяпла", а калі пазыка была зробленая, лічылася, што хата, з якой пазычылі, на цэлы месяц пераходзіла ў таемную залежнасць ад хаты, у якую пазычылі, – іх дзеці будуць крыўдзіць дзяцей таго, хто пазычыў, хатняя жывёла і птушкі будуць псаваць яго агароды, у той хаце будуць лепш выконваць гаспадарчую працу і г.д., менавіта таму прыстойныя суседзі імкнуліся ў гэты час нічога не пазычаць, а калі без гэтага зусім нельга было абысціся, абавязкова давалі якую-

небудзь пазыку наўзамен [13, с. 218], [12, с. 333]. Лічылася, што калі рыбалоў пазычыць свае прылады, дык ужо не здолее здабыць імі багаты ўлоў [3, с. 35]. Пчаляр не павінен быў нічога пазычаць ці пазычацца ў дзень, калі злавіў рой, бо той зляціць зноў [13, с. 203]. Селянін не павінен быў нічога пазычаць ў першы дзень засеву хлеба ці іншых раслінаў, асабліва самі гэтыя прадукты, бо інакш добры ўраджай пяройдзе да таго, каму пазычылі прадукт ці прадмет [10, с. 92], [13, с. 126]. Катэгарычна нельга было нікому пазычаць агонь з хаты, калі ў гаспадарцы адбывалася талака [1, с. 254]. Пасля нараджэння дзіцяці першыя тры дні нічога нельга было пазычаць з хаты, асабліва агонь, бо дзіця, калі вырасце, будзе цурацца сваёй хаты ці нават зробіцца валацугай [16, с. 176]. Таксама лічылася, што нельга нічога пазычаць у той дзень, калі ацялілася карова, ажарабілася кабыла ці нейкая іншая хатняя жывёла [16, с. 77].

Пазычэнне агню вызывала ў сялян хваравітае стаўленне. У святы агонь не пазычалі, але і ў звычайныя дні звычайна агонь пазычалі з абавязковай умовай вярнуць пазычанае гарачае вуголле адразу пасля развядзення агню ў сваёй хаце, а каб гэта было зроблена, гаспадар, які пазычаў, браў у заклад нейкую верхнюю вопратку ў таго, каму пазычаўся агонь, і калі вуглі не вернутыя ў той жа дзень, вопратка заставалася ў таго, хто агонь даваў [1, с. 254]. Нікіфароўскі М.Я. апісваў пазычэнне агню “Так “у позыку” ідзе ці сам гаспадар, ці гаспадыня, ці хто-небудзь з узроставых, тлумачыць прычыны страты агню, выслухоўвае папрокі і дае зарок у той жа дзень вярнуць “цяпло”, – што з дакладнасцю і выконвае: асабіста і ў тым жа гаршчку, у які прыймаў агонь, адносіць ён “позыку” і ўручае таму, хто выдаваў яе” [12, с. 333].

У гэтым шэрагу трэба адзначыць хоць і меншыя па колькасці, але існуючыя павер’і, якія пазыкі заахвочвалі. Паводле традыцыі, калі пазычаць штосьці прыходзіла цяжарная жанчына, дык абавязкова трэба было ёй гэта даць, бо інакш сам пазбавішся гэтага прадукта ці прадмета, або нешта іншае каштоўнае з’ядуць мышы, [13, с. 5]. Можна меркаваць, што такім чынам праяўлялася ў тым ліку і грамадскае апекаванне максімальна неабароненымі катэгорыямі сялянаў, напрыклад цяжарнымі жанчынамі. Так, лічылася, што і цяжарным жанчынам карысна імкнуцца ўзяць нешта ў пазыку, бо можна патрапіць на чалавека з лёгкай рукой, што будзе добрым і для перыяду цяжарнасці, і для часу нараджэння дзіцяці [13, с. 5].

Такім чынам, формы і механізмы рэгуляцыі грамадскіх узаемаадносінаў вакол маёмасных пытанняў грунтаваліся на своеасаблівым стаўленні беларускіх сялянаў да прыватнай маёмасці і да разнастайных аперацый з ёй. У сялянскім асяродку адзначаецца варыятыўнае стаўленне да паняцця прыватнай уласнасці ў залежнасці ад сітуацыі, выяўляюцца механізмы функцыянавання грамадскай нагрузкі, якую цягнула за сабой факт і стан валодання рэччу. Да права валодання рэччу дадаваўся абавязак падзяліцца ёю з іншымі пры вострай неабходнасці, гэта і з'яўлялася своеасаблівай легітымізацыяй права прыватнай уласнасці. Можна падкрэсліць розную інтэнсіўнасць функцыянавання права на прыватную ўласнасць у залежнасці ад сітуацыі і ад яе грамадскага кантэксту. Трэба адзначыць і варыятыўнасць сацыяльных нормаў, звязаных з маёмаснымі пытаннямі: грамадская думка не лічыла заганным карыстанне чужой маёмасцю, калі гэтага вымагала надзвычайная сітуацыя ці голад. Фіксуецца выразны дуалізм у сялянскім стаўленні да грамадскага кантэксту маёмасных пытанняў. З аднаго боку, адзначаецца цэлы спектр сітуацый грамадскай дабрачыннасці, а, з другога – жорсткая рэгламентаванасць пазыкаў і прынцыпаў іх вяртання. Пазыка, як структурны элемент грамадскіх узаемаадносінаў, з'яўлялася хваравітым і далікатным аспектам грамадскіх стасункаў, чым тлумачыцца і наяўнасць вялікай колькасці павер'яў, якія дробязна рэгламентавалі прынцыпы пазыковых зносінаў і акрэслівалі пазыковыя забароны. Грамадскія ўзаемаадносіны беларускіх сялянаў у маёмасных пытаннях з'яўляліся цікавай і каларытнай часткай традыцыйнай грамадскай культуры.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографический сборник. – 1854. – Вып. II. – С. 111 – 268.

2. Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Гродненская губерния / П. Бобровский. – СПб: Типография Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 1. – XXII, 866 с.

3. Браім, І.М. Рыбалоўства ў Беларусі (гісторыка-этнаграфічны нарыс) / І.М. Браім; рэд. М.Я. Грынблат, АН БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 136 с.

4. Варлыга, А. Прыказкі Лагойшчыны / А. Варлыга. – Нью-Ёрк, Мюнхен: Выданне фундацыі ім. Пётры Крэчэўскага, 1966. – 112 с.

5. Демидович, П.П. Из области верований и сказаний белорусов. Гл. I. / П.П. Демидович // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 1. – С. 91 – 120.

6. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник: в 4 т. / В.Н. Добровольский. – Ч. III: Пословицы. – Санкт-Петербург: Типография С.Н. Худекова, 1894. – III, 137 с.

7. Довнар-Запольский, М.В. Заметки из путешествия по Белоруссии. 1890-1891 / М. Довнар-Запольский // Homo historicus 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад рэд. А.Ф. Смаленчука. – Вільня: ЕГУ, 2010. – С. 123–205.

8. Косич, М.Н. Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни / М.Н. Косич // Живая старина. – 1901. – Вып. 3–4. – С. 1–88.

9. Косич, М.Н. О постройках белорусского крестьянина / М.Н. Косич // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 74–93.

10. Крачковский, Юл. Ф. Быт западнорусского селянина / Юл. Ф. Крачковский. – М.: Университетская типография, 1874. – 212 с.

11. Ламака, М. Рысы колектывізму сярод сялян. У дарэволюцыйныя часы / М. Ламака // Наш край. – 1926. – № 10–11. – С. 34—36.

12. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: Этнографические данные / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская типография, 1895. – [4], VIII, 552, CLIV с.

13. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – [2], X, 307, 30 с.

14. Пяткевіч, Ч.Г. Рэчыцкае Палессе / Ч.Г. Пяткевіч; уклад.; прадм. У. Васілевіча; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. – Мінск: “Беларускі кнігазбор”, 2004. – 672 с.

15. Сербов, И.А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 года / И.А. Сербов; издание Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. – Вильна: Типография Иосифа Завадского, 1914. – [2], 51 с.

16. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі; навук. рэд. А.С. Фядосік; прадм. У.К. Касько; маст. В.Р. Мішчанка. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

17. Улашчык, М.М. Была такая вёска… / М.М. Улашчык // Выбранае. Уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка; Навук. рэд. Г. Кісялёў і В. Скалабан; Прадм. І камент. А. Каўкі. – Мінск: “Беларускі кнігазбор”, 2001. – 608 с. [8] с.: іл. – С. 21 – 127.

18. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1890. – Т. I. Ч. II.: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – XXXI, 708 с.

19. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. – Т. II: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – XX, [1], 715 с.

20. Янчук, Н.А. По Минской губернии: заметки из поездки в 1886 году / Н.А. Янчук. – Москва: Типография А. Левенсон и К, 1889. – 29 с., 130 с., 5 л. нот.

21. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905: w 8 t. / M. Federowski. – Kraków,Warszawa, 1902 – 1981. – T. 4: Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Swięcian i Oszmiany. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – XVIII, 490 s.

ПРАДМЕТНАЕ ПОЛЕ І МЕТАДАЛОГІЯ ВУСНАЙ ГІСТОРЫІ

Кедрык Т.В.,
старэйшы выкладчык

Развіццё гістарычнай навукі ў XX стагоддзі прывяло да з’яўлення цэлага шэрагу новых напрамкаў, адным з якіх стала вусная гісторыя. Паняцце “вусная гісторыя” увайшло ў сусветную гістарыяграфію і навуковую практыку ў другой палове XX ст. Але яшчэ ў 1938 г. прафесар Калумбійскага ўніверсітэта, спецыяліст па

гісторыі Грамадзянскай вайны ў ЗША Алан Нэвінс заклікаў сваіх калег стварыць арганізацыю для сістэматычнага збору і запісу вусных апавяданняў і мемуараў "выбітных амерыканцаў". Вясной 1948 г. па яго ініцыятыве быў створаны Кабінет вуснай гісторыі для запісу мемуараў людзей, якія адыгралі значную ролю ў жыцці Амерыкі. Да 1971 г. супрацоўнікі Кабінета сабралі 2,5 тыс. запісаў гутарак агульным аб'ёмам амаль у 350 тыс. старонак [6, с. 335].

Згодна з перыядызацыяй, прапанаванай амерыканскім даследчыкам Д. Дунавэем, у развіцці вуснай гісторыі на Захадзе можна вылучыць некалькі этапаў. На першым, з 1950-х гг., амерыканскія даследчыкі перш за ўсё збіралі матэрыялы для стварэння біяграфій выбітных грамадскіх і дзяржаўных дзеячаў. У Францыі члены дэпартаментаў гістарычных камітэтаў па вывучэнні Другой сусветнай вайны запісвалі звесткі пра кіраўнікоў руху Супраціўлення, а ў Мексіцы супрацоўнікі фонаархіваў Нацыянальнага інстытута антрапалогіі збіралі ўспаміны кіраўнікоў Мексіканскай рэвалюцыі.

Другі этап, які пачаўся ў канцы 1960-х гг., характарызуюць спробы стварэння альтэрнатыўнай гісторыі, гэта значыць гісторыі народаў, якія не мелі пісьменнасці.

Пераход ад індывідуальных даследаванняў да калектыўных праектах у сярэдзіне 1970-х гг. сімвалізаваў пачатак трэцяга этапу. У гэты час адбываецца інстытуцыяналізацыя вуснай гісторыі: ствараюцца Міжнародная вуснагістарычная асацыяцыя і нацыянальныя асацыяцыі даследчыкаў, збіраюцца архівы вусных крыніц, шырока праводзяцца канферэнцыі і сімпозіумы, выдаюцца спецыяльныя часопісы. Пытанні вуснай гісторыі пачынаюць разглядацца на міжнародных кангрэсах гісторыкаў, сімвалізуючы збліжэнне пазіцый яе прадстаўнікоў з прыхільнікамі традыцыйнай гістарыяграфіі.

Нарэшце, у 1990-я гг. пачаўся чацвёрты этап, звязаны са з'яўленнем новага пакалення гісторыкаў, далейшым развіццём тэхнічных сродкаў і пашырэннем кола вывучаемых праблем, у тым ліку гісторыі розных палітычных рэжымаў. Найбольш прыярытэтнымі становяцца тэмы, блізкія да антрапалогіі: сюжэты паўсядзённага жыцця чалавека, феномен міграцыі, асаблівасці этнічнай гісторыі народаў, узаемаадносіны палоў і ўзростаў [6, с. 339-340].

Вусная гісторыя прайшла шлях ад метада да самастойнага напрамку гістарычных даследаванняў і стаіць на парозе прызнання ў якасці самастойнай навуковай дысцыпліны. Як і ўсе новыя дысцыпліны і субдысцыпліны, якія сталі актыўна фармавацца ў другой палове XX – пачатку XXI стст., вусная гісторыя мае досыць шмат нявырашаных праблем і пытанняў, якія пакуль што застаюцца без адказаў, пачынаючы ад вызначэння аб’екта і прадмета даследавання і заканчваючы методыкай інтэрпрэтацыі вусных крыніц у гістарычным аповядзе. Найбольш распрацаванымі пытаннямі з’яўляюцца метады даследавання і крыніцы.

Калі казаць пра месца вуснай гісторыі, неабходна пазначыць шэраг падыходаў, у рэчышчы якіх абмяркоўвалася і абмяркоўваецца гэтая дысцыпліна. Першапачаткова, на этапе фармавання вусная гісторыя пераважна разглядалася ў двух іпастасях: вусная гісторыя як крыніца і вусная гісторыя як метад. Зыходзячы з гэтага, месца вуснай гісторыі шукалі альбо ў крыніцазнаўстве, альбо ў тэорыі і метадалогіі гісторыі.

Шырокае распаўсюджанне мае тлумачэнне вуснай гісторыі як крыніцы. У гэтым рэчышчы яе вызначаюць як “практыку навукова арганізаванай вуснай інфармацыі удзельнікаў ці відавочцаў падзей, зафіксаванай спецыялістамі, якія выкарыстоўваюць сучасныя тэхнічныя сродкі” [8, с. 262]. У гэтым сэнсе вусная крыніца выступае часткай “сырога матэрыялу”, які можа быць выкарыстаны пры напісанні гістарычнага даследавання. Але звужэнне паняцця “вусная гісторыя” да крыніцазнаўчай праблематыкі не ахоплівае ўвесь комплекс відаў і формаў навукова-даследчай дзейнасці, што носіць назву “вусная гісторыя”, – прадметнае поле, метады вывучэння гістарычнага мінулага, спосаб гледжання на мінулае, праблематыку і многае іншае.

Да першапачатковых варыянтаў інтэрпрэтацыі вуснай гісторыі адносіцца і асацыяванне яе з метадамі даследавання. У такім выпадку прызначэнне вуснай гісторыі зводзяць да ўдасканалення спосабаў атрымання інфармацыі – розных відаў апытання (гутаркі, інтэрв’ю, анкетавання). Метадычны складнік вуснай гісторыі дамінуе ў практыцы многіх замежных цэнтраў пры ўніверсітэтах, бібліятэках, музеях. Прыкладам з’яўляецца разуменне вуснай гісторыі гукавым архівам Брытанскай бібліятэкі: “У цяперашні час вусная гісторыя атрымала вядомасць як спосаб запісу і захавання

ўнікальных успамінаў людзей, чые ўспаміны маглі быць страчаныя” [Цыт. па: 1, с. 163]. Усё часцей вусную гісторыю пачынаюць разумець значна шырэй, чым крыніцу ці метад даследавання, як самастойны навуковы падыход. У гэтым сэнсе вусная гісторыя выступае як цэлы комплекс дзейнасці, які ўключае распрацоўку навуковай праграмы з пэўнай мэтай, задачай, прадметам даследавання, уключаючы навуковую распрацоўку апытальніка, падбор носьбітаў інфармацыі (з навукова абгрунтаванай выбаркай рэспандэнтаў), дакументаванне атрыманых матэрыялаў, фарміраванне вусных архіваў і, у завяршэнні, фарміраванне культуры інтэрпрэтацыі вусных гістарычных крыніц і прынцыпаў гісторыяпісання на базе або з выкарыстаннем матэрыялаў вуснай гісторыі.

На сучасным этапе адбываецца трансфармацыя вуснай гісторыі як самастойнага напрамку гістарычных даследаванняў у самастойную гістарычную дысцыпліну. Гэтую эвалюцыю адлюстроўваюць многія аўтарскія вызначэння “вуснай гісторыі”, напрыклад, А.І. Філюшкіна: “Сёння пад вуснай гісторыяй разумеецца навуковая дысцыпліна, якая валодае ўласным метадам даследавання – інтэрв’ю, з дапамогай якога ажыццяўляецца фіксаванне суб’ектыўных ведаў асобнага чалавека пра эпоху, у якой ён жыў” [3, с. 2]. Працэс афармлення вуснай гісторыі як самастойнай навуковай дысцыпліны далёкі да завяршэння.

У кантэксце станаўлення вуснай гісторыі як новай дысцыпліны важнейшае значэнне набывае вызначэнне яе прадметнага, храналагічнага, тэматычнага поля даследавання. У шырокім сэнсе прадметам вуснай гісторыі шэраг гісторыкаў прапануюць лічыць “суб’ект гісторыі і суб’ект гістарычных працэсаў – чалавека і чалавецтва ва ўсёй разнастайнасці і шматфактарнасці іх жыцця на часовым адрэзку, які даступны чалавечай памяці, г.зн. нядаўняга мінулага як часткі найноўшай гісторыі”. [10, с. 47] У прадметнае поле ўваходзіць даследаванне ўзаемадзеяння людзей у гістарычных падзеях нядаўняй гісторыі, іх стаўленне да гэтых падзей, іх паводзіны і, уласна, матывацыя і фактары такіх паводзін і, у канчатковым выніку, уяўленні, меркаванні, ацэнкі мінулага. Такі падыход у вызначэнні прадмета вуснай гісторыі вядзе да вельмі шырокага, амаль неабсяжнага поля дзейнасці, што, на думку С.О. Шміта, з’яўляецца паказчыкам “дэмакратызацыі нашых уяўленняў

аб суб'ектах гісторыі: штодзённая гісторыя народа падаецца зараз не менш важнай, чым дзяржаўныя дзеі выбітных асоб; сацыяльна-эканамічная і сацыяльна-культурная гісторыя заслугоўваюць зусім не меншай увагі, чым дзяржаўна-палітычная. Ды і пра падзеі дзяржаўна-палітычнай гісторыі мы пачынаем судзіць, абапіраючыся ўжо не толькі на выказванні і мемуары дзяржаўных дзеячаў і афіцыйную дакументацыю, якія аказваюцца на паверку адкрыта тэндэнцыйнымі... » [9, с. 100].

Адно з сінтэзаваных азначэнняў прадмета вуснай гісторыі дае Д.Н. Хубава. Не адмаўляючы ўсіх падыходаў і лічачы магчымым разглядаць вусную гісторыю і як метад гістарычнага даследавання (інтэрв'ю як дакументаванне элементаў вуснай культуры; працэс фіксавання ведаў, якія перадаюцца ў грамадстве "з вуснаў у вусны"), і як вынік гэтага метаду – створаная гістарычная крыніца вуснага паходжання, яна вызначае вусную гісторыю і як "навуковую дысцыпліну з сумай рэквізіту і паняційнага апарату" [7, с. 5] Аб'ектам жа вывучэння яна лічыць "гістарычны матэрыял, які трансляваны ў вусныя веды і спадчыну" [7, с. 5]. "Вусныя веды" існуюць у выглядзе канкрэтнага жыццёвага вопыту, жыццёвай гісторыі, г. зн. ведаў аб тых рэальных гістарычных падзеях, з'явах, працэсах, удзельнікам якіх чалавек непасрэдна быў. "Вусная спадчына" можа існаваць у выглядзе сямейных паданняў, сельскіх ці гарадскіх легенд і міфаў, альбо ў выглядзе "чутак". Менавіта ў гэтым ключы разглядаюць даследчы прадмет вуснай гісторыі і шэраг замежных гісторыкаў: "Гэта жывая гісторыя, гэта тое, што вакол нас. У кожнага ёсць гісторыя, якую ён бы мог расказаць. Вусная гісторыя – гэта сведчанне з самых першых рук, але гэта таксама і традыцыі і гісторыі, якія перадаюцца з пакалення ў пакаленне, з вуснаў у вусны" (Калумбійскі універсітэт, Інстытут вуснай гісторыі, ЗША) [Цыт. па: 1, с. 163].

Разам з тым, шматаспектнасць прадмета даследавання вуснай гісторыі і адсутнасць яго дакладных межаў спарадзілі разнастайнасць дэфініцый вуснай гісторыі і яе трактовак. Да яе вызначэння ўжываюцца такія тэрміны як "гісторыя знізу", "штодзённая гісторыя", "камунікатыўная гісторыя", "суб'ектыўная гісторыя", "ментальная гісторыя", "мікрагісторыя", "народная спантанная гісторыя", "слыхавая гісторыя". На фарміраванне разнастайнасці сінонімаў вуснай гісторыі паўплывала спецыфіка

гістарычных працэсаў і з'яў для канкрэтных супольнасцяў, краін, тэрыторый, якія адрозніваюцца сваімі комплексамі сацыяльна-эканамічных і этнапалітычных праблем. Ва ўсе гэтыя паняцці ўкладзеныя розныя сутнасныя рысы, але разам яны адлюстроўваюць глыбінныя метамарфозы самой гістарычнай навукі, якая змяніла пункт погляду ад глабальнага да мікраўзроўню, пашырыла прадметнае поле даследавання, пераарыентавалася з маштабных працэсаў і вялікіх асоб на "шэраговага", "звычайнага" чалавека, яго светаўспрыманне, адчуванні, лёс і месца ў гістарычным працэсе на храналагічна абмежаваным адрэзку нядаўняга мінулага, вымяранага магчымасцямі памяці непасрэдных удзельнікаў і відавочцаў. Такія змены гістарычных даследаванняў змянілі і стыль, і формы працы і прад'явілі новыя патрабаванні і да крыніц, і да саміх даследчыкаў. Вусная гісторыя даволі доўга не прымалася акадэмічнай навукай. Адной з перашкод з'яўлялася псіхалогія акадэмічных гісторыкаў, якія прызвычаіліся да працы ў цішы кабінета, архіва і бібліятэкі.

Але арыентацыя на архіўную дакументальную базу абмяжоўвала магчымасці гісторыі ў вывучэнні найноўшага часу. У XX ст. – часе рэвалюцый, войнаў, кардынальных змен – грамадскасць, спрабуючы разабрацца ў тым, што адбываецца, выступіла заказчыкам аналізу сучасных гістарычных працэсаў. Гістарычныя супольнасці сталі шукаць новыя спосабы і шляхі вывучэння сучаснасці і нядаўняга мінулага. Гэта прымусіла гісторыкаў выйсці са сваіх кабінетаў і звярнуцца да грамадства, якое вакол іх. Вынікам гэтага стала ўвядзенне ў даследчае поле новых праблем і новых тэм, на аснове якіх сфармавалася прадметнае поле вуснай гісторыі – штодзённае жыццё чалавека, яго светаўспрыманне, адчуванне, лёс і месца ў гістарычным працэсе. Увага да асобы ў гістарычнай навуцы існавала і да вуснай гісторыі, але была звернута пераважна да вядомых гістарычны дзеячаў. На этапе станаўлення самастойнасці вуснай гісторыі як навуковай дысцыпліны і яе масавага распаўсюджвання даследчыкі звярнуліся да адчуванняў шэраговага чалавека. Прайшоўшы шлях ад факусіроўкі ўвагі на вядомых гістарычных дзеячах да цікавасці да шэраговага, звычайнага чалавека, вусная гісторыя ў некаторых краінах у апошні час зноў уключыла ў сферу сваёй цікавасці выбітных людзей. Вусная гісторыя вызначылася ў сваёй увазе да суб'екта гістарычных

працэсаў – чалавека і на ніжніх, і на верхніх паверхах грамадскай лесвіцы, а прадметам даследавання сталі яго адчуванні, думкі, ацэнкі, эмоцыі, устаноўкі, жыццёвы вопыт, іх уплыў на гістарычны працэс і ўплыў гістарычных падзей на самога чалавека, яго лёс. У такім кантэксце гісторыя разглядаецца як узаемаабумоўлены працэс, як уплыў гістарычных падзей і працэсаў на чалавека і ўплыў самога чалавека з яго меркаваннямі, ацэнкамі, устаноўкамі, светапоглядам на форму, ход падзей і працэсаў.

Такі падыход да вывучэння гісторыі адлюстроўвае погляд на гісторыю "знутры", цікавасць да суб'ектыўнага боку гісторыі з ухілам у бок найбольш масавага ўдзельніка гісторыі – чалавека "натоўпу", прадстаўніка "народных мас", яго жыццёвы вопыт у гісторыі, бо менавіта ён не пакідае нашчадкам свайго меркавання аб тым, што адбываецца, але менавіта ён адчувае на сабе ўсе наступствы падзей і гістарычных змен. "Погляд знутры" адлюстроўвае адчуванне чалавека ў той эпосе, у якой ён жыве і ўдзельнічае ў гістарычных падзеях і "знутры" распавядае, што і як адбывалася.

Менавіта гэты ракурс (ад аб'ектыўнасці гісторыі да яе суб'ектыўнасці) і выклікаў змены ў метадах, крыніцах і самой дзейнасці гісторыка-даследчыка. Стаўленне да суб'екта гісторыі (чалавека) як аб'екта вуснай гісторыі запатрабавала звароту за інфармацыяй да самога суб'екта. Гэта ўнесла змены ў пазіцыю гісторыка, актывізацыю яго самастойнасці, што выяўлялася ў развіцці метадаў даследавання – апытанні ў розных яго формах (гутарка, інтэрв'ю і г.д.). А адказнае і сур'ёзнае стаўленне гісторыкаў да крыніцы запатрабавала і навуковай прапрацоўкі надзейных спосабаў фіксацыі і ўмоў захоўвання. Толькі забеспячэнне ўмоў надзейнасці дакументавання на ўсіх этапах працэсу стварэння новых крыніц стварыла і ўмовы для вывучэння суб'ектыўнага боку гісторыі – "гісторыі знутры", а не "звонку", з боку. Менавіта такая ўзаемазалежнасць "аб'екта-прадмета-метаду-крыніцы" дазваляе казаць аб фарміраванні вуснай гісторыі як самастойнай гістарычнай дысцыпліны. Менавіта ў вуснай гісторыі ў першую чаргу і рэалізуецца прынцып новага метадалагічнага падыходу – "чалавек у гісторыі, гісторыя ў чалавеку".

Падыход гісторыка-летапісца (акадэмічнага гісторыка) да суб'ектыўнасці камунікатыўных крыніцы філосаф М. Ражанскі

параўноўвае з юрыдычнай практыкай пры допыце сведак, калі па аналогіі са следчым гісторык, працуючы з інфармацыяй, “праводзіць крытычны аналіз крыніц і, адхіліўшы суб’ектыўнасць апавяданняў (асабістую пазіцыю, погляд, стаўленне, меркаванне, ацэнку, успрыняцце і г.д.), спрабуе устанавіць, як было на самой справе”. Традыцыйная метадалогія з патрабаваннем гістарычнай аб’ектыўнасці з’яўлялася і формай існавання гісторыі і мэтай гістарычных даследаванняў: “да гэтага абавязвала заўсёды і прафесія гісторыка, служачага гістарычнай праўдзе” [5, с. 141]. Вусны ж гісторык “суб’ектыўную розніцу аповядаў” робіць прадметам даследавання, спрабуючы не ліквідаваць яе, а наадварот, стымуляваць з дапамогай пытанняў. І такая пазіцыя прафесійна апраўданая, калі разумець, што суб’ектыўны свет – не толькі вынік, але і ўдзельнік гісторыі” [5, с. 141]. Імкненне вуснай гісторыі да ісціны і пошуку праўды “маленькага чалавека” спарадзіла сітуацыю, у якой патрабаванне аб’ектыўнасці, уліку інтарэсаў выбітных і шараговых удзельнікаў гісторыі вядзе да ўзмацнення суб’ектыўнасці ў гістарычных даследаваннях. У адрозненні ад афіцыйнай гістарыяграфіі у форме летапісання для вуснагістарычных даследаванняў суб’ектыўнасць з’яўляецца не перашкодай, а глебай для далейшага руху і пошуку навуковай думкі. Вусная гісторыя распачала спробы стварэння новых адносін паміж гісторыяй і сацыяльнай памяццю, носьбітамі якой з’яўляюцца ўсе шэраговыя ўдзельнікі гісторыі. Акрамя таго вусная гісторыя імкнецца пераадолець “гістарыясофію, якая дамінуе 2 тысячы гадоў у еўрапейскай культуры”, у якой памяць з’яўляецца асновай гісторыі, але, як паказваюць апошнія вуснагістарычныя даследаванні, “уяўляе сабой разрыў гісторыі з памяццю і нават гвалт над ёй” [5, с. 142]

Незадаволенасць традыцыйнай метадалогіяй, якая спарадзіла сучасны крызіс гістарычнай навукі і актыўныя пошукі шляхоў выхаду з яго, замацавалі пазіцыі вуснай гісторыі як навацыйнай дысцыпліны ў сучаснай гістарычнай навуцы. Для вуснай гісторыі з яе імкненнем спасцігнуць прадмет “знутры” бачыцца важным зняць “прынцыповы дуалізм даследчыка і аб’екта даследавання шляхам пранікнення ў прадмет” у адрозненне ад практыкі традыцыйнай метадалогіі, калі даследчык імкнецца адхіліцца ад прадмета даследавання, стаць безкампрамісным суддзёй, даследчыкам

агульных заканамернасцяў і тэндэнцый, глабальных гістарычных працэсаў, важных гістарычных вех. Для вуснага гісторыка важная “цесная ўзаемасувязь паміж даследчыкам і аб’ектам яго даследавання” [4, с. 185].

Прадметна-тэматычнаее поле вуснай гісторыі атрымлівае лагічна аформленую інфармацыйную базу – персанальную памяць і вопыт суб’екта гісторыі як носьбіта “калектыўнай памяці”, “памяці чалавецтва”, “памяці свету” або “гістарычнай памяці”. Менавіта індывідуальны чалавек як грамадская істота, якая ажыццяўляе практычную і пазнавальную дзейнасць з’яўляецца цэнтрам сацыяльнай і гістарычнай памяці чалавецтва, якая выкарыстоўваецца для пазнання мінулага. Дзякуючы чалавечай памяці стала магчымая “гісторыя” як форма адносін чалавека са светам, у якім вялікае значэнне набывае “рэтраспектыўная інфармацыя ў фарміраванні карціны свету” сучаснага чалавека, у тым ліку “успаміны” аб значных для дадзенага стану грамадства гістарычных падзеях [2, с. 68]. Селекцыйныя ўласцівасці сацыяльнай памяці прыводзяць да стратаў элементаў, якія складаюць карціну свету, характэрную для таго ці іншага адрэзку чалавечай гісторыі. Для вуснай гісторыі, у прадметнае поле якой як раз і ўваходзяць “элементы, якія складаюць карціны свету”, важна зафіксаваць іх, каб зразумець знутры той ці іншы адрэзак чалавечай гісторыі. Значнасць гэтай працы вызначаецца тым, што працэсы перадачы сацыяльнай спадчыны, якая разумеецца як “сукупнасць ўсёй сацыяльнай інфармацыі, якой валодалі пакаленні, якія сыходзяць з жыцця” і гісторыка-культурнай спадчыны (у тым ліку і вусныя гістарычныя веды і вусная спадчына), на жаль, “значна менш запраграмаваны, чым працэсы перадачы генетычнай інфармацыі” і нязменнасць праграм іх ўзнаўлення адсутнічае. У выніку “у пэўных сацыяльна-эканамічных умовах грамадства рашуча ломіць гэтыя “праграмы”, што прыводзіць да рэвалюцыйных зрухаў, да перабудовы пануючай сістэмы каштоўнасцяў або да карэнных змен у навуковай і грамадскай карціне свету” [2, с. 62]. XX стагоддзе як раз і ўяўляў сабой моманты ломкі асноўных паняццяў “карціны свету” у любога народа, у любой краіне.

У гэтых умовах і была запатрабавана вусная гісторыя як навуковая дысцыпліна з навукова арганізаванай методыкай

інтэрв'юіравання ўдзельнікаў эпохі ломкі "карціны свету" з мэтай запісу і захавання іх персанальнай памяці і досведу. Зыходзячы з гэтага і прадметнае поле вуснай гісторыі вызначаюць "не ключавыя гістарычныя падзеі або вялікія ідэі, але штодзённае жыццё простых людзей, змены ў іх жыцці і змены ў іх саміх разам з часам унутры часовых адрэзкаў", г.зн. цікавасць да суб'ектыўнага боку гісторыі, да "маленькіх людзей" якія з'яўляюцца "безназоўнымі ўдзельнікамі гістарычных падзей, не заўсёды твораць гісторыю, але адчуваюць на сабе сакрушальную сілу яе колаў". [4, с. 184-185].

Такім чынам, на сучасным этапе ўсё выразней вымалёўваюцца контуры вуснай гісторыі, як дысцыпліны, якая вывучае нядаўняе мінулае праз жыццёвы вопыт, устаноўкі, светаадчуванне шэраговага, масавага ўдзельніка гістарычных падзей і выяўляе ўзаемаўплыў чалавека і гісторыі. Прадметнае поле вуснай гісторыі (oral history) абумоўлена навацыямі гістарычных пошукаў апошніх дзесяцігоддзяў, у тым ліку гуманізацыі і антрапалагізацыі дыскурсу гістарычных даследаваннях.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Дрожецкий, Д.А. Понятие "устная история" в международной практике (по материалам ресурса Интернета) / Д.А. Дрожецкий // Устная история (Oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара (Баранул, 25–26 сент. 2006 г.) / Сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2007. – С. 160-165.

2. Илизаров, Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания/ Б.С. Илизаров // Вопросы философии. – 1985, № 8. – С. 60-69.

3. Методические указания по проведению исследований по устной истории / Сост.: канд. ист. наук, доцент А.И. Филюшкин. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – 18 с.

4. Оболенская, С.В. История повседневности в современной историографии ФРГ. Одиссей: Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры / С.В. Оболенская. – М.: Наука, 1990. – С. 182–198.

5. Рожанский, М.А. "Устная история" – философия памяти / М.А. Рожанский // Общественные науки. – 1990. - № 6. – С. 141–150

6. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.

7. Устная история: программа курса. / Сост. Д.Н. Хубова. – М.: РГГУ, 1995. – 35 с.

8. Шмидт, С.О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России / С.О. Шмидт // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. – М.: МГИА, 1991. Т. 1. – С. 262-263.

9. Шмидт, С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. / С.О. Шмидт – М.: изд. РГГУ, 1997. – 612 с.

10. Щеглова, Т.К Устная история: учебное пособие. / Т.К. Щеглова. – Барнаул: АлтПГА, 2010. – 364 с.

СОДЕРЖАНИЕ И ИТОГИ ИНВЕНТАРНОЙ РЕФОРМЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1840-1850-Х ГГ.

Лепеш О.В.,
кандидат исторических наук, доцент

Важным событием «российского» периода в истории Беларуси, изменившим вектор правительственной политики 1-ой половины XIX в., стало восстание 1830-1831 гг., после подавления, которого существенно меняется характер и содержание законодательства, образования, культуры и конфессиональной жизни белорусских губерний. Если до 30-х гг. XIX в. преобладала продворянская сословная политика, то после событий 1830-1831 гг. акцент был перенесен с привилегированного сословия на крестьянство. Крестьянство стало рассматриваться российским правительством как наиболее лояльный престолу слой местного общества. Поэтому наблюдается настойчивое стремление императора Николая I разрешить крестьянский вопрос и прекратить процесс разорения как государственных, так и помещичьих крестьян.

Местом выработки основных направлений правительственной политики после шляхетского восстания 1830-1831 гг. становится Комитет западных губерний, созданный императором Николаем I для управления территорией Беларуси, Литвы и Правобережной

Украины. Вопросы, которые рассматривали члены Комитета западных губерний, были связаны с введением на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины российского законодательства, реорганизацией всей системы образования по российскому образцу, повышением статуса и авторитета православной церкви, проведением «разбора» шляхты. Однако в числе первостепенных задач, стоявших перед членами Комитета, стало урегулирование положения как государственных, так и помещичьих крестьян. Комитет западных губерний стремился к регламентации отношений крестьянства с их владельцами путём ограничения власти местных арендаторов и администраторов для государственных крестьян и путём проведения инвентарной реформы для помещичьих.

На наш взгляд, история проведения инвентарной реформы в Беларуси изучена не до конца, не смотря на то, что в разрешении данного вопроса сделали многое как дореволюционные, так советские и современные исследователи [1, 2, 17, 27, 28, 29]. Поэтому обращение к данной теме способствует её уточнению и ведёт к ликвидации пробелов в исторической науке.

После учреждения в Российской империи в 1837 г. Министерства государственных имуществ, занявшегося устройством государственной деревни, основные усилия Комитета западных губерний, были направлены на улучшение быта помещичьих крестьян. В правительственных кругах считалось, что положение крестьян девяти западных губерний, принадлежавших польским помещикам, было намного сложнее, в особенности в белорусских губерниях, чем крестьян центра России. С этой целью власти решились на проведение инвентарной реформы, суть которой сводилась к составлению инвентарей — документов, которые бы регламентировали поземельные, повинностные отношения между помещиками и крепостными крестьянами. Идея о введении обязательных инвентарей возникла сразу же после рассмотрения отчёта витебского губернатора П.П. Львова за 1839 г. о состоянии Витебской губернии [19]. Описывая расстроенное экономическое положение Витебской губернии, П.П. Львов главную причину этого видел в отягощении помещичьих крестьян несоразмерными повинностями в пользу владельцев. Уже в феврале 1840 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселёв, ознакомившись с отчётом, подал записку императору, где говорилось, что вернейшее средство к ограждению помещичьих крестьян от разорения было бы

составление положительных инвентарей. Записка П.Д. Киселёва была внесена в Комитет западных губерний. Николай I и члены Комитета очень сочувственно отнеслись к предложению П.Д. Киселёва, но действовать в этом направлении начали постепенно. Первое заседание Комитета, посвящённое реализации инвентарной реформы, состоялось 16 июля 1840 г. На нём решили, что первоначально инвентари необходимо вводить в имениях, где наблюдалось злоупотребление помещичьей властью. Составление инвентарных правил поручили гр. А.Г. Строганову. Но уже тогда император дал понять высшим сановникам, что он решительно настроен на повсеместное введение инвентарей во всех владельческих имениях, а «ежели из сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь останавливать благой цели правительства» [20]. Министр государственных имуществ полагал, что при составлении этих инвентарей за основу необходимо принимать правила люстрации для казённых имений, но в подобных инвентарях допускалось «некоторое возвышение» в пользу помещика. Император повелел, чтобы инвентари для помещичьих имений западных губерний ему были представлены до 1 сентября 1840 г., в чём глубоко сомневался П.Д. Киселёв. Относительно введения обязательных инвентарей в имениях, взятых в опеку, был издан именной указ в августе 1840 г. [18].

Как и предполагал П.Д. Киселёв, исполнить волю императора за столь короткое время было просто невозможно, поскольку инвентари для казённых имений по новой люстрации на основании правил 1839 г. ещё не были утверждены. Поэтому Комитет западных губерний поручил Министерству внутренних дел и Министерству государственных имуществ написать лишь общие правила для составления инвентарей, а для их применения к каждому имению учредить на местах особые комиссии. На это положение 21 февраля 1841 г. последовало заключение Николая I: «Делом сим не медлить, я считаю его особенно важным и ожидаю от сей меры большой пользы» [21].

Нужно отметить, что в 1840 г. инвентарная реформа не нашла полного одобрения у всех местных властей. Прямо за введение инвентарей высказывались только гродненский губернатор Г.Г. Доппельмайер и правитель Белостокской области Гуранопуло. Виленский генерал-губернатор Н.А. Долгоруков, хотя и признавал поло-

жение помещичьих крестьян «Западного края» худшим, чем великорусских, от прямого ответа отказался: «Не зная цели улучшения, невозможно указать и средств» [1, с. 21].

Минский губернатор Н.В. Сушков отношение помещиков к крестьянам считал столь ненормальным, что боялся, что малейшее распоряжение правительства об улучшении положения помещичьих крестьян возбудит волнения против помещиков. Новоназначенный в 1840 г. виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович хотя и склонялся в пользу введения инвентареи, но слишком нерешительно: «Следовало бы только на первых порах ограничить самоволие помещиков, ... но при сем необходимо заметить, что применение общего инвентаря ко всем имениям едва ли возможно» [1, с. 22].

Совсем иную позицию занимал киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибиков. В начале 1844 г. он ходатайствовал перед министром внутренних дел об ускорении введения инвентарей. На записке император написал: «Я нахожу это предложение весьма важным и дельным» [23]. Записка Д.Г. Бибикова стала основой для изданного Комитетом западных губерний 1 апреля 1844 г. положения о введении инвентарей [24], утверждённого императором и принявшего силу закона 15 апреля 1844 г. Отныне рассмотрение и составление инвентарей поручалось губернским инвентарным комитетам под председательством генерал-губернаторов и в составе губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, чиновника от генерал-губернатора, а также избранных дворянством губернии трех помещиков и одного уездного предводителя. Комитеты для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений должны были требовать от помещиков инвентари, рассматривать их, исправлять и дополнять, составлять новые в тех имениях, где их не было. В случае удовлетворительной оценки представляемого в комитеты инвентаря его могли ввести в действие не более как на 6 лет. Впоследствии, проанализировав отчёты инвентарных комитетов, планировалось ввести постоянные инвентари.

Основную часть проекта «Положения» занимали «Правила для руководства при составлении инвентарей». Предусматривая разделение крестьян на тяглых, огородников и бобылей, «Правила» вменяли в обязанность помещикам по возможности уменьшать число крестьян, «которые не имеют сельского хозяйства и домашней оседлости», предоставляя им право по своему усмотрению наделять

крестьян землёй. Повинности крестьян делились на главные (барщина, оброк, сгоны) и добавочные (шарварки, подорощизна, сторожовство, данины, пряжа и др.). Размеры главных повинностей зависели от величины земельного участка, его качества и не должны были превышать 1/3 валового дохода с надела. Добавочные же повинности отбывались как плата за придаточные выгоды, предоставляемые для крестьян владельцами [4]. В 1844 г. во всех западных губерниях были открыты инвентарные комитеты. Однако введение обязательных инвентарей происходило на территории западных губерний по-разному. На территории Правобережной Украины (в Киевской, Волынской и Подольской губерниях) при активном участии киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова был составлен инвентарь по однообразной форме, включившей в себя общие постановления и нормы. Этот проект инвентарной реформы рассматривался на заседании Комитета западных губерний 13 и 20 мая [25], а 26 мая 1847 г. «Правила для управления имениями по утверждённым для оных инвентарям в Киевском генерал-губернаторстве» были утверждены императором.

В Беларуси и Литве вводили инвентари другим путем — путем составления для каждого имения отдельно. В итоге, в Виленской и Ковенской, Гродненской, Минской губерниях инвентари вступили в действие в 1845, 1846, 1847 гг., а в Могилёвской и Витебской губерниях инвентаризация затянулась до 1857 г., когда вопрос уже был снят с повестки дня в связи с подготовкой отмены крепостного права.

Почему же инвентарную реформу постигла такая судьба в Могилёвской и Витебской губерниях? Изучив архивный материал, можно утверждать, что процессу введения обязательных инвентарей препятствовали местные помещики. Дворянство белорусских губерний воспринимало реформу, прежде всего, как мероприятие по сокращению своих доходов. Сразу же после провозглашения начала инвентаризации дворянство Витебской и Могилёвской губерний попросило назначить более продолжительный срок для составления описей своих имений. Оснований этому у него было два: во-первых, это многочисленные издержки на реализацию будущего переустройства, а, во-вторых, им казалось, что этой мерой можно побудить крестьян к неповиновению [5]. Но генерал-губернатор Витебской, Могилёвской и Смоленской губернии П.Н. Дьяков, исполняя «высочайшую» волю императора, отказал просьбе, считая,

что «сего допустить ни в каком случае невозможно» [14]. Тогда, 5 мая 1845 г. дворянство Витебской губернии послало записку императору по делу об инвентарях. В ней выражалось согласие на «дарование крестьянам совершенной свободы» в случае выплаты ссуды от правительства для поддержки быта крестьян по 15 рублей серебром на душу [14]. Дворяне предлагали учредить Комитет для определения обоюдных прав помещичьих крестьян и владельцев. Крестьяне могли заключать с помещиками договоры по своему усмотрению, а владельцы имели право отстранять крестьян от пользования землёй в случае невыполнения условий договора. По сути, это было первое предложение об отмене крепостного права на территории Беларуси, поступившее от высшего сословия. Нужно отметить, что Николая I очень заинтересовал этот проект. После прочтения записки 16 мая 1845 г. он поручил собрать сведения у всех помещиков Витебщины по вопросу будущего освобождения крестьян. Однако, вероятно, передумал, раз 3 октября 1847 г. из Министерства внутренних дел на имя генерал-губернатора П.Н. Дьякова пришло уведомление, согласно которому император настаивал на продолжении инвентарной реформы [13].

Нельзя полностью отрицать, что после открытия Витебского (1 сентября 1844 г.) и Могилёвского (25 августа 1844 г.) инвентарных комитетов, они не работали. Только дела там шли крайне медленно, что, безусловно, вызывало нарекания со стороны местных властей, министерств и самого императора. Так, уже 19 октября 1844 г. министр внутренних дел критиковал работу Витебского и Могилёвского инвентарных комитетов, считая, что они «вообще мало представляют успеха и удовлетворительности» [6]. Комитеты пытались активизировать действия помещиков, требуя подписку от владельцев о предоставлении инвентарей и устанавливая конкретные сроки на их окончательное предоставление властям. Витебский инвентарный комитет на заседании 14 декабря 1844 г. давал два месяца на подачу инвентарей помещикам, имевшим до 200 душ, три месяца — владевшим от 200 до 500 душ, четыре месяца — тем, кто имел 500-1000 душ [7]. Это произвело некоторый эффект. Например, если до середины декабря 1844 г. в Витебский инвентарный комитет поступило лишь 34 инвентаря [7], то к 1 марта 1845 г. — уже 403, из которых рассмотрели лишь 17, утвердили 3, а 13 возвратили владельцам на доработку [8]. Несколько лучше обстояли дела в Могилёв-

ской губернии. Если на 13 декабря 1844 г. в местный инвентарный комитет поступило 120 инвентарей [7], то на 1 марта 1845 г. их числилось 601, из которых было рассмотрено 102 инвентаря, предоставлено на утверждение 77 [9]. К сентябрю 1845 г. в Витебский инвентарный комитет представили 894 составленных инвентаря, а в Могилёвский — 835 [10]. Но практически все они не соответствовали требованиям правительства и были возвращены для исправления. На заседании Комитета западных губерний 28 мая 1846 г. после двухлетней практики составления инвентарей были представлены отчёты генерал-губернаторов по поводу введения и утверждения инвентарных правил во вверенных им губерниях. Так, по донесению киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова на территории Правобережной Украины числились рассмотренными более 6400 инвентарей, в Виленском генерал-губернаторстве Ф.Я. Мирковича — 4110. Поступившие же в Витебский инвентарный комитет 150 инвентарных описей и в Могилёвский — 50 инвентарей подлежали возвращению и исправлению [26]. К январю 1847 г. инвентарные комитеты Виленской и Ковенской губерний из 5781 ожидаемого инвентаря утвердили 4390. По Минской губернии на февраль 1847 г. было утверждено инвентарным комитетом к исполнению 2257 инвентарных описей имений [3].

На наш взгляд, можно выделить две главные причины толь затяжного процесса инвентаризации. Первая причина заключалась в технической стороне дела. Комитеты для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений собирали статистические данные, неоднократно пересоставляли и пересматривали огромное число инвентарей. Всё это сказалось на темпах реформы. Более того, помещики Витебской и Могилёвской губерний при определении крестьянских повинностей, которые зависели, как говорилось ранее, от количества и качества земли, не имели вообще никакого понятия о правилах составления инвентарей, поскольку во многих имениях не было проведено ранее ни специального, ни генерального межевания [15].

Второе обстоятельство, приведшее к столь затяжной инвентаризации, было связано с враждебным отношением самих помещиков к реформе. Обязательные инвентари, по их мнению, привели бы неминуемо к уменьшению их доходов, поскольку по новым правилам помещиков обязывали «продовольствовать» крестьян и платить

за них повинности в случае недостачи [16]. После неудачных попыток заморозить введение обязательных инвентарей, помещики вынуждены были спешить с их составлением, максимально укрепляя своё положение. Владельцы не рисковали завышать размер участка и занижать повинности крестьян, поскольку крестьяне могли добиваться выполнения норм, закреплённых в инвентаре. Поэтому данные обязательных инвентарей, как о размере земельных наделов, так и о величине повинностей вполне можно считать достаточно достоверными.

Значение инвентарной реформы для белорусских крестьян в большинстве исследовательских работах даётся однозначное: в экономическом плане она не принесла им облегчения. На наш взгляд, это поверхностная оценка проведённой реформы. В таком случае, можно говорить и об узости земельной реформы 1861 г., принимая во внимания тот факт, что крестьянам пришлось выкупить землю по тройной цене. Безусловно, инвентарная реформа была значительно менее удачной, чем модернизация государственной деревни, проведенная министром государственных имуществ П.Д. Киселёвым, однако стоит отметить, что с социально-правовой точки зрения, не смотря на ограниченность и непоследовательность процесса введения инвентарей, эта реформа официально ставила рамки помещичьей власти и создавала некоторую легальную основу для защиты крестьянами своих интересов. Более того, инвентарная реформа впервые побудила дворянство белорусских губерний задуматься об отмене крепостного права.

Использованные источники и литература

1. Жукович, П.И. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России / П.И. Жукович. — СПб., 1895. — 337 с.

2. Кернажыцкі, К.І. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. (Да праблемы разлажэння феадалізму ў Беларусі) / К. Кернажыцкі. — Мінск: Выд-ва Бел. акад. навук, 1935. — 272 с.

3. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 142. Минский губернский комитет для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений. - Оп. 1. -Д. 1772. Журнал заседаний комитета.

4. НИАБ. Ф. 142. Минский губернский комитет для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений. - Оп. 1. - Д. 1777. Учет инвентарей.
5. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 14746. Об открытии в г. Витебске и в г. Могилеве губернских комитетов для рассмотрения инвентарей помещичьих имений.
6. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 14746. Об открытии в г. Витебске и в г. Могилеве губернских комитетов для рассмотрения инвентарей помещичьих имений.
7. НИАБ. Ф. 1297. Канц. ген-губерн. Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 14746. Об открытии в г. Витебске и в г. Могилеве губерн. ком. для рассмотрения инвентар. помещичьих имений.
8. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 14746. Об открытии в г. Витебске и в г. Могилеве губернских комитетов для рассмотрения инвентарей помещичьих имений.
9. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 15461. О действиях Витебской и Могилевской инвентарных комиссий.
10. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 15461. О действиях Витебской и Могилевской инвентарных комиссий.
11. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 18475. По предположениям дворянских депутатов Витеб. губ. о даровании свободы крестьянам.
12. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 18475. По предположениям дворянских депутатов Витеб. губ-и о даровании свободы крестьянам.
13. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. - Оп. 1. - Д. 18475. По предположениям дворянских депутатов Витеб. губер. о даровании свободы крестьянам.
14. НИАБ. Ф. 1430. Канцелярия витебского гражданского губернатора. - Оп. 1. - Д. 11267. Об учреждении комитетов для рас-

смотрения и составления инвентарей помещичьих имений запад. губерний.

15. НИАБ. Ф. 1430. Канцелярия витебского гражданского губернатора. - Оп. 1. - Д. 11267. Об учреждении комитетов для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений запад. губерний.

16. НИАБ. Ф. 1430. Канцелярия витебского гражданского губернатора. - Оп. 1. - Д. 11267. Об учреждении комитетов для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений запад. губерний.

17. Неупокоев, В.И. Подготовка проекта инвентарных правил и применение инвентарного положения 1844 г. в Литве / В.И. Неупокоев // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР / Ин-т истории Акад. наук СССР. — Сб. V. — М.: Наука, 1962. — С. 227-307.

18. Полное собрание законов Российской империи. - Собрание второе: В 55 т. - СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1830—1884 гг. - Т. XV. Отд. 1. № 13745.

19. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее – РГИА). - Фонд 1266. Комитет западных губерний. - Оп. 1. - Д. 26. Журналы Комитета запад. губер-й за 1840 г. - Л. 35-76.

20. РГИА. - Фонд 1266. Комитет западных губерний. - Оп. 1. - Д. 26. Журналы Комитета западных губерний за 1840 г.

21. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 34. Журналы Комитета западных губерний за 1844 г.

22. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 34. Журналы Комитета западных губерний за 1844 г. – Л. 35-76.

23. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 34. Журналы Комитета западных губерний за 1844 г.

24. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 34. Журналы Комитета западных губерний за 1844 г. – Л. 23-95.

25. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 36. Журналы Комитета западных губерний за 1845, 1846, 1847 и 1848 гг. - Л. 224-266.

26. РГИА. – Фонд 1266. Комитет западных губерний. – Оп. 1. - Д. 36. Журналы Комитета запад-х губерний за 1845, 1846, 1847 и 1848 гг.

27. Сосна, У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. / У.А. Сосна. — Мн.: БДУ, 2000. — 115 с.

28. Чепко, В.В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века / В.В. Чепко. — Минск: «Наука и техника», 1966. — 214 с.

29. Шульгин, В.Я. Юго-западный край под управлением Д.Г. Бибикова (1838—1853) / В.Я. Шульгин // Древняя и новая Россия. — 1879. — № 5. — С. 5-32; № 6. — С. 88-131.

ФОРМАТЫ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА, СОЗДАННЫЕ КОНВЕРГЕНЦИЕЙ НАУКИ, ТЕХНИКИ, ИСКУСТВА

Лойко А.И.
доктор философских наук, профессор

Научно-технический прогресс, ставший в XX в. доминантным, в социальной динамике создал механизм конвергенции науки, техники, искусства. Слиянию творческих практик способствовал поиск новых форм самореализации ученых, инженеров, дизайнеров, художников. В статье анализируются особенности взаимовлияния различных форм общественного сознания в рамках единого пространства культуры.

Конвергенция науки и техники была мотивирована механизмами экономического детерминизма. Промышленные компании в целях повышения конкурентоспособности, создания новых ниш потребительского рынка открывали на производствах научно-технические лаборатории. В результате физика и химия стали частью инженерной деятельности. Из исследовательских дисциплин они превратились в технические дисциплины конструкторской, технологической направленности. Тон в развитии промышленной культуры задавала наука, особенно такие разделы физики, как термодинамика, физика твердого тела, ядерная физика, квантовая механика. На основе этих разделов были созданы прикладные направления, связанные с энергетикой, металлургией, автомобилестроением. Энергетическая инфраструктура и коммуникации полностью трансформировали повседневную культуру общества XX века. Было положено начало технизации повседневного образа жизни. В этот процесс была включена и Беларусь. Так, минские власти приложили немало уси-

лий для трансформации образа жизни горожан. Инициатором новшеств был К. Чапский, возглавлявший городские структуры. По его инициативе в городе Минске была введена в эксплуатацию электрическая станция. На основе электроэнергии было создано уличное освещение, организовано движение трамваев. Опыт организации этого движения был взят из Витебска, где высокой активностью отличалась деятельность инженера-железнодорожника А. Павловского. Именно он реализовал в городе проект электрического трамвайного транспорта. Инженерные решения он сопровождал интеллектуальной деятельностью, продуктом которой стали работы о роли техники в различных сферах культуры, включая гендерную тематику. Еще один известный новатор Беларуси, владевший бумажной фабрикой в Добруше – А. Стульчинский, открыл при фабрике научно-техническую лабораторию, реализовал проекты по развитию городской инфраструктуры Добруша.

В начале XX столетия мировая экономика оказалась в условиях очередного кризиса. Он получил название великой депрессии. Резкое падение спроса на потребительские товары в США привело к сокращению рабочих мест, массовой безработице. Менеджеры крупных компаний начали искать возможности оживления рынка за счет повышения его емкости и потребительской привлекательности. Создание устойчивого спроса гарантировало устойчивое предложение и, как следствие, занятость. Переориентация производства на общество массового потребления усилила роль в экономике дизайна [1].

На первый план выходит не столько получение новых знаний, сколько эффективное использование в инженерных решениях уже наработанных знаний путем их конфигурирования. Одним из направлений конструкторской деятельности стала социальная инженерия, которая актуализирует социальные технологии для решения практических задач. Доминантную роль играют знания и решения, обусловленные контекстом будущего применения [2, с. 37]. Соответственно выделяются специалисты, идентифицирующие проблемы, специализирующиеся на поиске решений для существующих проблем и посредники решения существующих проблем. Они работают на основе технологических платформ в области инновационного менеджмента. В результате промышленная культура эволюционировала к статусу креативной индустрии [3]. Возник феномен, который потребовал осмысления [4]. Были выявлены аспек-

ты взаимодействия науки, техники, искусства и общества [5]. Историческая эпоха ассоциируется с постмодерном [6]. Осмысление новой тенденции шло параллельно с реализуемой в Европе культурной политикой на уровне программ управления креативной индустрией. Опыт реализации этих практик стал предметом изучения белорусских исследователей [7].

При таком подходе наука оказывается интегрированной не только с инженерными решениями, но и с методологическим ресурсом философии. Эта тенденция апелляции к философии наглядно проявилась на примере трибофатики. Фактически речь идет о достаточно специализированной области решения проблем износостойкости технических устройств и узлов. Трение, усталость, износ указывают на необходимость продления жизненного цикла технических изделий, испытывающих различные функциональные нагрузки. Во внимание берутся способы решения этих проблем на основе знаний из области материаловедения, нанотехнологий, теоретической механики, термодинамики. Эти знания конфигурируются на основе синтеза механики и термодинамики. Учитывается теория информации в аспекте обратной связи, способности устройств накапливать повреждения и тем самым создавать информационный ресурс знаний о причинах и характере повреждений с точки зрения особенностей эксплуатации технических устройств, человеческого организма. Инженерные решения призваны способствовать повышению износостойкости узлов и деталей, органов человека, системотехнической устойчивости инфраструктуры и коммуникаций. Фактически речь идет об улучшении динамических характеристик техногенной реальности и обеспечении безопасной среды для жизнедеятельности человечества. При этом на категориальном уровне трибологической рефлексии обнаруживается универсальный статус понятий трения, усталости, накопления повреждений, износа, жизненного цикла. Эти понятия применимы к особенностям организма человека, его психики, социальной тематике, проблематике искусственного интеллекта. В возникшее поле исследований интегрированы кибернетика, информатика, инженерная и социальная психология, эргономика, диалектика и синергетика [8].

Подобный синтез происходит и на базе современной архитектуры. Имеет место тенденция синтеза проектирования и конструирования с эстетическим мировосприятием потребителя, его ожидани-

ями и потребностями в отношении визуального оформления повседневности. О необходимости интеграции искусства в практическую реальность повседневного опыта, его артефактную текстуру, стали говорить в конце XIX столетия. Практическое искусство должно было стать декоративно-прикладным, интегрированным с ремеслами с тем, чтобы сохранить оригинальные технологии традиционных культур. Второй подход в интеграции повседневности и искусства заключался в признании преимуществ промышленной деятельности и связанного с ней серийного тиражирования артефактов, но с элементами эстетических потребительских ожиданий. Конструкторы должны были угадывать потребительские ожидания через цвет, организацию внутреннего пространства объемных конструкций, форму, стиль. Третий подход заключался в формировании эстетической стилистики через акцент на новизну, необычность, на ранее запретные темы. Четвертый подход формулируется как воспитательный. Он реализуется в архитектуре. Речь идет о формировании эстетической потребности человека в красоте и деятельности по законам красоты. Для этого предполагается использовать архитектурную среду, которая должна визуальными средствами задачу воспитания выполнять. Предлагается модель воздействия архитектурно-пространственной среды на человека. В нее закладывается гармонично выполненное соотношение света и тени, контраста и спокойствия, ансамблевость зданий посредством придания им цветовой выразительности с учетом мнения заказчика, отсутствие конструкций и форм, выражающих агрессивное настроение, открытые пространства с элементами озелененных террас, освещенных холлов, располагающая стилистика интерьеров, создающая интерактивное пространство диалога.

Проблематика визуального мышления на уровне архитектурной специфики трансформировалась в пристальное изучение социологии архитектуры на основе символического интеракционизма [9]. Это позволяет архитектору учитывать роль социального пространства в создании и поддержании атмосферы коммуникации для различных возрастных категорий людей. Соответственно усилилось опосредованное присутствие категорий нравственности в архитектурной практике. Прикладной аспект дополняется присутствием философской антропологии в пространстве архитектуры [10]. При этом имеет место тенденция трансформации антропологической

компоненты. За основу архитектурной антропологии берутся не размеры человеческого тела, как это было ранее, а размеры, необходимого человеку жизненного пространства в контексте процессов коэволюции. Эти процессы породили феномен бионической архитектуры, использующей криволинейные поверхности, параболические формы, биоморфные образования. Фактически новая практика архитектурной и дизайнерской деятельности позиционируется как более органичная. Эта органичность создается посредством компьютерных технологий в жанре дигитальной архитектуры [11, с. 321-336]. Имитация зданий под естественные формы природного ландшафта сочетается с эффективным использованием внутреннего пространства сооружений. Сложные формы подчинены математическим решениям фрактальной геометрии [12]. При этом сохраняется нравственная антропоморфная компонента дизайна и архитектуры зданий на уровне коллективного бессознательного. Моделирование искусственной среды осуществляется в контексте ориентирования впечатлений визуального мышления на ожидаемые образы, например, образ человеческой фигуры даже при максимальной его схематизации узнаваем. Фактически речь идет о конкретных фракталах формообразования, формирующих интерактивное пространство коммуникации, его гуманитарный и экологический фон.

У визуального мышления есть носитель в виде нервной системы. Эта связь на уровне исследовательской рефлексии выразилась в возникновении нейроэстетики [13]. Создание концептуального аппарата нейроэстетики открывает путь к более эффективной реализации творческих проектов в свете ожиданий культурной среды. При этом специалисты понимают необходимость решения кросскультурных проблем, связанных с этноцентризмом, ксенофобией, асимметрией вербальных и невербальных компонентов коммуникации. Предлагается методика формирования у социального заказчика межкультурной чуткости (чувствительности).

В евразийском регионе конвергенция науки, техники, искусства формировалась социально-политическими факторами революционной смены исторических эпох и парадигм деятельности. Практика общения и оценки художественных тенденций в мировом искусстве создала основу для формирования русского авангарда. Этот культурный феномен был представлен не только в Санкт-Петербурге и

Москве, но и на территории Беларуси. В Беларуси центрами эстетики изобразительного искусства стали Вильно, Витебск, Минск.

В итоге эстетическая школа Беларуси в начале XX столетия оказалась в переходной эпохе поиска новых форм показа и конструирования художественной реальности. В рамках этой эпохи в культуру возвратилась народная традиция. В Беларуси это явление было связано с литературным творчеством Ф. Богушевича, А. Пашкевич, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа. Поиск новых литературных решений актуализировал эстетику белорусского языка. Шел активный поиск языковой стилистики. Акцентированная на национальной идентичности белорусская интеллигенция поставила себе задачу возврата в стилистическое пространство белорусского языка огромного литературного наследия, созданного в Беларуси за несколько столетий. В данном случае имел место не историзм, а модернизм, обусловленный методологией глокальности [14]. В этой методологии важную роль играет феномен партикулярной структуры [15]. В результате международные культурные процессы наполнились разнообразной субъектной географией. В числе таких субъектов была белорусская культура. В результате эстетика оказалась интегрированной с этнографией. Эта ее модификация стала возможной благодаря этнографическим и фольклорным исследованиям, получившим распространение на территории Беларуси еще в XIX столетии под влиянием романтизма. В эстетике изобразительного искусства Беларуси доминировал акцент художественной школы. Творческая молодежь Беларуси проходила профессиональное становление в Минске в школе Я. Кругера, в Вильно – в школе И. Трутнева, в Витебске – в школе Ю. Пена. После получения начального художественного образования в Беларуси талантливая молодежь отправлялась на учебу в Санкт-Петербург и Париж. Там она оказывалась в атмосфере поиска изобразительным искусством и эстетикой новых форм самовыражения, диалога с потенциальным зрителем. Одним из первых подобную эволюцию в эстетике прошел уроженец Гродно Л. Бакст. Он преподавал в академии художеств Санкт-Петербурга. Одним из его учеников был М. Шагал. Основная часть творческой жизни Л. Бакста прошла в Париже, где он принимал активное участие вместе с С. Дягилевым в организации русских сезонов [16, с. 189-192]. Их цель заключалась в демонстрации европейскому зрителю эстетики искусства передвижников и русского

авангарда. Организаторы хотели продемонстрировать результаты деятельности творческих лабораторий. Для того, чтобы довести европейскому зрителю через сценическую бутафорию, костюм, сценические образы евразийскую тематику Востока и Запада, Л. Бакст специально изучал особенности арабской культуры и эстетики. Эти исследования он использовал при оформлении музыкальных спектаклей, где танец, костюм должны были минимизировать отчужденность культур, сделать их максимально понятными через язык чувств, музыки, танца, композиции, художественного сценического оформления. Часть белорусской молодежи сосредоточилась на эстетике национальной культуры. В их числе были И. Буйницкий, И. Дроздович, М. Станюта.

Наступательный характер нового искусства под названием Пролеткульта был обоснован в работах уроженца Беларуси, активного участника революционного движения в России А.А. Богданова. Искусство он рассматривал через классовые и трудовые задачи марксистской идеологии. Пролеткульт был создан в 1917 году. Эта организация входила в Наркомат просвещения. Она организовывала культурные, образовательные и пропагандистские мероприятия для рабочих. Одним из организаторов новой культуры был А.А. Богданов. Он пользовался своим экономическим образованием в области менеджмента и созданной им организационной науки, которую он называл тектологией. Целью организации являлось развитие пролетарской культуры.

Согласно А.А. Богданову, произведение искусства отражает интересы и мировоззрение только одного класса. Пролетарская культура управляет социальной практикой, пролетариат её реализует. Искусство способно эффективно вести пролетариат к светлому будущему. Оно систематизирует опыт в живых образах. Искусство отражает действительность, воспитывает, направляет волю. Поэтому искусство должно способствовать окончательной победе пролетариата. В качестве примера им приводится воздействие военной музыки на солдат. В пролетарской культуре нет утопизма, поскольку веками существовало крестьянское искусство. В качестве возможных образов пролетарской культуры им упоминается героика классовой борьбы, воспевание титанических сил стального хаоса, мощного солнца великого идеала. По А.А. Богданову творчество является разновидностью труда. В этом труде содержится новый

образ искусства, обусловленный спецификой каждодневного механистического, стандартизированного труда. Искусству необходимо раскрыть эти особенности посредством поиска соответствующего языка художественного высказывания. Разрыв с культурной традицией оказался неприемлемым для многих художников, в том числе для М. Шагала. В 1920 году он уехал из Витебска в Москву, а затем в Берлин и Париж.

Идеология Пролеткульта нанесла значительный ущерб художественному развитию страны. Задача разрушения старой культуры была решена, а создание новой культуры трансформировалось в формы острой полемики. Пролеткульт издавал около двадцати периодических изданий, в том числе, журнал «Пролетарская культура». После отъезда М. Шагала народное художественное училище в Витебске потеряло статус центра эстетической мысли. Город покинули многие художники, в том числе, К. Малевич.

В начале XX столетия в белорусской эстетике важное место занимала архитектура. Это было обусловлено тем, что после строительства на территории страны железных дорог выросло значение городов. Обустройство их занимало много места в деятельности городских властей. Одним из ярких примеров стала деятельность К. Чапского. Благодаря его инициативе Минск был обустроен в части открытия театров, создания медицинской и социальной инфраструктуры. Все эти проекты осуществлялись при участии архитекторов. Важную роль архитектурная эстетика играла в дворцово-парковых комплексах. В ней соседствовали европейские и российские влияния, обусловленные последствиями польских восстаний и крымской войны. Распространение получил ретроспективный русский стиль в модификациях русско-византийского, московско-ярославского, синодального, неорусского направлений. Белорусско-российское взаимовлияние в области архитектуры имело сопряжение со сферами изобразительного искусства через И. Репина и со сферой академической философии через творчество Н. Лосского. В этих культурных контактах важную роль играл витебский регион. Сторонники европейской архитектуры культивировали неороманский, ретроспективно-готический, неоренессансный, необарочный, неоклассический стили. Архитектура историзма соседствовала с архитектурой модерна. Отличие последнего заключалось в неприятии исторической ретроспективы. Акцент делался на отражение

особенностей современности в адекватных нетрадиционных стилевых формах. Большое значение придавалось синтезу новаций техногенной цивилизации с новыми проявлениями внутреннего мира человека, обнаруженными в психологии и философии. Акцент делался на баланс рационализма и интуитивизма, функциональности и визуальной эмоциональности. Элементы модерна заметны в работах художников Ф. Рущица, А. Маневича, архитекторов Г. Глазера, О. Краснопольского, В. Мааса, С. Шабуневского, У. Шервуда, работавших на территории Беларуси.

Белорусская эстетическая школа начала XX столетия имела множество приложений в различных сферах искусства и архитектуры. Социальные и политические условия были сложными. Они формировались сменой исторических эпох, первой мировой войной, Пролеткультом, коротким периодом «белорусизации» и последовавшими репрессиями, жертвами которых стали многие выдающиеся представители национальной культуры. Часть творческой интеллигенции мигрировала за пределы Беларуси. В числе их были Л. Бакст, М. Забейда-Сумицкий, М. Кикоин, П. Кремень, Н. Лосский, Х. Сутин, О. Цадкин, М. Шагал. Одни уехали до революционных событий, другие уже после них.

Предметом исследования стала эстетика изобразительного искусства парижской художественной школы, в создании которой важную роль сыграли уроженцы Беларуси. Среди них Н. Ходасевич-Леже. В конце XX столетия мировой культурный процесс оказался в тематике соприкосновения экономики и культуры. Были актуализированы понятия культурной экономики, культурной индустрии, креативной индустрии, культурной политики, креативной эпохи, креативного города, креативного класса. Эстетика вышла на улицы городов, на пляжи, на сельские пейзажи. Открытые площадки стали играть важную роль в искусстве. Не остались в стороне белорусские архитекторы. В Витебске реализован проект открытого амфитеатра для проведения фестиваля славянских культур с большой географией международного представительства.

Ориентированная на экспорт экономика независимой Беларуси потребовала усиления процессов конвергенции науки, техники и дизайна. Конкурентная среда требует хорошо продуманных маркетинговых стратегий и логистики. Белорусский национальный технический университет отреагировал на эту интенцию промышлен-

ности открытием специальностей, акцентированных на промышленном дизайне. В числе этих специальностей промышленный дизайн, дизайн упаковки, дизайн колесных и гусеничных машин, ландшафтный дизайн, управление дизайн проектами, компьютерный дизайн. На базе кафедр восстановлены научные школы, истоки которых находятся в школах дизайна 20-х годов XX века. Кафедра философских учений Белорусского национальног технического университета многие годы поддерживала преемственность эстетических традиций Беларуси. На кафедре был разработан курс эстетики для студентов архитектурного факультета, который читал В.С. Степин. Одними из ведущих специалистов в области эстетики стали В.А. Салеев, А.В. Чантурия, Е.К. Булыго, Е.Б. Якимович. Их работы акцентированы на прикладных аспектах креативной индустрии. Одним из элементов этой индустрии стали визуальные технологии.

Важную роль в коммуникативных процессах играет контент визуального формата. Он насыщен статистическими сведениями, динамикой, обладает высоким оперативным ресурсом. Это обусловлено тем, что визуализация информации позволяет использовать наглядность, образность. Создание образов стало доступным после появления технологий фотографирования. Это была сфера профессиональной и художественной деятельности. Результатом деятельности стали семейные фотографические альбомы и выставки.

Визуальная реальность в статусе фотографической презентации стала предметом философских и культурологических исследований в рамках культурной антропологии. Особенно тщательно изучалась эволюция визуальной реальности европейцев. Речь шла не только об эволюции технологий, но и пространственных решений, дизайна. После распада СССР возникла уникальная ситуация интереса к визуальной повседневной реальности в виде семейных фотографических альбомов. На кафедре философских учений БНТУ в 2007-2009 годах в рамках совместного проекта РГНФ-БРФФИ № ГО 79029 «Техногенная визуализация повседневности и социальный смысл семейного фотографического альбома» проводились исследования, которые создали контекст описания исторической памяти, детерминированной фотографическими отображениями повседневных событий как истории страны, выраженной в семейной фотографии.

К сожалению, тенденция эволюции визуальных технологий в конвергентной среде Интернет пространства практически вытесни-

ла аспект социальной памяти, заменив его фрагментированным отображением собственного «Я». Фотографическая повседневность, создаваемая камерами мобильных телефонов при активном участии пользователей, является не столько функцией памяти, сколько формой перманентного общения, актуализации информации, ее обсуждения и оценки в сетевом пространстве. Это фотографии, которые актуализируют оригинальные фрагменты повседневной жизни, скрепляют отношения, держат пользователей в постоянном ожидании новой информации и повседневных тем для обсуждения. Это культура открытых сетевых структур. Функция фотографии в данном случае не реализует миссию исторической памяти. Речь идет о форме коммуникации через средства визуальных технологий. В результате смены парадигмы природы фотографии, она «больше не является фиксированным образом, а становится смесью подвижных, как вода, пикселей» [17, с. 103]. Таким образом, конвергенция науки, техники, искусства в XX столетии создала новые форматы культурной деятельности, к которым еще предстоит адаптироваться современным пользователям. Больше всего пользователей интригует перспектива человека в культуре, поскольку гибридная эволюция создает неопределенности в области трансгуманизма.

Использованные источники и литература

1. Лойко, А.И. Философия дизайна / А.И. Лойко, Е.К. Булыго, Е.Б. Якимович. – Минск: БНТУ, 2017 – 73 с.

2. Федоров, В.С. Современный тип производства знания – «Mode 2» / В.С. Федоров // Социальная философия науки. Российская перспектива. К юбилею В.С. Степина. – М.: Альфа-М, 2014. Т. 6. Секция 5. С. 36-38.

3. Adorno, T. W. The culture industry: selected essays on mass culture / T.W. Adorno. – London: Rontladge, 2001 – 215 p.

4. Caves, R.E. Creative industries: contract between art and comers / R.E. Caves. – Harvard: Harvard Univ. Press, 2002 – 464 p.

5. Hartley, J. Creative industries / J. Hartley // Creative industries/ed J. Hartley - Malden, 2008 – p. 1-40.

6. Harvey, D. The condition of post modernity: an enquiry into origins of cultural change / D. Harvey - Oxford: Basic Blackwell, 1990. – 378p.

7. Matsevich, I. The challenges of creativity cultural industries and cultural policy in Europe. / I. Matsevich. – Minsk: Econompress, 2010 – 84 p.

8. Сосновский, Л.А. Механотермодинамика (об объединении великих конкурентов: 1850-2015) / Л.А. Сосновский // Механика машин, механизмов и материалов. – 2016. - № 4. – С. 19-41.

9. Вильковский, М. Социология архитектуры / М. Вильковский. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010 – 591 с.

10. Никифорова, Л.В. Архитектура в антропологическом измерении / Л.В. Никифорова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2005. – № 5. – С. 309-319.

11. Фундаментальные проблемы культурологии: коллективная монография. – М.-СПб.: Новый хронограф – Эйдос, 2009. Т. VI.- С. 321-336.

12. Исаева, В.В. Фрактальность природных и архитектурных форм / В.В. Исаева, Н.В. Касьянов // Вестник ДВО РАН – 2006. - № 5. – С. 119-127.

13. Рамачандран, В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми? / В.С. Рамачандран. – М.: Карьера-Пресс, 2015. - 498 с.

14. Ханолайнен, Д.П. Взаимодействие техники и изобразительного искусства: ретроспективный взгляд / Д.П. Ханолайнен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. Ч. 1. С. 186-191.

15. Лойко, А.И. Социальная психология партикулярных структур / А.И. Лойко. – Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing , 2016 – 140 с.

16. Лойко, А.И. Роль русской философии в создании атмосферы межкультурного диалога в Беларуси / А.И. Лойко // Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность. – Минск: Медисонт, 2013. - С. 180-193.

17. Дроздов, Д. Профессиональная этика фотожурналиста в контексте современных трендов развития мировой медиасферы / Д. Дроздов // Международная журналистика – 2017: идея интеграции интеграций и медиа. – Минск: Издательство БГУ, 2017. С. 102-105.

СОЮЗ ГЕРМАНСКИХ ДЕВУШЕК: ШАБЛОНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Млечко Е.Н,
старший преподаватель

После прихода к власти НСДАП нацистское руководство стало проводить полномасштабную компанию по вовлечению всех слоев населения в процесс создания идеальной нации и государства. Работа шла по всем направлениям: экономика, политика, военное дело, социальная сфера. Большую роль в формировании немецкой нации в представлениях нацистской верхушки играло воспитание и образование подрастающего поколения. Начиная с шестилетнего возраста дети должны были вступить в «Пимпфе», с десяти лет мальчики и девочки 15 марта текущего года должны были записаться в одну из молодежных организаций. Мальчики записывались в «Юнгфольк», девочки – в «Юнгмедльбунд» (Союз девочек), с 14 до 18 лет юноши входили в состав «Гитлерюгенда», девушки вступали в «Союз германских девушек». Он был создан в 1929 г. как «сестринские общины» Гитлерюгенда, которые в июле 1930 г. были переименованы в СГД. Организация объединяла в своих рядах девушек в возрасте от 14 до 17 лет, кроме того, девушки в возрасте от 17 до 21 года могли входить в объединение «Вера и красота» [1, 2].

Сестринские общины Гитлерюгенда поначалу были немногочисленны, представляли собой разрозненные группы, наименование которых произошло от названия общин сестер милосердия. Девушек учили маршировать под свисток, шить, распространять листовки и ухаживать за ранеными штурмовиками. В 1930 году Марта Ассман, первая руководительница «сестринских общин», переименовала свою организацию в «Союз германских девушек в составе Гитлерюгенда». Небольшая вначале, численность СГД с 1933 по 1934 годы выросла с 23900 до 593000 человек: за год своего существования СГД стала самой многочисленной женской организацией мира [3, с. 78].

Формирование лояльности к правящим кругам, сплоченности и жертвенности во имя Германии происходило в СГД (как и в Гитлерюгенде в целом) несколькими путями. По средам на всей территории Германии проходили «домашние вечера», которые организовывали «фюрерши» – руководители ячеек («мэдльшар»), сами не-

многим старше своих подопечных (в Гитлерюгенде был лозунг «Молодежь должны управлять молодежью»). На этих мероприятиях пели песни, рассказывали старые саги и легенды. Эти вечера у многих остались в памяти, в частности, писательница Гудрун Паузерванг вспоминает: «Переживали так, словно приняли наркотик. Особенно когда во время пения идентифицировали себя с героями песен. У меня слезы лились, когда я ощущала себя частью прекрасной Германии [3, с. 82].

Частой практикой были вылазки на природу: романтическая обстановка, превращающая ничем не примечательное мероприятие в приключение, глубоко воздействовала на детей и западала в душу, так как восприятие происходило на уровне чувств, а не понимания.

Одним из важных моментов, привлекательных для девушек, была возможность «сделать карьеру» в СГД в качестве руководителя ячейки: помимо обладания более высоким статусом в сравнении со сверстницами, девушки получали возможность стать частью нового государства и выполнять ответственные задачи, что, конечно, не могло не льстить их самолюбию.

К числу ключевых приемов и способов воздействия в процессе привлечения и сплочения молодежи следует отнести бесконечные церемонии в повседневной жизни СГД: линейки, пафосные речи, посвящения в Гитлерюгенд, памятные даты, посвященные движению (праздник поминовения погибших членов Гитлерюгенда, День прихода к власти, День рождения Фюрера, День труда, День матери, День мюнхенского путча и т.д.). Особенно выделялся среди них День посвящения родившихся в одном году в члены Гитлерюгенда. Это был целый спектакль, который с 1936 года стал проводиться централизованно в бывшей резиденции рыцарского Ордена Мариенбург в окрестностях Данцига: ночью при свете факелов участники пели, клялись и маршировали, велась прямая трансляция «церемонии» на весь рейх. Обычно присяга проводилась 19 апреля – накануне для рождения Гитлера, что было символично: все мальчики и девочки одного года рождения преподносились в качестве подарка фюреру. Церемонии были выстроены таким образом, чтобы оказывать влияние в первую очередь на чувства детей, благодаря чему достигался эффект мощного воздействия на психику. Можно сказать, подавляющая часть молодежи находилась в состоянии коллективного гипноза, сравнимого с действием наркотиков [3, с. 92].

В отличие от юношей, которые рассматривались как опора партии, девушкам из Гитлерюгенда поначалу придавалось мало значения. Как отмечают исследователи, в начале XX века в немецком обществе к женщинам относились как к людям второго сорта [3, 4, 5]. Несмотря на некоторые политические уступки (в 1919 году женщины Германии получили избирательное право), общественная жизнь в стране проходила в основном без них: участие в политике, культуре, науке, спорте было редким явлением. В целом жизнь женщины в Германии начала XX века, как и многих других стран, была определена тремя «К»: «Kinder, Kueche und Kirche» – дети, кухня и церковь [германия]. Конечно же, в сравнении с тем, что предлагали девушкам устаревшие представления старшего поколения, служба в СГД давала возможность если не изменить свою судьбу, то хотя бы ненадолго вырваться в среду, которая раньше была им недоступна: путешествия и походы без родителей, посиделки у костра, танцы по вечерам, общественная нагрузка и обязанности, требующие постоянного появления на публике и общения со сверстниками, в том числе с парнями. В связи с привлекательностью для молодежи новой организации, как уже отмечалось, ее ряды пополнялись с огромной скоростью. Одна из участниц движения вспоминает: «Массовый приток новых участников в организацию можно было сравнить с порывом ветра. Возвышенное чувство помощи в строительстве лучшей жизни в Германии охватило нас всех, особенно молодежь» [3, с. 79].

Руководство рейха поспешило использовать появившиеся возможности взять под опеку ту часть общества, которая традиционно была в тени. В 1934 году Б. Ширах, руководитель Гитлерюгенда, определил содержание повседневной работы БСГ и высказал представления о женском воспитании, определив тем самым основные цели организации в составе новой империи: одна треть времени должна посвящаться формированию мировоззрения, а остальное время – физическому развитию, так как заявленной целью являлось воспитание в первую очередь здоровой девушки, чьи способности будут нацелены на благо государства. Ясно видно, что физические качества имели первостепенную важность, в отличие от умственных и мировоззренческих характеристик. Тем не менее, и девушки должны были знать «путь борьбы», пройденный Гитлером, историю национал-социалистического движения и Гитлерюгенда, историю

Германии. Изучались такие темы, как «Роль женщины в германской истории», «Задачи девушек в нацистском государстве», девушки также изучали немецкий эпос, народные сказки, пословицы и наряду с этим тексты нацистских маршевых песен [5, с. 78]. Конечно же, направленность женского образования была односторонней: все должно быть нацелено на воспитание и обучение будущей матери семейства. О серьезном университетском образовании для женщин речи не было: за первые шесть лет нацистского режима число студенток в Германии сократилось на 23%, а в 1933 году была установлена максимальная (10%) квота для женщин при поступлении в университеты [5, с. 25].

В рамках требований к девушкам, не раз звучавшим с трибун, в 1934 году была введена «годичная служба в домашнем хозяйстве» для незанятых работой и учебой девушек: им предлагалась работа в «образцовых национал-социалистических семьях» в качестве домработниц. Кроме того, после вступления в силу «Закона о молодежи» была введена своеобразная «девичья повинность», которая предусматривала посещение организованной Гитлерюгендом широкой сети школ домоводства. Они были посвящены воспитанию «образцовых немецких хозяек». В школах домоводства обучали различным видам рукоделия, кулинарии, уходу за детьми, навыкам организации и планирования домашнего хозяйства, оказанию первой медицинской помощи.

Более взрослые девушки по желанию могли посещать мероприятия под названием «Вера и красота», организованные при СГД. Девушки занимались спортом, танцами, моделированием одежды и воспитанием детей. Важной чертой этих собраний была их нацеленность на воспитание женственности и готовности стать матерью. При этом особое внимание уделялось целомудрию и нравственности девушек, так как в вопросах физической любви СГД придерживался старых буржуазных традиций: «девушки должны быть как чистый, свежий, прозрачный германский воздух» [3, с. 95]. Девушек с ранних лет знакомили с нацистскими представлениями о расовой гигиене: Ширах призывал их поддерживать чистоту своей крови, считать ее частью «национального кровяного фонда» и развивать «свой организм таким образом, чтобы обогатить будущий генофонд нации» [3, с. 66]. Ошибочно думать, что СГД был этаким тихим, мирным «кружком по интересам»: в организации царила суровая и

жесткая дисциплина, схожая с армией. Девушек, как и юношей, учили выносливости, ловкости, сноровке, смелости: регулярными были ночные марш-броски, ориентирование на местности, кроссы. Крайне негативно руководство организации относилось к тем, кто не мог или не хотел выполнять эти требования. Их называли «отказниками», притесняли и дискриминировали. Вся деятельность СГД, как и Гитлерюгенда в целом, была нацелена на результат: подавление собственного «я», формирование сознания, рассматривающего интересы государства превыше собственных.

Главная задача девушек «новой» Германии, поставленная перед ними руководством Гитлерюгенда – рожать детей, лояльных режиму. Создаваемый и активно пропагандируемый нацистами образ сильной, умной, самостоятельной женщины, боевой подруги противоречил мерам, применяемым руководством Гитлерюгенда, и мнениям, высказываемым в печати и личных беседах. Гитлеровцы не скрывали, что основное предназначение женщины – быть матерью. На партийном съезде в Нюрнберге Гитлер объяснил женской половине населения Германии, что у нее есть «свое поле битвы»: «Каждый ребенок, которого она принесла миру, есть вклад в эту битву. Это ее битва. У мужчин свое сражение. Мужчина защищает народ, а женщина свою семью. Мужчина сражается за свое народное сообщество, а женщина за детей, которых родила» [3, с. 96]. В последние годы войны эти меры усиливаются. Новый курс, провозглашенный Генрихом Гиммлером и Мартином Борманом, гласил: любой ценой получить как можно больше детей, для того, чтобы они заменили миллионы погибших и попавших в плен. Женатые офицеры СС получали премии за каждого рожденного от них ребенка. Практиковались так называемые «браки в интересах народа», соединявшие незамужних женщин и солдатских вдов со здоровыми мужчинами. В целях снижения количества абортов в родильных домах созданной СС организации «Лебенсборн» («Источник жизни») незамужние матери могли анонимно родить ребенка. Медицинский персонал выхаживал новорожденных, а затем передавал их приемным родителям, которые были лояльны правящей партии.

Требование режима «рожать больше» отразилось и на нравах в Гитлерюгенде и СГД. В загородных лагерях вожатые больше не препятствовали «общению» юношей и девушек, как это было раньше: никто уже не говорил о чистоте и целомудрии немецкой девуш-

ки. Более того, они поощряли контакты, открывая окна и двери помещений, что, как можно догадаться, приводило к насилию.

Огромную роль в создании нужного образа девушки, которая устремилась от роли домохозяйки к образу прекрасной, тренированной девушки, наряду с юношей строящей новое будущее, играла гитлеровская пропаганда. По всей стране транслировались массовые мероприятия с участием тысяч спортсменок на Олимпийских играх 1936 года или на партийных съездах. Они производили огромное впечатление на зрителей.

В немецкой пропаганде особое место отводилось Гитлеру: он представал заботливым и внимательным наставником, объяснял, какую роль партия отводит мужчина и женщинам. Он прямо говорил о том, что «женская эмансипация – это слово, придуманное еврейским интеллектом, и содержание его тоже придуманное». Подобные фразы шовинистического толка высказывались и его соратниками. К примеру, Й. Геббельс утверждал: «Национал-социалистическое движение по своей сути есть мужское движение. Если мы уберем женщин из общественных сфер жизни, то это не значит, что мы хотим их обидеть. Наоборот, мы хотим вернуть им их собственные честь и достоинство. Всегда их высшим предназначением и занятием считалось и считается быть женой и матерью». «Женщине надо быть красивой и рожать детей. Птичка-самка прихорашивается перед самцом и откладывает для него яйца. Самец же заботится о пропитании. А еще он охраняет гнездо и отгоняет врагов». Г. Гиммлер призывал: «Мужчины из СС и Вы, матери детей, которых так ожидает Германия, покажите, что ваша вера в фюрера и ваше желание вечной жизни нашего народа и нашей крови могут сравниться с вашей храбростью в сражениях за Германию и готовностью умереть за нее! Покажите, что Вы желаете вечной жизни для Германии!» [3, с. 72-73]. С 1921 года в составе руководства НСДАП не было ни одной женщины, все командные позиции занимали исключительно мужчины. При этом пропагандисты умело внушали населению, что никакой дискриминации в отношении женщин на территории рейха нет, совсем наоборот, женщина – важное звено в деятельности союза и жизни нации. Гитлер в одной из речей, обращенной к женщинам, говорил: «Вот приходит заграница и говорит, что ваши женщины в тоске, что они угнетены, порабощены, и унижены. Что вы обращаетесь с ними, как с домашними животными. Что вы не хотите дать им

свободу и равноправие. Воистину, то, что одни считают ярмом, для других благодать, а то, что для одних небесный рай, для других преисподняя, и наоборот» [3, с. 99].

Однако несмотря на то, что руководство рейха отказывало женщинам в карьере, образовании, свободе выбора и самовыражения, поколение девушек, составлявших СГД, в своих воспоминаниях отмечают некоторую степень освобождения от привычных гендерных норм: во время Первой Мировой войны женщина была не подругой, равной мужу, а все еще супругой, которая очаровывала мужчину и зависела от него: «Мы пережили некую разновидность эмансипации. Уже перед началом войны женщины и девушки стали выполнять задачи, которые им раньше не доверяли» [3, с. 72]. Данное противоречие объясняется тем, что нацисты, не желая разрушать сложившиеся традиции, удерживающие женщин в сфере приватного, тем не менее, желали установить идеологический контроль над молодежью, и «революция в воспитании», необходимая для этого, означала политизацию и девушек в том числе, смену привычного образа действий и мышления. Разумеется, ни о какой действительной эмансипации не могло быть и речи: женщины, как и мужчины, не обладали свободой выбора, это поколение детей было подарком Гитлеру, они были воспитаны и обмануты режимом, что проявилось как в массовом психозе со стороны молодежи, когда Гитлера воспринимали как отца и спасителя нации, так и в конкретных действиях и поступках «на благо нации» - убийствах, грабежах, насилии, геноциде. Следует отметить, что определенная часть девушек не разделяла нацистские убеждения, по возможности сопротивлялась нововведениям, служебным приказам и не воспринимала лозунги. Однако система была построена на страхе и насилии: боязнь быть расстрелянными или сосланными в концлагеря заставляла девушек принимать нелегкие решения. Огромное количество девушек в конце войны были вынуждены в приказном порядке служить в охране лагерей и отправляться на фронт. Большинство из них только после войны осознали, что в юности подверглись обработке со стороны политического режима. Целое поколение людей было унифицировано и искалечено психологически в угоду желаниям одного-единственного человека.

О том, какой должна быть молодежь, Гитлер говорил совершенно откровенно: «Моя педагогика сурова. Слабый должен погибнуть.

В моих твердынях будет вырастать молодежь, перед которой содрогнется мир. Жестокую, властную, неустрашимую, свирепую молодежь хочу я… Я не хочу интеллектуального воспитания. Знаниями я испорчу молодежь» [3, с. 18].

Использованные источники и литература

1. Залесский, К. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. / К. Залесский – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 672 с.
2. Курылев, О.П. Третий рейх. 1933-1945: полный атлас: организация, униформа, знаки различия. / О.П. Курылев – М.: АСТ, 2013, – 558 с.
3. Кнопп, Г. «Дети» Гитлера / Пер. с нем. А. Чикишева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 285 с.
4. Ермаков, А.М. «Женская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933-1939 годы) / А.М. Ермаков // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. – Мн.: БГПУ, 2001 г. – С. 154-162.
5. Германия: фашизм, неофашизм и молодежь / Н.С. Черкасов [и др.]. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. – 176 с.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мытько В. Г.,
кандидат исторических наук, доцент

Октябрьская революция для Беларуси, как и для всего мира, явилась судьбоносной. Развитие национально-государственного строительства здесь обуславливалась как геополитической ситуацией, так и социально-экономическими проблемами. На пути становления государственности Беларуси существенной проблемой было формирование национального самосознания. Длительное употребление самоназваний «литвины», «тутэйшыя» играли отрицательную роль. Некоторые исследователи Запада, в частности, американский исследователь Д. Марплз, обращали внимание на национальный нигилизм белорусов [1]. Другой американский историк, Ян Запрудник, не ставит под сомнение сам факт развития национального самосо-

знания, а акцентирует внимание на его особенностях [2]. А именно, влияние геополитической ситуации, в которой находилась Беларусь.

Следует отметить, что согласно переписи 1897 года 95% коренных белорусов проживали в сельской местности. В.И.Ленин называл белорусов «крестьянской нацией». В развитии капитализма в Беларуси главную роль играл не национальный капитал, а прежде всего еврейский, русский и польский. В конце XIX века торгово-промышленная буржуазия в Северо-Западном крае (так в те годы называлась Беларусь) в основном была представлена еврейскими купцами и промышленниками. По той же переписи 1897 года 84,5% купцов пяти западных губерний относились к евреям, 10,7% - к русским, и только 1,7% были белорусами. В то же время еврейская буржуазия являлась собственником более чем половины фабрик и заводов.

Белорусская национальная буржуазия формировалась на основе зажиточной прослойки сельского населения, насчитывающей в конце XIX века около 50 тысяч хозяев, большинство из которых относили себя к потомственной шляхте [3]. «Не адзін народ не стаіць на такім страшным бездарожжы нацыянальна-духоўнага жыцця і палітычнага беспрацоўя, як мы, беларусы. Сотні год наш увесь бяздольны народ без свету, без свайго чалавечага імені служыць толькі ахвярай здзеку і пагарды», - писал известный общественный деятель Беларуси Фабиан Шантырь [4]. События после Февральской революции положили начало развитию национально-демократического движения на Беларуси за государственность. Но это движение после завоевания власти большевиками вступило с ними в жесткое противостояние в Минске и на Западном фронте. 26 ноября 1917 года был создан большевистский орган власти – Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облисполкомзап). Его возглавил М.В. Рогозинский, а позже А. Мясников (Мясникян). Был также сформирован Совет народных комиссаров (СНК) под председательством К. Ландера.

Национально-демократические организации (Белорусская социалистическая Громада, Белорусская социал-демократическая партия, белорусские эсеры, меньшевики и другие) после Февральской революции отстаивали идею автономизации Беларуси в составе Российской республики. Но после Октябрьской революции, не найдя общей платформы с меньшевиками и радикализированными Советами, взяли курс на национальное и политическое самоопределение

Беларуси. Так называемая Великая Белорусская Рада начала подготовку к созыву Всебелорусского конгресса. Для того, чтобы на нем было представительство белорусов, она опиралась на деятельность Центральной Белорусской Войсковой Рады. Это решение было обусловлено тем, что в прифронтовой полосе в войсках находились белорусские крестьяне, воюющие на фронте Первой мировой войны.

По воспоминаниям очевидцев, на съезде, который начал свою работу в Минске 15 декабря 1917 года, большинство делегатов были в серых военных шинелях [5]. Конгресс начал свою работу с согласия большевиков. Но соотношение политических сил в регионе предопределило и борьбу, которая развернулась между двумя сторонами: БОК (Белорусский областной комитет при исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов) и представителями национальных партий. Если БОК ставил задачу образования белорусской автономии в рамках РСФСР, то национальные партии выступили за образование независимого суверенного государства.

Таким образом, боровшиеся за власть силы придерживались в сфере государственного строительства противоположных программ, по-своему понимали цели и пути реализации права нации на самоопределение, социально-экономические основы государственной власти. Геополитическая обстановка, глубинные социальные мотивы определили исходные позиции в решении национальной проблемы. Отсюда жесткость и бескомпромиссность противоборства, которое завершилось разгоном съезда большевиками.

Дальнейшая ситуация с провозглашением БНР (после подписания Германией и Россией Брест-Литовского мирного договора) подтвердила неоднозначное отношение к этому вопросу и усугубило противостояние партий, общественных движений и ученых-историков. Но все же, на наш взгляд, стоит признать: хотя БНР как государство не состоялось, его провозглашение стало важным этапом в становлении белорусской государственности. Борьбу лидеров белорусского национально-демократического движения необходимо оценивать исторически. Их заслугой можно считать саму постановку вопроса о белорусской государственности и вклад в формирование национального самосознания белорусов.

Как считают некоторые историки, провозглашение в 1918 году БНР необходимо рассматривать как акт самозащиты, обращение к мировому сообществу с заявлением о стремлении белорусской

нации к самоопределению. Несмотря на то, что он было чисто номинальным, являлось исторически необходимым еще и потому, что угроза территориальной целостности Беларуси исходила не только от Германии, но и от Польши, которая стремилась к восстановлению Польского государства в границах 1772 года (с полной инкорпорацией Беларуси). Заинтересованность в расширении своих границ проявляли и литовские политики. Южные поветы (Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский) были включены в состав Украинской народной республики. Восточные земли, не оккупированные Германией, находились под юрисдикцией Советской России. Провозглашение БНР предотвратило отношение соседей к белорусским территориям, как к «землям ничейным», и явилось свидетельством наличия национального движения в Беларуси [6]. Под давлением геополитической ситуации, а также провозглашением БНР, VI-я Северо-Западная областная конференция РКП(б), проходившая 30-31 декабря 1918 года в Смоленске, признала необходимость образования БССР. Партийный съезд взял на себя государственные функции и сформировал Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Д.Ф. Жилуновичем. 1 января 1919 года правительство опубликовало Манифест о создании Белорусской советской социалистической республики.

Современный этап истории государственности Беларуси, начиная с 1 января 1919 года, наиболее широко изложен в учебной и научной исторической литературе. Однако пристальное общественное внимание к этим страницам истории выявляет немало белых пятен и спорных вопросов. Один взгляд на карту Беларуси ставит вопрос о формировании границ БССР, ее территории. Так, 1 января 1919 года БССР провозглашалась в границах Смоленской, Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской губерний. Но уже в феврале того же года по решению московского руководства была образована Литовско-Белорусская ССР (Литбел). В состав нового государства входили лишь Минская, Виленская, Гродненская и Каунасская губернии. Вся Восточная Беларусь оказалась в составе РСФСР. К осени 1919 года Гродненская, Минская и часть Виленской губернии были оккупированы польскими войсками. Литбел перестала существовать. Беларусь на время утратила свою государственность, восстановление которой состоялось 31 июля 1920 года в пределах шести уездов Минской губер.

Так называемые первое и второе укрупнение БССР явились положительными фактами, но при этом неясны мотивы исключения из процесса укрупнения Беларуси территории Смоленской области. Не все так однозначно и с передачей Вильно Литве. Но ясно одно: Октябрьская революция и образование БССР положили начало независимости Республики Беларусь.

Использованные источники и литература

1. Marples, D. Belarus: from Soviet Pole to Nuclear Catastrophe/ D. Marples //St. Martins Press. – 1996. - 208 p.
2. Zaprudnik, J. Belarus: at the Crossroads in History/ J. Zaprudnik // Boulder. – 1993. – 278 p.
3. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. пад рэд. М.П. Касцюка // Мінск: Беларусь. – 1994-95. – ч. 1 – 527 с.
4. Мяснікоў, А. Нацдэмы: Лёс і трагедыя Фабіяна Шантыра, Усевалада Ігнатоўскага і Язэпа Лёсіка / А. Мяснікоў // Минск: Беларусь. – 1993. – 110 с.
5. Воронко, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 гг. Кароткі нарыс/ Я. Воронко – Коўна, 1920.
6. Круталевич, В. Рождение Белорусской Советской Республики. / В. Круталевич – Минск:1975-1979.

ОБ ОКОНЧАНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ…

Семёнова Л.Н.,
доктор исторических наук, профессор

Начиная с периода перестройки, и особенно после распада СССР, из русскоязычной литературы практически исчезла тема конца капиталистической системы, как впрочем, и сама проблематика капитализма. Отброшенные на «заботливо» подготовленные для них мировым финансовым капиталом периферийные орбиты мирового развития, суверенные республики бывшего СССР в рамках официальной идеологии и науки перестали обсуждать смысл и перспективу мирового общественного устройства. В противном случае получалась странная картина. Строили социализм, как более высокую ступень общественного развития, доказывая, что предшествующий ему капитализм обречен и подходит к концу и… вдруг

вернулись ко все еще продолжавшему свое существование капитализму. Поэтому марксизм и советский социализм были спешно объявлены «ошибочными идеологиями», а их прогнозы в отношении конца капиталистической системы – самым ярким подтверждением их неадекватности.

Так что же происходит с мировой системой капитализма? Ожидается ли ее конец? Или перефразируя популярную песню об Октябрьской революции 1917 г. «Есть у революции начало, нет у революции конца», можно продолжить: «Есть у капитализма начало, нет у капитализма конца». Если мы не хотим прозябать в постмодернисткой калейдоскопической игре с отдельными фрагментами действительности, этот вопрос сегодня становится как никогда актуальным, теория капитализма – логичной и востребованной, а положения более чем вековой давности, отнюдь не теряют своей доказательности.

В широкий научный и общественно-политический дискурс понятия «капитализм», «капиталистическая система» были введены благодаря исследованию немецкого экономиста В. Зомбарта «Современный капитализм», впервые опубликованному в 1902 г. Даже автор «Капитала» К. Маркс не употреблял этих категорий, при необходимости обращаясь к словосочетанию «буржуазное общество». Парадоксально, но термин «социализм» в качестве проекта будущего, гораздо раньше, чуть ли не на век, овладел умами, чем термин «капитализм», призванный фиксировать современность и недавнее прошлое.

Однако на рубеже XIX–XX вв. реальная капиталистическая система, находясь в очередной своей форме индустриального монополистического капитализма, уже исчерпала себя, пребывая в глубоком кризисе. Поэтому капитализм и был, собственно говоря, научно открыт. Ведь по-настоящему «дает себя прочесть» та общественная система, которая или ушла, или находится на исходе своего существования, давая возможность, по словам И. Валлерстайна, подвести ее «балансовый отчет». Теории феодализма и феодальной системы вообще были сформулированы в XIX в., т.е. спустя более чем три века после своего разложения.

Параллельно с «открытием» капиталистической системы начали обсуждать и ее завершение. В 1902 г. одновременно с трудом В. Зомбарта вышла в свет книга «Империализм», в которой ее автор английский либеральный мыслитель Дж.А. Гобсон возвестил о

вступлении капитализма в новейшую фазу своего развития, чреватую многочисленными противоречиями. Важнейшим противоречием является стремление капитала к повсеместной экспансии, сталкивающееся с различными объективными ограничителями на пути своего расширения. Гобсон обратил внимание на то, что структура промышленного общества, созданная капиталом и машинами, не может приспособиться к существующим условиям. «Болезни и недостатки, которые мы открываем в современной индустрии, составляют только мерило этого неприспособления» [2, с. 387]. Самым главным «мерилом неприспособления», согласно Гобсону, является ограниченность материального мира, которая приведет к истощению природы. «Эта опасность, – писал он, – тоже возникает от чисто количественной оценки человеческого богатства и человеческой жизни» [2, с. 414]. Критикуя империалистическую фазу, Гобсон признавал необходимость ее реформирования и замены на высшую форму общественного хозяйства в духе усиления «общественного контроля» и «социализации индустрии».

Экспансионизм капитала стал центральным тезисом теории ультраимпериализма немецкого социалиста К. Каутского, согласно которой миром будет управлять интернационально-объединенный в форме ультраимпериалистических союзов финансовый капитал. Каутский отмечал, что «область, которую капиталистическое производство может превратить в свой рынок, еще очень обширна: в своем стремлении сделать своим рынком весь земной шар оно не видит никаких препятствий ни в местных, ни в национальных преградах. Но этот шар оно сделало маленьким. Начиная с известного момента развития, каждое дальнейшее расширение рынка означает для него появление нового конкурента» [4, с. 76–77]. Поэтому капитализм, основывавшийся на частной собственности и свободной конкуренции, уйдет, уступив место монополиям и союзам империализма и ультраимпериализма. Как писал Каутский, «капиталист сделался в такой же мере излишним, как феодальный помещик сто лет тому назад» [4, с. 78].

Оценивая возможные масштабы экспансии капитала, с К. Каутским была солидарна немецкая социалистка Р. Люксембург. Она отмечала: «… не только господство и власть капитала распространяются путем создания мирового рынка по всему земному шару, но и сам капиталистический способ производства постепенно захваты-

вает весь земной шар. Тем самым, однако, потребность производства в расширении и возможности этого расширения, т.е. возможности сбыта, приходят во все более невыгодное отношение друг к другу» [6, с. 322]. Таким образом, безграничное по своей природе производство наталкивается на ограниченные рамки прибыли. «Если мы на один момент, – продолжает Р. Люксембург, – представим себе, что развитие капитализма зашло так далеко, что на всем земном шаре все, что производится человеком, производится им капиталистически, т.е. производится частными капиталистическими предпринимателями в крупных предприятиях трудом современных наемных рабочих, что обнаруживает невозможность существования капитализма» [6, с. 325].

Лидер русского большевизма В.И. Ленин подытожил подобные идеи в известном популярном очерке, метко названном «Империализм, как высшая стадия капитализма». Империализм был охарактеризован как «паразитический, загнивающий, переходный, или, вернее, умирающий» [5, с. 422, 424]. В начале XX в. это было очевидно. Весь мир оказался вовлеченным в капиталистическое производство, т.е. вошел в мировую капиталистическую систему. Даже такие, еще в середине XIX в. вполне самодостаточные и некапиталистические хозяйственные зоны или мир-экономики, по Ф. Броделю, как русская и восточно-азиатская китайская, к концу XIX в., сохранив относительную политическую самостоятельность, уже были открыты мировым капиталом. Самые развитые береговые районы Китая были поделены на сферы влияния крупных держав, среди которых была и Россия. Планы союзников по Антанте на подчинение ими российского рынка были озвучены летом 1916 г. на Парижской экономической конференции в разгар Первой мировой войны. Пользуясь аналогией о «диком западе США», быстро осваиваемом мировым капиталом, не будет преувеличением сказать о том, что на рубеже XIX – XX вв. «Россия стала диким западом Франции» и других стран ядра капиталистической системы [3, с. 300].

Очутившись в столь глубоком кризисе, мировая капиталистическая система неизбежно погружалась в пучину войны. Для мировой капиталистической верхушки война была единственным способом передела сфер влияния, в которых капиталы ее разных группировок еще могли бы какое-то время прибыльно вкладываться. Войнами за передел уже поделенного мира назвали империалистические войны

современники. Как подчеркивал В.И. Ленин: «Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоят лишь переделы, т.е. переход от одного “владельца” к другому, а не от бесхозяйности к “хозяину”» [5, с. 374]. Переделом сфер влияния война могла бы на какое-то время решить важнейшую задачу мировой капиталистической системы – переход к новому циклу капиталистического накопления и смену лидерства, которое весь XIX век удерживала Великобритания. С другой стороны, война могла привести и к другому результату, к разрушению самой капиталистической системы. На этот путь обращали внимание социалисты. К. Каутский писал: «В настоящее время вопрос состоит не в том, желательно ли сохранение частной собственности на средства производства или нет. Ее исчезновение, несомненно…должна ли она повлечь за собою в пропасть все общество или общество должно сбросить с себя, губящее его бремя, чтобы быть в состоянии свободно и с новой силой продолжать свое шествие вперед по тому пути, который ему предписывают законы развития» [4, с. 79].

В страшном горниле Первой мировой войны мировая капиталистическая система устояла, однако, ценой собственных кардинальных трансформаций, железной хваткой ограничивших ее экспансионистскую суть в долгосрочных перспективах. Первоначально, в 1920-е гг. после огромных разрушений в ходе боевых действий капитал получил простор для развития в странах ядра капиталистической системы. Наступило невиданное экономическое процветание – «просперити» 1920-х гг. особенно в США и Германии, которое быстро привело к тяжелейшему мировому экономическому кризису – «великой депрессии» 1929–1933 гг. После этого кризиса новых рынков для капитала уже не предвиделось, поэтому он сам подвергся деформации. Как это уже бывало в истории капитализма, капитал в 1930-е гг. был вынужден пойти на тесное сближение с государством, на этот раз, подчинившись последнему и связав себя государственными социальными и экономическими институтами в форме государственно-монополистического капитализма (ГМК). В таких странах как Германия и Италия ГМК стал стержнем агрессивных человеконенавистнических фашистских режимов, взращенных и используемых именно мировым капиталом.

Но, самое главное, мировую капиталистическую систему существенно деформировало появление, по терминологии А.И. Фурсова,

«системного антикапитализма» в лице советской социалистической системы СССР. После Октябрьской революции 1917 г. смены общественного устройства в России еще не произошло, после быстрой и спокойной смены власти началась кровопролитная Гражданская война. В 1920-е гг. в стране продолжалась политическая борьба, проводилась новая экономическая политика, основанная на капиталистических элементах. Только с конца 1920-х гг., прекратив политическую борьбу и воспользовавшись мировым экономическим кризисом, руководство СССР приступило к масштабной социалистической реконструкции общества, стало проводить индустриализацию и коллективизацию на собственной экономической основе. Это позволило Советскому государству выйти из мировой финансовой системы, и таким образом отсоединиться от капиталистической миросистемы. Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Команда Сталина свернула проект "мировая революция", который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка "передового Запада", в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить "социализм в одной, отдельно взятой стране" красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [7]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты**.** Поняв это, мировая капиталистическая система стала готовить очередную мировую войну с целью уничтожения СССР и разрешения задач, не решенных, как оказалось, Первой мировой войной. Победа Советского Союза во Второй мировой войне ясно продемонстрировала, что ему удалось создать надежную и адекватную индустриально-производственную базу и общественную систему. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку СССР сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, взращенную мировым капиталом. Со стороны СССР это была самая честная и бескомпромиссная проверка эффективности и мощи советской социалистической системы.

Впервые за более чем четырехвековую историю мировая капиталистическая система пошатнулась не только от собственных внутренних противоречий и кризисов, не только от нехватки рынков и падения прибылей, но от появления принципиально иной общественной системы. Само по себе сосуществование с другими общественными системами было не новостью для капитализма. Это соб-

ственно и есть важнейшее условие его существования. Капитализм начинал свое победное шествие в окружении некапиталистических зон, постепенно открывая и включая их в свои финансовые и производственные потоки. Однако, то были докапиталистические зоны традиционных аграрных обществ, которые капитал быстро осваивал и прибыльно эксплуатировал, при этом он даже сам порождал подобные зоны, например, латифундистское землевладение в Латинской Америке, рабовладельческое плантационное хозяйство в США и др. Советский Союз же был не докапиталистической системой, при этом он так и не стал посткапиталистической системой, развиваясь на сходной с капитализмом индустриальной производственной базе. По точному замечанию А.И. Фурсова он был системным антикапитализмом, или капиталистической системой со знаком «–», если считать капитализм в ядре западной системы со знаком «+» [8]. Советская система не только отсоединилась от мировой капиталистической системы, не позволяя себя эксплуатировать экономически, но и отказалась от всепроникающей идеологии капитала и его концептуальной власти. СССР предложил себе и миру привлекательную альтернативу развития, принципиально новый план общественного устройства, красный социалистический проект идеалов социальной справедливости. Причем не только предложил, но и реально построил уникальную систему государственного управления, экономики, безопасности, культуры, благодаря которым стал единственным в истории человечества обществом, основанным на идеалах социальной справедливости. СССР, наконец, разрешил те проблемы, которые в течение столетий не могло решить самодержавие, и стал сильнейшей мировой державой, диктовавшей свои условия на международной арене.

Если капитализм однозначно доминировал над докапиталистическими зонами и их включение в капиталистическую систему и эксплуатация были лишь делом времени и техники, то советский антикапитализм не только сам не подчинялся, но и оттягивал на себя обширную капиталистическую периферию. Сложилось биполярное геополитическое противостояние, своеобразное мировое равновесие между капиталистической и социалистической системами. Но оно не смогло удержаться в течение длительного времени в силу более агрессивного экспансионизма западной капиталистической системы в контексте общей тенденции мирового развития к концен-

трации и централизации управления всеми производительными силами. Две мировые системы, неизбежно взаимодействуя между собой, вступали в столкновения, противостояния, чреватые собственными системными деформациями.

Ядро мировой капиталистической системы, начиная с 1930-х гг. получило от социализма мощную прививку в виде социальной политики. Поэтому уже после окончания Второй мировой войны в 1950–60-е гг., ставшие временем беспрецедентного послевоенного экономического роста, индустриальной модели массового производства – массового потребления, научно-технической революции (НТР) развитые страны Запада создали у себя социальные государства «всеобщего благосостояния» (welfare state). Оформление развитых структур образования, здравоохранения, социального обеспечения привело к появлению многочисленного зажиточного среднего класса, ставшего надежной прослойкой между верхами и низами общества. Это была высшая степень деформации капитализма, максимальное удаление капитала от своих сущностных основ. В отличие от «субстанционального капитализма» XIX в., А.И. Фурсов назвал капитализм XX в. «функциональным» с «буйством функции капитала в виде авторитаризма, тоталитаризма и коммунизма, а также связанных с ними движений и структур» [8]. Подобные деформации и буйство функции чреваты перерождением капиталистической системы. Поэтому, как только финансовый капитал на фоне структурных кризисов 1970-х гг. отодвинул индустриальный, именно последний и мог позволить себе столь щедрые социальные эксперименты, он стал не только выправлять допущенные внутренние деформации, демонтировать социальное государство, гражданское общество, государственный суверенитет, но и начал наступление на системный антикапитализм. Время, по словам К. Каутского «общественного контроля» и процесса «социализации капитала», закончилось.

Теперь уже советская система стала регулярно получать прививки капитализма: первоначально в виде вполне скромных капиталистических элементов, таких как хозрасчет, денежная рентабельность, объем реализованной, а не валовой продукции и др., вводимых в социалистическую экономическую систему через экономические реформы. Затем Советский Союз, как это уже случалось в истории, искренне спасая капиталистическую систему,

вполне самостоятельно, но при большой заинтересованности и настоятельной «помощи» извне посадил себя на сырьевую, теперь нефтяную и газовую иглу, и стал блокировать развитие научно-технического прогресса. Советская номенклатура в погоне за капиталистическими благами для собственного обогащения сдавала одну позицию за другой. Ее ненасытность, непрозорливость, банальное предательство общественных интересов вкупе с умелой политикой мировой капиталистической системы привели к распаду СССР и мировой системы социализма.

Капитализм одержал верх над социализмом, включив его в свою периферию. Капитал победил труд. В мировой капиталистической системе практически не осталось крупных некапиталистических зон. Нынешний капитализм словно вернулся к империализму начала XX в., ситуации «полностью поделенного мира». Расширение рынков за счет новых регионов невозможно. Как и сто лет назад перед капитализмом открываются две перспективы: либо передел сфер влияния, либо исчезновение. Однако, вряд ли передел надолго спасет ситуацию. Тем более, что переделами занимались богатые капиталистические государства-нации. Это они заключали между собой различные империалистические коалиции. Как писал В.И. Ленин, «в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистических держав, они являются неизбежно лишь передышками между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [5, с. 417–418]. Каковы сегодня эти богатые государства-нации и их империалистические коалиции? Есть ли таковые вообще? Уже сто лет тому назад мыслители задумывались над разрушительными особенностями финансового капитала. В.И. Ленин писал о «внеэкономической надстройке, вырастающей на основе финансового капитала», его агрессивной, нацеленной исключительно на господство политике и идеологии [5, с. 382]. Диспозиция нынешнего мирового устройства такова, что, с одной стороны, есть организованный финансовый капитал, не связанный со своими странами и народами, а, с другой стороны, все остальное человечество.

Современный финансовый капитал на всех парах несется к собственному саморазрушению, отбрасывая все созданные им когда-то ограничители, включая капитализм как систему. Вышедшему на глобальный простор финансовому капиталу, функционирующему в виде электронного сигнала вне любых границ, освободившему себя от обузы материального производства, нет нужды ни в национальном, ни тем более в социальном государстве. Миром управляют вездесущие «банкстеры» мировых банков и финансовых институтов и корпоратократия транснациональных корпораций (ТНК) («реальная корпоратократия», «глобократия»), превратившие даже самые крупные государства, такие как США в свои «кластеры». С государствами, вставшими на пути глобальных банков и ТНК, ведется жесткая политическая (санкционная) или военная борьба. ТНК сподручнее общаться с различными сетевыми структурами, пусть даже откровенно террористическими или криминальными, чем с сильными государствами, умело отстаивающими свои национальные интересы.

Современный французский политический деятель, экономист и писатель Ж. Аттали справедливо полагает, что «если в ближайшем будущем ситуация не изменится, деньги покончат со всем, что может помешать их торжеству, включая сами государства, которые они постепенно уничтожат. Это касается и США. Американское сверхмогущество сойдет на нет, а миром будут управлять несколько региональных правительств. Рынок станет единым законом для всех, породив неприкосновенную всемирную гиперимперию рыночных богатств и новых форм собственности, баснословных состояний и крайней бедности. Природа будет нещадно эксплуатироваться. Все станет частным, включая армию, полицию и судебную власть. Человек превратится в артефакт для производства и продажи, а затем станет бесполезным и исчезнет» [1, с. 8].

Это и есть окончание мировой капиталистической системы. Но с ее окончанием, если она не потянет за собой в пропасть все человечество, не должна заканчиваться история. История пережившего и преодолевшего такой капитализм человечества сможет продолжаться только в не- и посткапиталистических проектах. Каких? Покажет борьба за будущее.

Использованные источники и литература

1. Аттали, Ж. Краткая история будущего / Ж. Аттали; [пер. с франц.]. – СПб: Питер, 2014. – 288 с.

2. Гобсон, Дж. Эволюция современного капитализма. С рецензией В.И. Ленина / Дж. Гобсон; пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 448 с.

3. Кагарлицкий, Б.Ю. История России: миросистемный анализ / Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2014. – 432 с.

4. Каутский, К. Экономическое развитие и общественный строй. Комментарий к положениям Эрфуртского съезда / К. Каутский. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 200 с.

5. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 299–426.

6. Люксембург, Р. Введение в политическую экономию / Р. Люксембург. – М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1960. – 326 с.

7. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_. – Дата доступа: 30.05.2016.

8. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: http://spkurdyumov.ru/future/fursov/. – Дата доступа: 05.05.2016.

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: КОНЦЕПЦИЯ И ФОРМЫ (ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Н.В. Смехович,
зав. Центром новой и новейшей истории Беларуси
Института истории НАН Беларуси,
канд. истор. наук, доцент

Длительное время в белорусской исторической науке господствовали марксистские предствления о государстве и его сути. Поэтому в отечественной историографии проблема государственности не была в приоритете научных исследований. В результате в белорусской историографии не было разработано концептуального понимания исторического пути, пройденного белорусским народом. В советское время социально-экономическая

и политическая история белорусов трактовались в контексте общей концепции истории России. В ее рамках белорусский народ был объектом, но не субъектом исторического процесса. Поэтому во времена БССР никто не обращал внимания на проблему белорусской государственности. Однако с обретением суверенитета и независимости ситуация в Беларуси резко изменилась. Прежде всего, в том отношении, что классовая проблематика утратила актуальность, а национальная, наоборот, получила статус исследовательского приоритета.

После 1991 г. наиболее актуальной стала проблема периодизации политической истории Беларуси. Она вызывала острую полемику специалистов, политиков, была предметом научных и общественных дискуссий. Например, общественное движение Белорусский народный фронт в своих уставных документах задекларировал и предложил обществу обратиться к опыту государственного строительства времён Великого княжества Литовского [25, с. 201]. Предложение учредить законодательный сойм рассматривалось даже на уровне Конституционной комиссии и было внесено в проект Конституции по состоянию на октябрь 1992 года [15, с. 461]. В июне 1996 года группа представителей национальной элиты, среди которых было 14 академиков и членов-корреспондентов НАН Беларуси, в том числе академики Е. Бабосов, В. Бураков, И. Волотовский, И. Гайшун, Н. Изобов и другие, писатели (И. Шамякин), спортсмены (А. Медведь), всего 47 человек, направили Президенту страны открытое письмо под названием *“Работа по восстановлению исторической правды подвергается яростному сопротивлению со стороны национал-экстремистов, претендующих на истину в последней инстанции”* [26, с. 3]. Представители белорусской элиты обратились к Президенту с призывом обеспечить действительно научное руководство процессом подготовки и издания исторических трудов, которые соответствуют интересам белорусского народа.

Действительно, в те годы мышление многих белорусских историков было озадачено поиском ответа на вопрос – какое вековое историческое наследие, накопленное белорусским народом, следует отнести к национальному? Многие ученые пошли по наиболее простому пути. Они ухватились за идею соединить государственные и национальные начала и на этой основе создать

собственную концепцию периодизации политической истории Беларуси [30, с. 71]. В 1993 г. работа завершилась и в журнале "Беларускі гістарычны часопіс " была опубликована концепция истории и исторического образования в Республике Беларусь (автор: М. Бич – заместитель директора Института истории НАН Беларуси, профессор) [29, с. 30 – 32]. Если обратить внимание на "краеугольные камни" отмеченной концепции (далее – концепции 1993 г.), то это были следующие идеи или концепты:

1) идея существования балто-славянского этнического субстрата;

2) отрицание "как надуманной" идеи существования в IX–XIII веках единого централизованного древнерусского государства и единой древнерусской народности и продвижение тезиса о том, что Полоцкое и другие самостоятельные княжества IX–XIII вв. на территории Беларуси олицетворяли белорусскую государственность на раннефеодальном этапе ее становления и развития;

3) отрицание тезиса о Великом Княжестве Литовском как о государстве чужом для белорусов и принятие тезиса о белорусской национальной государственности ВКЛ;

4) отрицание идеи "воссоединения" белорусского народа з братским русским народом в границах Российской империи, культивация идеи колониального положения белорусских земель в составе Российской империи;

5) отказ от прославления большевистской политики и советского федерализма и продвижение идеи "сознательной" или несознательной фальсификации истории Беларуси советского периода [29, с. 30 – 32].

В 1994–1995 годах на основе этих концептов были подготовлены "Нарысы гісторыі Беларусі", школьные и студенческие учебники. В части первой "Нарысаў гісторыі Беларусі" можно прочитать, что Полоцкое княжество явилось «истоком белорусской государственности», а Великое Княжество Литовское было "Белорусско-Литовским государством» [1, с. 92, 116]. "Большинство современных исследователей ищут истоки государственности Беларуси во временах Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (вторая половина XIII – XVIII вв.), или еще раньше – в период Полоцкого княжества",– резюмирует А. Ратько [2, с. 95].

Позднее схожие характеристики Полоцкого княжества, Великого Княжества Литовского были изложены в другой литературе,

например, в “Гісторыі Беларусі ў шасці тамах.” Во втором томе этого издания говорится, что Великое Княжество Литовское “может рассматриваться не только как литовское, но и как белорусское государство” [3, с. 639]. В шестом томе утверждается, что “основное событие истории Беларуси конца XX в. связано с восстановлением белорусской государственности, которая отсутствовала на протяжении нескольких столетий, во время вхождения белорусских земель в состав первой Речи Посполитой и Российской империи” [4, с. 690] .*Изложенный материал дает возможность сделать вывод о том, что длительное время в национальной белорусской историографии (с 1991 г.) в вопросе о государстве и государственности не было научной ясности и определенности.*

Но наибольшие трудности, даже “замешательство” в умах тех исследователей, кто ориентировался на концепцию 1993 г., вызывал вопрос – а что же представляли собой Речь Посполитая и Российская империя? Для того, чтобы определить Речь Посполитую в качестве белорусского государства, нужны были аргументы, опирающиеся на анализ исторических фактов. Таких фактов, кроме того, что после 1569 г. в рамках Речи Посполитой Великое Княжество Литовское сохраняло автономный статус, не было. Ведь в Речи Посполитой наблюдалась языковая и культурная полонизация политического класса, правившего в Великом Княжестве Литовском. После того, как в 1696 г. сейм принял решение о переводе делопроизводства на польский язык, белорусский язык стал вытесняться из государственного делопроизводства, а через 10 лет было принято решение о запрете католикам менять вероисповедание. Усиление полонизации сопровождалась политической дезорганизацией правившего класса. Знаменитое “liberum veto” – это прежде всего апофеоз неспособности правившей элиты Речи Посполитой обеспечить дальнейшее самостоятельное историческое существованию своего государственного образования.

В соответствии с четвертым и пятым тезисами концепции 1993 г. историческими недругами белорусского народа были названы правивший класс Речи Посполитой (польская шляхта) и Российская империя. Поэтому исторический процесс, связанный с подавлением восстаний 1794 г, 1830–31 гг, 1863–64 гг, историей Белорусской

Народной Республики, рассматривался как недружественная, не соответствовавшая коренным интересам белорусской нации, политика правительства царской, а затем и советской России,

Безусловно, в целом концепция истории и исторического образования в Республике Беларусь, созданная в 1993 г., сыграла положительную роль в развитии белорусской исторической науки. Но не все ее идеи, особенно те, которые не отличались научной аргументацией, прошли испытание временем. В частности, не выдерживала критики идея о том, что Великое Княжество Литовское было белорусским государством. На это обратил внимание Президент А.Г. Лукашенко в лекции, прочитанной в 2003 г. в Белорусском государственном университете. "Исторический период Великого княжества Литовского нельзя идеализировать, как это делают некоторые литераторы. Это было не собственно белорусское государство",[22, с. 23, 37] – резюмировал А.Г. Лукашенко.

Более того, в рамках концепции 1993 г. не было возможности решить вопрос о национальной принадлежности Великого Княжества Литовского. Дело в том, что между формой политической титуляции, т.е. названием этого государственного образования, и названием населения, доминировавшего в этом государстве, (т.е. его этнонациональным компонентом) не было соответствия. Такая же ситуация была характерна и для Речи Посполитой. Эти противоречия создавали много трудностей в изучении и осмыслении истории Беларуси как на школьном, так и университетском уровнях. Не меньше их было и на уровне фундаментальной исторической науки, так как многие белорусские историки отказывались признавать Речь Посполитую только польским государством. Вместе с тем, большие проблемы были и в толковании истории временного пребывания белорусской нации в составе российского государства. Как уже говорилось выше, в шестом томе "Гісторыі Беларусі" культивировался тезис гибели белорусской государственности. Логическим продолжением идеи гибели было продвижение концепции насильственного "наступления на белорусский этнос" [3, с. 687].

Длительное дискутирование на страницах различных изданий основных концептов 1993 г. показало, что белорусская историческая наука *нуждается в новом научно-теоретическом*

осмыслении проблемы государственности ибо без ее нового прочтения преодолеть сложившиеся в историографии противоречия было практически невозможно.

В свою очередь, новое научно-теоретеческое осмысление истории государственности нуждалось в решении проблемы, а именно: что же она собой представляет как научная категория? Полагаю, что разговор о государственности и государстве следует начать с понятий. Когда заходит речь о государственности возникают вопросы – 1) с чего началась история белорусской государственности, 2) что собой она представляла в прошлом и представляет в настоящем? Прежде чем ответить на эти вопросы, сделаем уточнение, что и в первом, и во втором случае осмысление исторического процесса должно быть системным и теоретически последовательным.

Теоретическая последовательность – база концептуальности. В исторической науке, как и в реальной жизни человека и общества, эта последовательность находит воплощение в логической взаимосвязи исторических фактов, событий и явлений. В тоже время любая деятельность человека имела имеет целенаправленный характер. Следовательно, в вопросе о государственности присутствуют две стороны, которые взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, это экономические, социальные процессы, которые составляют основу развития всякой общности. С другой стороны – это политические отношения, в рамках которых экономические, социальные процессы обретают форму государственного организма [30, 67].

Отмеченную последовательность можно проследить на примере отдельных понятий. Научные понятия – это также результат осмысления реальных социальных, экономических и политических процессов. Они не «придумываются» беспредметно, а являются отражением исторического процесса в целом. В качестве конкретного примера возьмем понятие «государство». *Начиная с железного века, такие привычные для нас понятия как «территория» и «население», как правило, не связывались с политической организацией общества.* В IV – VI вв. н.э. под воздействием гуннов геополитическая карта Европы постоянно трансформировалась. Это была эпоха Великого переселения народов, которая оказала влияние на последующую историю всех народов Европейского континента, в том числе и восточных славян [30, 67].

Поэтому в литературе такие концепты как «государство» и «государственность» долгое время на системной основе не разрабатывались. В античные времена древние греки пользовались понятиями “polis”, “politea”, которые были идентичными таким современным понятиям как «политическое сообщество», «гражданское общество», «государство». Афинская демократия, как инструмент властвования, касалась всех граждан, управление в полисе было делом всего общества. Поэтому Аристотель и говорил, что «человек – существо политическое», «существо, живущее в полисе». У Аристотеля государство – данность, то, что «существует по природе». «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку,… каждое государство слагается из отдельных семей»,– утверждал Аристотель [6, с. 379, 380]. В метафизических рассуждениях Аристотеля суть вещи и ее название совпадают. Поэтому аристотелевское государство – это статичный продукт семейного общежития, а не результат социально-экономических, политических и этнических процессов.

В Древнем Риме сфера управления соответствовала понятиям “res publica”и “societas civilis». В связи с этим римское право называлось гражданским, а не государственным. Как утверждает К. Гаджиев, античные мыслители, разрабатывавшие политические феномены на основе полиса, вообще не знали понятия “государство”, впервые это сделал Н. Макиавелли (“Государь”) [7, с. 30]. Макиавеллиевское государство – это уже научная категория, это, прежде всего, организация политической власти. В дальнейшем французский теолог, философ, юрист и историк Ж. Боден в своих трактатах (“Шесть книг о республике”, 1576 г.) попытался дискутировать с античными и европейскими, в том числе современными ему авторами, на тему происхождения государства, сути власти и форм правления. В связи с этим он ввел понятие суверенитета, “т.е права издавать законы, объявлять войну и мир, права высшего помилования, права выбора всех магистратов, особенно Сената” [8, с. 216, 239]. У Ж. Бодена встречается термин государственность. «Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например, диктатур…»,– написал он во «Введении» к «Методу легкого познания истории» [8, с. 18]. Боденовская государственность – это форма правления. Никакого иного толкования государственности у него не

встречается. Как известно, к тематике, связанной с государством, обращались признанные западноевропейские мыслители: Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, Г. Спенсер, В. Парето, Г. Моска, М. Вебер, Л. Дюги, Б. Кроче, К. Шмитт и многие другие. Каждый из них, излагая свое представление о государстве, обогащал научные знания. Но они не отделяли понятие «государственность» от понятия «государство».

В конечном счете, в философско-правовой мысли стран Западной Европы античные выражения "status rei publicae", "status rei romanae" видоизменились и стали использоваться для обозначения понятия "государство" – "stato", "staat", "etat", "state". Эти термины соответствуют понятиям "статус", "состояние", "упорядоченность". В политических реалиях стран Запада начала XXI века понятие «государство» используется, прежде всего, тогда, когда разговор ведется об институтах власти и должностных лицах, которые составляют систему управления [7, с. 21, 22, 30, 58, 227, 228].

В оксвордском словаре термин statehood – государственность – трактуется как «the fact of being an independent country and of having the rights and powers of a country» [факт существования независимой страны и обладания правами и властью (силой) страны] [9, с. 1479]. В другом смысловом значении – statehood – это состояние существования одного из штатов внутри страны, например, США [9, с. 1479]. И в этих толкованиях не прослеживается различия между государством и государственностью.

История как наука оформилась во второй половине XIX века. В эпистолярной практике историков России, европейских государств понятия «государство» и «государственность» также отождествлялись. Например, В. Ключевский писал, что «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [23, с. 42]. С. Соловьев считал, что государственность – это "правительство в той или другой форме своей" [24, с. 18].

Ситуация не изменилась и с появлением маркистского учения о государстве. Марксистское учение о государстве вполне "вписывается" в общую социально-политическую доктрину классов и классовой борьбы. В работах К. Маркса встречается термин государственность. "Различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят

на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о “современной государственности”, в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество”,– писал К. Маркс в “Критике Готской программы” [10, с. 21]. Маркс усматривал корень государственности в классовости общества, поэтому у него не просматривается разница между государством и государственностью. Предельно точно логику марксизма в отношении государства изложил В. Ленин в работе “Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции”. Но по философски-туманному определению В. Ленина “Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий” [11, с. 7, 36].

Нетрудно заметить, что в теоретических конструкциях (дизайнах) Аристотеля, Макиавелли, Бодена, ряда других мыслителей государство статично, поэтому они были вынуждены писать о “современном” государстве, хотя по атрибутным признакам принципиальной разницы между “современным” и “несовременным” государствами не наблюдается. В марксизме преобладает концепция общества-государства, но только общества классового и соответственно такого же государства. Вместе с тем, марксизм рассматривает государство не в качестве готового объекта, а как результат классовоцентричного исторического процесса [30, 68].

В XX веке в социогуманитарных науках ряда социалистических стран возобладали марксистские методологические подходы к проблеме исследования и освещения сути государства, начиная с процесса его возникновения. В трудах советских философов, историков, экономистов велся разговор о государстве и государственности как сущностно едином понятии. Это нашло отражение и на страницах энциклопедических изданий. Государственность, термин, который в политической литературе употребляется: 1) как синоним государства вообще, государства того или иного исторического типа; 2) для обозначения системы диктаруры определенного класса; 3) для обозначения системы органов государства; 4) при объединении в определенные группы каких-либо общих черт или признаков государства, – говорится в Большой Советской Энциклопедии» [12, с. 162].

Конспективный анализ философско-методологических подходов к понятию государственность дает возможность сделать вывод о том, что на протяжении двух тысячелетий ученые практически отождествляли понятие “государственность” с понятием “государство”.

И все же возникае вопрос – существуют ли различия между этими понятиями? И если существуют, то в чем они коренятся? Необходимо отметить, что обозначенные концепты касаются не только исторической науки, в силу своей категориальности они носят философско-мировоззренческий характер. Заинтересованность в их разработке у историков, философов, политологов, правоведов, культурологов, на наш взляд, общая. Нельзя сказать, что белорусские философы не уделяли внимания этой проблематике. Как отмечает доктор философских наук, профессор В. Чуешов: “В первом приближении государственность характеризуют такие социальные и политические предметы, которые не являются государством и, следовательно, по времени вполне могут предшествовать национальному государству, а также существовать вне его границ” [13, с. 128–129].

Что касается исторической науки, то результаты научного труда историка во многом зависят от выбора методологического инструментария. Начиная разработку любой проблемы, историк, как правило, нацелен на поиск момента возникновения исторического факта, события или явления. После 1991 г. многие отечественные историки обратили внимание на позитивизм. Однако позитивизм как методология рекомендует исследователям рассматривать исторические концепты, в т. ч. государственность, в качестве единичных явлений. Концепт «развитие» в позитивистской методологии отсутствует, а если нет развития – нет никаких закономерностей исторического процесса [30, 69]. Это не способствовало укреплению позиций позитивизма в качестве научной методологии гуманитарных наук. Ибо как справедливо утверждает мексиканский профессор Карлос Антонио Агирре Рохас, который много лет работал во французских «Анналах», «старая позитивистская историография XIX века превратилась в живой труп… В течение всего двадцатого века она оказалась неспособной сделать ни единого исторического открытия, не выработала никакого нового метода или теории, техники или процедуры современного историографического анализа» [14, с. 112].

Вместе с тем, философская концепция диалектического материализма, наоборот, опирается на исторические закономерности, присущие человеческой деятельности. Поэтому исследователь может использовать категорию “развитие”, и на этой основе изучать эволюцию, этапы, формы и содержание исторических фактов и событий. Диалектический материализм как методологическое учение доказывает, что история – это целенаправленная человеческая деятельность и ее результаты. В случае с государственностью это также целенаправленная деятельность этнонационального сообщества ради самосохранения и развития во времени и пространстве. Поэтому, опираясь на принцип историзма, присущий методологии диалектического материализма, впервые в истории мировой гуманитарной мысли в новейшем издании “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 2.” нами была дана принципиально новая трактовка дефиниции государственность. “Государственность – это право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию”. Государство же – это конкретно-историческое воплощение права этнической/национальной общности на государственность в историческом пространстве и времени [15, с. 502]. Продолжая разговор о государственности, отметим, что в процессе эволюции формы воплощения государственности в историческую действительность могут меняться, эволюционировать, но сама государственность всегда остается неизменной.

Необходимо отметить, что в связи с празднованием 1150-летия российской государственности эта тематика обсуждалась на различных научных форумах. Научные дискуссии состоялись в 2012 г. в Новгороде и Москве. По их итогам были опубликованы материалы международных научных конференций. На конференции в Москве Н.М. Рогожин попытался (по его словам) “обратиться к самому понятию государственности”. Он пишет: “её можно определить как исторически сложившуюся систему предствлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления” [16, с. 72]. На наш взгляд, в подходах Н.М. Рогожина к определению сути и

содержания дефиниции “государственность” ничего нового нет, мы видим отождествление “предствлений”о государственности с “представлениями” о роли и функциях, правах и обязанностях государства. В 2015 г. философ. Р.А. Лубинского пишет: “Российскую государственность как социальную реальность не следует отождествлять с российским государством. Российскую государственность можно рассматривать как государственно-организованное общество, неформальную институциональную матрицу функционирования и развития которого задает государство” [20, с. 12]. *Это определение Р.А. Лубинского созвучно нашему определению, особенно в тезисе “не следует отождествлять”.*

Содержание новой концепции. В соответствии с нашим определением, государственность – это не материальный объект, ее нельзя «потерять» или «возродить», т.е. восстановить. Право белорусской народности/нации воплощалось и воплощается в историческую действительность (процесс) ее национальной элитой. Оно (право) зависит от способности элиты обеспечить его реализацию на протяжении всей жизни общности. Воплощение этого права является атрибутным свойством народности/нации, с помощью которого можно характеризовать как процесс становления и формирования (завершен или нет, его этапы), так и ступень «зрелости» самой этнонациональной общности. Само по себе наличие национальной элиты – это еще не гарантия того, что общность сможет реализовать свое право [30, 70]. Обязательным условием является наличие других атрибутных свойств – способности элиты обеспечить реализацию права в конкретной исторической ситуации. Концепт «способность» характеризует наличие реальных и потенциальных интеллектуальных, политических, экономических, информационно-идеологических, военных, кадровых ресурсов, необходимых для всесторонней деятельности с целью реализации отмеченного права [28, с. 37].

Право общности и способность ее национальной элиты, как правило, находятся под сильным воздействием конктетно-исторической ситуации. Некоторые представители западной философско-социологической мысли, опираясь на идеи Торы и Талмуда, определяют историческую ситуацию в терминах “вызов времени”, “исторический вызов”. По нашему мнению, конкретно-

историческая ситуация – это не что иное как возможность, которая оказывает влияние как на процесс становления государства, его развития, так и на само существование государства и государственности. Например, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. как конкретно-историческая ситуация поставила под вопрос дальнейшее существование (даже биологическое) многих народов СССР, в т.ч. и белорусского. Вместе с тем, под вопрос была поставлена советская государственность, государственность советской Беларуси [28, с. 36].

Несколько иная ситуация была характерна для истории Белорусской Народной Республики. Некоторые исследователи обращают внимание на отдельные детали при оценке факта провозглашения БНР, попыток ее институализации. К таким деталям следует отнести и известную резолюцию I Всебелорусского съезда, и известную телеграмму Рады БНР правительству Германии. Для БНР эти детали имели значение, особенно в конкретной исторической ситуации и реалиях Брестского мира. Однако для белорусской государственности как права этнонациональной общности на самостоятельное историческое существование и развитие они значения не имели. Ведь *ни советская Россия, ни Германия не могли, ни даровать, ни отнять у белорусов этого права.* А в борьбе за его реализацию возможно применение всего арсенала политических средств и ресурсов.

Продолжая разговор о содержании и свойствах новой концепции, отметим, что в ее рамках объектом исследования всегда выступает натуральное условие и пространственная граница существования общности – исторически-извечная территория расселения и проживания общности, что обеспечивало и обеспечивает реализацию неотъемлемого права на длительное самостоятельное историческое развитие. А предметом исследования выступают, прежде всего, движущие причины, которые в разных формах являлись побудительным мотивом, "руководством к действию", исторической силой, направлявшей деятельность (политическая, экономическая, культурная и др.) национальной элиты, ориентированной на обеспечение этого права; оценка реальной и потенциальной способности достичь поставленной цели, оценка тех потенциальных возможностей в форме конкретно-исторической ситуации (политической, геополитической), которая существенным образом повлияла на реализацию этого права.

Следует отметить специфику диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности государственности и трех атрибутных свойств государства – территории, народа-населения и суверенной государственной власти. В политических реалиях современного государства это проявляется в том, что политические институты государства не являются носителями государственности. Суверенная власть и ее институты – атрибуты государства. Носителями государственности являются политические и гражданские объединения как форма самоорганизации, например, белорусской этнонациональной общности. Только на основе самоорганизации белорусский народ (как и любой другой) может быть (являться) источником государственной власти и выполнять функции носителя суверенитета [28, с. 37].

Самоорганизация проявляется в самых разных формах. Согласно нашей типологии, структуры социальной самоорганизации можно разделить на институциональные, потенциально-формализованные и инициативные. Институциональные структуры выступают и действуют в форме общественных институтов, например, институт семьи и брака, институт общественного управления – власть, институт общественного производства – предприятие, институт общественной морали – религия и т.п. Потенциально-формализованные структуры проявляются и функционируют как структуры гражданского общества. Они чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них стремятся к институализации. Таковыми стали политические партии. В XX веке в процессе социальной эволюциии в ряде государств институциональными стали профсоюзы, отдельные молодежные организации.

Инициативные формы социальной самоорганизации составляют наиболее массовую их часть. Это "питательное" поле породило разные формы предпринимательства, демократии, парламентаризма. Одни инициативные формы социальной самоорганизации, носят временно-ситуационный характер, создаются и исчезают достаточно быстро. Другие закрепляются и, не теряя своей природы, эволюционируют на протяжении длительного исторического времени, становятся институциональными. К ним можно отнести, например, общественное местное самоуправление, которое возникло еще в племенную эпоху, но и в XXI в. оно существует в большинстве государств.

Однако, если этнонациональная общность не обладает способностью к самоорганизации, не может осмыслить и осознать свое право на самостоятельное историческое существование, она не будет бороться за его реализацию в форме создания собственного государства. Вместе с тем, в случае, когда национальная элита этой общности, имея государство, не способна обеспечить его развитие, государство может перестать существовать. Например, советский народ имел право на самостоятельное историческое существование, у него была реальная возможность и далее реализовывать это право. Но его национальная элита – политическая (правящая партия, правительство СССР), научная и культурная (интеллигенция) – оказалась неспособной обеспечить реализацию этого права, даже несмотря на волю народа, высказанную на мартовском (1991 г.) всесоюзном референдуме. Действительно, Съезд народных депутатов СССР, будучи высшим органом политической власти страны, и тем самым неся всю ответственность, в т.ч. историческую, за будущее этого государства, самостоятельно объявил о своем самороспуске. Тем самым народные избранники просто бросили свой народ на произвол судьбы, и этим они покрыли себя пятном политической ничтожности и бесславия. Именно в этом исключительно-перестроечном случае советский народ не был творцом своей истории. Он лишь пассивно наблюдал за процессом и ждал решения своей судьбы. Поэтому к концу 1991 г. советский народ, а вместе с ним и СССР, бесславно прекратили историческое существавание [28, с. 37].

Такая же историческая ситуация сложилась в последней трети XVIII в., когда национальная элита Речи Посполитой не смогла обеспечить дальнейшее существование своего государства. И в 1917 г. национальная элита Российской империи оказалась неспособной обеспечить дальнейшее существование и развитие государства. Поэтому вполне справедливым и обоснованным является утверждение, что объявление независимости и суверенитета любого государства еще не означает автоматического обретения собственной государственности [28, с. 37 – 38].

Новый, современный этап в развитии белорусской государственности тесно связан с институтом президентства, который выполняет консолидирующую функцию, выступает организационным началом в объединении национальной элиты с

тем, чтобы она (при наличии права и возможности) была способной и смогла обеспечить дальнейшее историческое прогрессирование государственности. Но этого недостаточно. Второй силой, способной обеспечить будущее белорусской государственности, является способность белорусской нации/народа к самоорганизации. Самоорганизации политической – в форме диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти. Единства на основе общей исторической цели. Это – источник силы современного белорусского государства. Замечу, – не следует считать синонимами, путать принцип диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти с идеей их политического единения. Первое является основой белорусской модели демократии, а второе – политический лозунг советского периода истории [27, с. 80].

Самоорганизации экономической – в форме ответственности каждого человека труда за его результаты, за экономическое благополучие своей семьи, своего предприятия, своей страны. И, конечно, самоорганизации национальной элиты по всем указанным выше направлениям. Такова, на наш взгляд, суть исторической миссии современной белорусской национальной элиты.

Наше определение сущностного содержания государственности – научное открытие, которым могут воспользоваться правоведы, политологи, представители других гуманитарных дисциплин. Это открытие дало ему возможность проследить эволюцию и определить формы белорусской государственности. На страницах первой книги "Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст." нами установлено, что белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах – исторических и национальных. К историческим формам принадлежат несколько государственных образований. К ним относятся Полоцкая, Туровская и Киевская Русь, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая. Однако исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, земли которых они объединяли. Эти формы государственности были полиэтническими [21, с. 7].

В тоже время к национальным формам государственности принадлежат те формы, в титулах которых присутствует национальный компонент – «белорусская». К ним относятся: Белорусская Народ-

ная Республика, Социалистическая Советская Республика Беларусь, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь [27, с. 79]. Как известно, основными признаками государства являются: территория, население, власть, суверенитет, монопольное право на применение принуждения, монопольные права на издание законов, взимание налогов и сборов.

Однако в исторической ретроспективе так было не всегда. В частности, в период феодализма, учитывая территориально-политическую раздробленность, наличие вассальной зависимости в рамках отдельных территориально-политических образований, многочисленные междоусобные войны и территориальные переделы можно говорить о том, что территория и население в тот период не относились к основным признакам государства. Таким обязательным признаком-атрибутом была власть.

Учитывать это необходимо при осмыслении государственности Киевской Руси. В IX – XIII вв. восточные славяне, в т ч. полочане, новгородцы, киевляне не знали понятия "государство". В ходу были понятия "земля", "волость", княжение. «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». «Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судию, судящего суд, ... князь глава земли *(т.е. глава государства. - Н.С.)*»,– говорится в «Повести временных лет» [17, с. 184]. Летописец повествует о прижизненном наставлении великого киевского князя Ярослава своим сыновьям: "Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск, ... И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и сгонять со стола"[17, с. 184]. Перед нами форма устройства политической власти Киевской Руси, на территории, очерченной летописными городами и княжескими столами на 1054 г. Центр княжества – правящий город-стол был центром княжеской власти, в современном толковании – центром автономным. Его политическая связь с другими городами (не правящими столами) была обусловлена только правом «старшего брата» и принципом «старшинства-послушания».

Поэтому Киевская Русь – это не белорусское, не российское, не украинское государство, это также не общее государство этих трех народов, которых в середине XI в. не было как культурно-этнической, политико-правовой целостности. Киевская Русь в категориях современной политологии – это скорее свободная властно-династическая конфедерация, а не единое государство со своей территорией и населением. Поэтому концептуально обоснованным является положение о том, что Полоцкое княжество (Полоцкая Русь), Киевское княжество (Киевская Русь) – это в равной степени историческая форма белорусской, русской, украинской государственности, носителями которой были соответствующие племенные объединения. Эти этнические общности вступили на путь государственной жизни, государственного бытия как права на самостоятельное историческое развитие в рамках своего государственного организма.

Во-вторых, когда идет речь о формах государственности, необходимо исходить из наличия исторической закономерности – есть нация, можно вести речь о национальном государстве, а в период, когда наций не было, говоря о формах государственности, вполне обоснованным будет использование термина «исторические»

Если же сделать краткий экскурс в историографию других европейских стран, следует отметить, что термин «исторические» применительно к характеристике наций и национальных движений одним из первых в своих трудах начал использовать чешский историк М. Хрох. Он писал, что в конце XX в. после краха коммунистического правления в странах Центральной и Восточной Европы, «персонифицированный национальный организм, как и в XIX веке, требует себе собственного отдельного пространства. И ныне, как тогда, претензии на такое пространство основываются на обращении к двум различным критериям, отношения между которыми часто весьма натянуты: с одной стороны, на принципе области, характеризующейся этнической однородностью своего населения как группы с общим языком и культурой; а с другой стороны, на понятии исторической территории с ее традиционными границами, в которых часто заключены и другие этнические группы со статусом меньшинства. В XIX веке второй критерий приобрел особую важность для так называемых «исторических наций». Так, чехи считали все земли в границах Богемии и Моравии принадлежностью своего

национального организма,… литовцы полагали, что польско-еврейский город Вильно является их настоящей столицей. Сегодня эта модель имеет еще больший потенциал широкого распространения, поскольку, наряду с теми нациями, которые в прошлом веке расценивались как «исторические», теперь еще появились нации, снискавшие себе соответствующего рода историю до войны, когда эстонцы или латыши добились независимого государства, или даже во время войны, когда словаки и хорваты обеспечили себе протекторат под нацистским покровительством» [18, с. 137]. Э. Геллнер, анализируя взгляды М. Хроха, говорит, что его подход «в том, чтобы связать национализм с некоторой абсолютной исторической фазой, а именно с переходом от доиндустриального к капиталистическому обществу» [19, с. 189]. В таком подходе чешского исследователя к решению проблемы мы наблюдаем не только логическую взаимосвязь, но и историческую закономерность – есть нация, можно вести речь о национальном государстве. А в период, когда нации, например, белорусской, не было, говоря о формах государственности, вполне обоснованным будет использование термина «исторические».

Конечно, когда заход речь о XIX веке, некоторые исследователи вспоминают тезис о «праве наций на самоопределение», который не потерял своей актуальности для многих национальных сообществ, например, курдов, палестинцев, каталонцев и в начале XXI века. Замечу, – *право наций на самоопределение* – это, прежде всего, это политико-правовая констатирующая категория. Она имеет опосредованное отношение к государственности. Ведь, являясь составной частью уже существующего государственного организма, находясь по сильным воздействием доминирующей нации, ее политики, культуры такие (требующие самоопределения) нации, их национальные элиты ощущают опасность ассимиляции, угрозу прекращения дальнейшего исторического существования и развития. Таких примеров в истории Европы достаточно много. Поэтому национальные образования, требующие самоопределения, т.е. отделения и создания собственного государственного образования, конечно, пытаются решить вопрос и о своей государственности. Однако в этом случае речь идет только о праве на отделение, признании этого права со стороны разрешающей политической силы, а не о способ-

ности и возможности их национальной элиты на начальных и предыдущих исторических этапах.

Безусловно, одной из проблем, которая имеет прямое отношение к теме государственности, и которая препятствует развитию белорусской исторической науки, является отсутствие трудов по истории белорусской элиты. Нет у нас и трудов по истории становления и развития белорусской народности и нации. Это касается как периода IX – XVIII, так и периода XX – начала XXI вв. Прежде всего по той причине, что данная проблематика требует глубокого теоретического осмысления. Ведь на одной сумме фактов и старой концепции возникновения буржуазных наций, изложенной К. Марксом и Ф. Энгельом в «Манифесте Коммунистической партии», далеко не уедешь. В рамках этой концепции белорусы в XIX веке – догоняющая нация, которая запоздала в своем развитии. Однако социально-экономические, политические и цивилизационные реалии начала XXI века свидетельствуют, что белорусы никого не догоняли. В своем развитии, как историческая общность, они ни от кого не отставали и не отстают. С начала XX века они стремились реализовать собственную модель цивилизационного, в том числе государственного развития, в которой национальный фактор (в отличие, например, от Франции, Италии, Испании и Германии) не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии [30, с. 70].

Использованные источники и литература

1. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. – Мінск: Беларусь, 1994.

2. Рацько, А.Ф. Вытокі беларускай дзяржаўнасці А.Ф. Рацько // Основы идеологии белорусского государства: методология и методика преподавания: Сборник материалов научно-практ. конф. / Под ред. Я.С. Яскевич – Минск: РИВШ БГУ, 2003.

3. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш]; рэд. кал.: М. Касцюк [і інш]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008.

4. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6: Беларусь у 1946-2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011.

5. Лыч, Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты. / Л. Лыч –Мінск.: 2010.

6. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. / пер. с древнегр.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1981.

7. Гаджиев, К.С. Политическая философия. / К. Гаджиев – М.: ОАО "Издательство "Экономика", 1999.

8. Боден, Ж. Метод легкого познания истории. / Ж. Боден – М.: Наука, 2000.

9. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford University Press, 2005, Sally Wehmeier (ed.).

10. Маркс, К. Критика Готской программы. / К. Маркс– М.: Политиздат, 1977.

11. Ленин, В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. / В.И. Ленин– М.: Политиздат, 1975.

12. Большая Советская Энциклопедия (в 30 т.). Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, - 1972. Т. 7.

13. Чуешов, В.И. Государственность как категория политической философии и социогуманитарных наук / В.И. Чуешов // Рэспубліка Беларусь: зб. матэрыялаў Міжнар. навук. практ. канф., Мінск., 24–25 лістап. 2011 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012.

14. Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами.– М.: Кругъ, 2008.

15. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М.У. Смяховіч [і інш]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012.

16. Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). – М.:, 2013.

17. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI-XII века. / Сост. Н.В. Понырко. Л.: Лениздат, 1983.

18. Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой и др. – М.: Праксис, 2002.

19. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; пер. с анг. и нем. Л.Е. Переяславцевой и др. – М.: Праксис, 2002.

20. Лубинский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития // Автор. дисс. на соиск. …д.ф.н. – Ростов/Дону, 2015.

21. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. / А.А. Каваленя [і інш]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011.

22. Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси. Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 года. – Минск: БГУ, 2003.

23. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред.: В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987.

24. Соловьев, С.М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева. – М.: Правда, 1989.

25. Праграмная заява Беларускага народнага фронту “Адраджэне” // Беларусістыка. Тэматычны зборнік №21. Палітычныя партыі і грамадска палітычныя рухі. – Мінск: 1993.

26. Народная газета. 1996. 19 июня.

27. Смяхович Н. Белорусская государственность: истоки и формы // Беларуская думка. – 2013. - № 11. - С. 74–81.

28. Смехович Н.В. Белорусская государственность: истоки, исторические и национальные формы (к 1150-летию Полоцка и Новгорода) // Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее: сборник научных материалов / Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь; Институт ист. Нац. акад. наук Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) и [др.]. – Минск: Медисонт, 2014. С.31–38.

29. Міхась Восіпавіч Біч (1936–1999): жыццё і навуковая дзейнасць (да 80-годдзя з дня нараджэння) // Бел.. гіст. час. 2016. - № 8. - С. 29-33

30. Смехович Н.В. Белорусская государственность и национальная идентичность: общее и особенное // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества / Мат-ы Республиканской научно-практич. конференции (Барановичи, 17 апреля 2015 года); редкол.: А.В. Никишина (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, БарГУ, 2015. С. 67 –71.

ТЕНДЕНЦИИ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В БЕЛАРУСИ В 1920–1940-Е ГГ.

Хромченко Д.Н.,
кандидат исторических наук, доцент

1920–1940-е годы являются особым периодом в истории Беларуси. Это было время становления и упрочения белорусской государственности, выработки основных направлений внешней и внутренней политики, время, когда Советский Союз, в состав которого входила Белорусская Советская социалистическая республика, одновременно с восстановлением экономики после Первой мировой и гражданской войн вынужден был принимать меры по обеспечению своего суверенитета в условиях сложной международной обстановки. В этой ситуации весьма актуальной становилась проблема подготовки населения к защите своего Отечества, как в плане военно-патриотического воспитания, так и в сфере начального военного обучения.

Этот процесс, на наш взгляд, условно можно разделить по времени на несколько периодов. Начальный период, который относится к первой половине 1920-х годов, характерен относительной стабилизацией, когда страны – участницы Первой мировой войны больше занимались внутренними проблемами. В этой ситуации угроза новой войны отодвинулась на второй план. Тем не менее, учитывая, что СССР находился в международной изоляции и военная угроза не была полностью устранена, руководство страной уделяло внимание укреплению армии и флота, созданию военно-воздушных сил. Другими словами, оборонная работа концентрировалась внутри военных структур. Второй период, который можно отнести ко второй половине 1920 – первой половине 1930-х годов, отличался нарастанием международной напряженности, появлением реальной угрозы военного вторжения на территорию СССР извне. Соответственно, диапазон мер по укреплению безопасности страны, предпринимаемых руководством СССР, расширялся. Оборонная работа приобретала более массовый характер, к ней в разных формах стало привлекаться гражданское население, предпринимались попытки активизировать в этом направлении деятельность общественных организаций. Центром оборонно-массовой работы постепенно становилось общество содействия армии, авиации и химическому строительству (Осоавиахим).

В третьем периоде, который можно определить следующими временными рамками: вторая половина 1930 – начало 1940-х годов, создалась принципиально новая ситуация в связи с подготовкой и уже начавшейся Второй мировой войной и, соответственно, развернувшимися военными действиями, в том числе и непосредственно у границ Беларуси. Это отразилось на содержании оборонно-массовой работы и на ее характере.

В первой половине 1920-х годов, вскоре после образования СССР, наряду с определением основных направлений деятельности органов власти шел поиск путей решения назревших проблем, выработки стиля и методов работы различных структур управления на местах. В Беларуси также внимание властей и общественных организаций было больше сосредоточено в сфере экономики и культуры. Оборонная работа осуществлялась главным образом через армейские структуры и с уклоном больше на просветительско-агитационный характер. Постепенно она стала приобретать более широкий характер, проводиться больше через общественные организации: общество друзей воздушного флота (ОДВФ), созданное в 1923 г., общество содействия противохимической обороне (Доброхим), образованное в 1924 г. и др. В 1925 г. эти два общества объединились в единую организацию Авиахим – общество содействия авиации и противохимической обороне. Таким образом, определились следующие направления оборонной работы – содействие развитию авиации и противохимическая оборона, однако эта работа находилась еще в начальной стадии развития.

В 1920-е годы начальная военная подготовка населения проводилась в основном посредством кружков военных знаний. Организовывали их работу различные общественные организации. В этих кружках занимались, как правило, люди разных возрастов и разного уровня образования. Другими словами, подбор слушателей проводился недифференцированно. Кроме кружков, в практику вошли такие формы работы, способствующие в той или иной степени укреплению обороноспособности страны, как сбор средств в фонд обороны, проведение различного рода разовых мероприятий: военизированных походов, дней, недель, даже декад обороны, оборудование в культпросветучреждениях, учебных заведениях уголков обороны, создание, так называемых, домов, хат обороны и т.д. Все это больше способствовало военно-патриотическому воспитанию

населения, популяризации военного всеобуча, чем приобретению начальных навыков военной подготовки.

Оборонно-массовая работа активизировалась во второй половине 1920-х годов, в условиях обострения международной обстановки, прежде всего, политического кризиса в отношениях между СССР и Англией. В 1926 г. создано общество содействия обороне (ОСО). В 1927 г. Авиахим и общество содействия обороне объединились в общество содействия обороне, авиации, химической обороне, сокращенно, Осоавиахим. В Беларуси в низовых звеньях этого общества состояли на учете около 100 тысяч членов. С этого времени центром оборонно-массовой работы в Беларуси, как и в целом по Советскому Союзу, постепенно становился Осоавиахим. На это были направлены и решения органов власти, касающиеся проблемы укрепления обороноспособности страны. Если ранее другие общественные организации – комсомол, профсоюзы, общество Красного Креста – пытались проводить отдельные мероприятия в этом направлении самостоятельно, то с конца 1920-х годов они стали действовать совместно, причем связующим и организующим звеном являлся Осоавиахим. Кроме совместных мероприятий, работа проводилась путем вовлечения комсомольцев и членов профсоюза в осоавиахимовские ячейки. Для укрепления связей общественных организаций с Осоавиахимом в руководящие органы этой организации, начиная от районных и заканчивая республиканскими, были введены представители от комсомольских и профсоюзных организаций. Соответственно, и в руководящих структурах общественных организаций были определены ответственные за проведение оборонно-массовой работы.

Реорганизация оборонных организаций во второй половине 1920-х годов сопровождалась и некоторыми изменениями форм и методов оборонно-массовой работы, которая, как уже отмечалось, концентрировалась вокруг единой организации – Осоавиахима. Остальные общественные организации действовали совместно с ней. Как и раньше, основной формой начальной военной подготовки оставались кружки. В 1928 г. в Беларуси функционировали 1440 кружков [1, с. 119]. Однако, во-первых, все кружки стали сосредоточиваться внутри Осоавиахима. Участие других общественных организаций в этом деле проявлялось в оказании помощи Осоавиахиму. Во-вторых, занятия в них стали проводиться по единым

программам, а обучение приобрело дифференцированный характер. В зависимости от уровня подготовки слушателей функционировали кружки, так называемого, пониженного типа и повышенного типа. В третьих, определилась специализация учебного процесса: кроме кружков военных знаний действовали стрелковые, санитарные кружки, авиахимкружки и др.

Следует отметить, что усиление внимания органов власти, общественных организаций к проблемам оборонно-массовой работы положительно сказалось на расширении военного всеобуча населения. За 2 года, с 1928 по 1930 гг., например, количество кружков военных знаний, созданных в системе Осоавиахима, увеличилось в 2 раза, в 1930 г. в Беларуси уже действовали свыше 3 тысяч кружков подобного рода. Количество слушателей в этих кружках увеличилось в три раза и достигло 40 с половиной тысяч человек [2, л. 34]. Численность стрелковых кружков с 1928 по 1930 гг. увеличилось также в три раза, в 1928 г. их насчитывалось в республике 152, в 1929 г. – 354, в 1930 г. – уже 830. Количество людей, состоящих на учете в кружках, за это время увеличилось в три раза: в 1928 г. их было 4769 человек, в 1929 г. – 7109 и в 1930 г. – 14806 [3, лл. 60, 61]. Правда, увеличение численности кружков далеко не всегда сопровождалось улучшением качества их работы. На недостатки в работе Осоавиахима, которые выражались, прежде всего, в пассивности части осоавиахимовцев, недостаточной дисциплине среди слушателей многих кружков, неоднократно указывалось в постановлениях ЦК КП(б)Б. С целью улучшения руководства оборонно-массовой работой в республике в районных, окружных комитетах партии, в ЦК КП(б)Б были созданы секции оборонно-массовой работы, позднее реарганизованные в отделы.

Следует отметить, что среди разных направлений оборонно-массовой работы приоритетными были стрелковая подготовка, содействие авиации и противохимическая оборона. Содействие авиации проявлялось через пропаганду авиационного дела и через сбор средств на укрепление военно-воздушных сил страны. Так, в 1927 г., в период обострения отношений СССР с Англией, Осоавиахим совместно с другими общественными организациями провели две масштабные акции: сбор средств для строительства эскадрильи самолетов под общим названием «Наш ответ Чемберлену» и проведение «недели обороны», в ходе которой создавались допол-

нительные оборонные кружки, организовывалась продажа билетов авиалотереи и другие мероприятия. Кроме участия в создании эскадрильи «Наш ответ Чемберлену», проводилась работа по сбору средств на строительство самолетов, которым также давались определенные наименования. Так, в Беларуси во второй половине 1920-х годов с помощью общественных организаций были собраны деньги на сооружение эскадры дирижаблей и эскадрильи самолетов.

Основной формой содействия противохимической обороне было участие желающих, преимущественно молодежи, в работе авиахимкружков. В 1927 г. в республике их насчитывалось около 300, в течение года количество кружков увеличилось до 650. Кроме кружков, создавались также авиахимкоманды. К середине 1927 г. в республике насчитывалось около 20 авиахимкоманд, охватывающих примерно 2 тыс. человек [4, л. 241]. Чтобы улучшить качество учебы и упорядочить структуру подразделений, кроме авиахимкоманд создавались и авиахимотряды. В 1928 г. в республике насчитывалось 42 авиахимотряда, к 1931 г. их количество увеличилось до 138 [5, л. 5, 38]. Их отличие от команд заключалось не только и не столько в смене названия. Несколько расширялся диапазон предпринимаемых мер по подготовке населения к действиям в экстремальных условиях. В частности, кроме наблюдателей и санитаров, в состав отрядов входили также команды химической обороны, связи, борьбы с пожарами. Довольно распространенной формой оборонной работы была также организация различных пеших, лыжных походов на определенные расстояния в противогазах, работа на производстве определенное время также в противогазах, организация действий населения во время проведения учебных тревог, имитирующих воздушное или химическое нападение противника.

В 1930-е годы внимание к оборонно-массовой работе и, соответственно, к организациям, прямо или косвенно причастных к этому делу, усилилось. Об этом свидетельствует тот факт, что вопросы руководства Осоавиахимом в масштабе СССР и, в частности, в Беларуси регулярно стали выноситься на обсуждение руководящих органов власти. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что в это время в Европе, на Дальнем Востоке определилось несколько очагов международной напряженности, несколько государств, которые перешли к наращиванию военной мощи и даже к открытой агрессии. При этом в далеко идущих планах руководства странами-

агрессорами не скрывалась и возможность нападения на СССР. Все это требовало принятия адекватных мер. В связи с этим, наряду с дипломатическими шагами по созданию системы коллективной безопасности и налаживанию миролюбивых отношений с другими государствами в СССР принимались меры по укреплению обороноспособности страны, формированию у населения чувства готовности встать на защиту своего Отечества в случае нападения извне. Усиление внимания центральных органов управления к вопросам военно-патриотического воспитания населения способствовало некоторому укреплению низовых звеньев Осоавиахима. К началу 1931 г. в Беларуси насчитывалось 4100 ячеек этого общества, в них состояли на учете более 300 тысяч человек, третья часть из них – производственники, остальные учащиеся и студенты. В следующем году количество осоавиахимовцев увеличилось еще на 200 тысяч человек [6, с. 19]. Критерием и стимулом к активизации оборонно-массовой работы стала сдача норм на получение различных оборонных значков, которые были введены в начале и в первой половине 1930-х годов. Основным среди них был знак «Готов к труду и обороне» первой и другой ступеней. Кроме него, введены также знаки «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник», «Готов к санитарной обороне», «Готов к противохимической обороне» и другие. Уже на следующий год после введения знака ГТО первой ступени, в 1932 г., нормативы в Беларуси выполнили 42 тысячи человек. В последующее время цифра ежегодной сдачи нормативов ГТО стабилизировалась в пределах приблизительно 15–20 тысяч ежегодно. В сдаче нормативов ГСО в республике просматривается динамика увеличения численности выполнивших эти нормы: 16642 человек в 1935 г., 23495 в 1936 г., 31221 в 1937 г., 49261 в 1938 г. и 32 тысячи в 1939 г. [7]. Некоторое снижение численности сдавших нормы ГСО в 1939 г. объясняется ужесточением требований.

В 1930-е годы содержание оборонно-массовой работы углубилось, определились приоритетные направления: стрелковый спорт и авиадело, начали создаваться специализированные учебные центры. II съезд Осоавиахима СССР, состоявшийся в феврале 1930 г, в качестве главной задачи определил подготовку резерва Красной Армии по самым различным специальностям, от стрелков, пулеметчиков до танкистов, летчиков. Стрелковая подготовка осуществлялась, как и раньше, преимущественно в стрелковых кружках, но по единым про-

граммам, со сдачей в последующем нормативов для получения знаков ГТО или «Ворошиловский стрелок». Однако уже вводились вторые, более усложненные ступени этих знаков для тех, кто успешно освоил начальную стрелковую подготовку. Новым стало открытие военно-учебных пунктов (ВУПов), стрелковых школ и школ снайперов или, как их называли, «школ снайпинга». Только за три года, с 1933 по 1936 гг. в военно-учебных пунктах получили начальную военную подготовку около 80 тысяч человек. [8, с. 7,8]. В них подготовка стрелков осуществлялась практически уже на профессиональном уровне. С 1929 г. в республике стало практиковаться проведение летних лагерных сборов, в ходе которых осоавиахимовцы на практике закрепляли полученные в кружках и военно-учебных пунктах навыки начальной военной подготовки. В 1930 г., например, в таких лагерях получили начальную военную подготовку около 2000 человек. Позже сфера их деятельности расширилась и в 1931 г. в летних лагерях обучались уже более 3 тысяч человек.

Для подготовки летчиков и других авиаспециалистов стали создаваться авиашколы, имеющие уже собственную материальную базу: учебные самолеты, аэродромы, помещения для занятий, оборудование. Финансирование учебного процесса проводилось из союзного бюджета через организации Осоавиахима, часть денег выделяли профсоюзные организации. Первая такая школа, получившая название «белорусская школа летчиков имени К.Е. Ворошилова», была открыта в 1931 г. в г. Витебске за счет республиканского бюджета, средств, выделенных Центральным Советом Осоавиахима СССР, витебскими предприятиями «Красный металлист» и «Знамя индустриализации». В 1930-е годы аэрошколы стали преобразовываться в аэроклубы. В них велась подготовка не только летчиков, но и техников, а также парашютистов, планеристов. Кроме Витебской аэрошколы, также преобразованной в аэроклуб, в Беларуси к 1935 г. были открыты Бобруйский, Минский, Могилевский, Оршанский, Гомельский аэроклубы. В них в течение года могли пройти подготовку 1000 курсантов. В аэроклубах подготовка летчиков производилась по усложненным программам, курс обучения был продлен с одного до двух лет, при этом больше времени отводилось практическим занятиям.

Вместе с тем, в 1930-е годы, как и ранее, продолжали действовать различного рода оборонные кружки, причем их количество

значительно увеличилось. К 1939 г. в Беларуси действовали уже 8143 оборонных кружков [9]. Проводились также разовые массовые мероприятия: походы, военно-тактические игры и т.д., осуществлялся сбор средств в фонд обороны. Например, с января по май 1932 г. в Беларуси был проведен комплекс мероприятий, объединенных под общим названием «стрелковый поход», в феврале 1934 г. проведена «Ворошиловская оборонная эстафета». Составной частью этих мероприятий были стрелковые соревнования, сдача нормативов ГТО, проведение военизированных переходов. Для комсомольцев своего рода оценкой участия в оборонно-массовой работе стал проведенный в 1934 г и в 1935 г. военно-технический экзамен. Для сдачи был установлен минимум, в который входила сдача норм ГТО, стрелковая, санитарная подготовка, планерный спорт или прыжки с парашютной вышки. В ходе экзамена в течение 1935 г. 216 тысяч членов ЛКСМБ сдали нормы на значок ГТО первой ступени и 420 человек – второй ступени [7, с. 30]. Со второй половины 1939 г. определился особый период в развитии оборонно-массовой работы, связанный с началом 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны и советско-финляндской войной 1939-1940 гг. События начального этапа Второй мировой войны показали, что военные действия приблизились непосредственно к границам СССР. Это потребовало усиления внимания руководства страны и всех руководящих структур, как властей, так и общественных организаций к проблемам военно-патриотического воспитания населения. Неудачи Красной Армии во время советско-финляндской войны вскрыли существенные недостатки в боевой подготовке красноармейцев. В итоге были изменены подходы к содержанию оборонно-массовой работы, обучение военным специальностям было приближено к условиям, близким к военной обстановке. Вместо оборонных кружков, количество занимавшихся в которых было чаще всего произвольным, внутри организаций Осоавиахима стали создаваться учебные группы, команды, отряды, аналогичные воинским подразделениям: отделениям, взводам, ротам, получившие название учебно-строевых подразделений.

В 1940 – первой половине 1941 гг. больше внимания стало уделяться специализированным формам обучения. Наряду с увеличением набора слушателей в учебные центры изменилось и содержание обучения. Были пересмотрены программы, упор был сделан на

отработку практических навыков действий в условиях, приближенных к боевой обстановке. Со второй половины 1940-го года аэроклубы республики стали работать по ускоренным программам, планы набора курсантов были увеличены в два раза [10, л. 106].

Как и в предшествующий период, в 1939-1941 гг. продолжалась практика проведения массовых переходов, военно-тактических игр, правда, в меньшей степени. На протяжении 1939 г., например, в Могилевской области было проведено 512 военизированных походов и тактических учений [11, л. 751]. В массовом лыжном кроссе, проведенном в феврале 1941 г., приняли участие около 420 тысяч юношей и девушек Беларуси, в том числе 70% всего состава ЛКСМБ.

Вместе с тем, больший упор стал делаться на более углубленное и систематическое изучение отдельных военных специальностей. Количество обученных пулеметчиков в 1939–1941 гг. увеличилось по сравнению с аналогичным предыдущим периодом в 69 разов, за два года их было подготовлено 6350. За 1939-1940 гг. медицинских сестер было подготовлено почти в два раза больше по сравнению с 5 предыдущими годами [13]. За это время нормы на значки «Ворошиловский стрелок», ГСО, ГТО, ПВХО 1 степени выполнили 720 824 человека, 2-й степени – 32 663 человек [14, с. 40].

Таким образом, можно сделать вывод, что в предвоенные десятилетия в Беларуси, как и в целом в СССР, уделялось немалое внимание оборонно-массовой работе. В этот процесс были включены и общественные организации. Была создана система начального военного обучения населения, которая постоянно развивалась, совершенствовалась и в целом была достаточно эффективной, хотя массового военного всеобуча, как планировалось, достичь не удалось, прежде всего, по причине недоработок, порой формализма, слабой исполнительной дисциплины на местах.

Использованные источники и литература

1. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэта XIII з’езду КП(б)Б. – Мн.: Выданне ЦК КП(б)Б, 1929. – 137 с.

2. Отчеты о деятельности Центрального Совета Осоавиахима // Национал. архив Респ. Беларусь (НАРБ). – Фонд 263. – Оп. 4. – Д. 8.

3. Циркуляры ЦС Осоавиахима БССР. Материалы о школе снайперов. Отчет о работе 4-й передвижной школы ЦС Осоавиахима СССР в Бобруйске // НАРБ – Фонд 263. – Оп. 4. – Д. 12.

4. Протоколы, отчеты, другие документы добровольных обществ. Отчет о деятельности Осоавиахима БССР за июнь-январь 1927/1928 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п – Оп. 1. – Д. 3538.

5. Отчеты о деятельности Центрального Совета Осоавиахима // НАРБ. – Фонд 263. – Оп. 4. – Д. 8.

6. Матэрыялы II Пленума Цэнтральнага Савета Тсаавіяхіма БССР. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1932. – 38 с.

7. Аўгустайціс А.В. Пад сцягам Леніна-Сталіна – да новых перамог. Справаздачны даклад ЦК 13 сакавіка 1936 г. – Мн.: Выдавецтва ЦК КП(б)Б. – 33 с.; Сталинская молодежь – 1940. – 3 дек.

8. Осоавиахим – ДОСААФ республики: этапы славного пути. Минск, 2011. – 216 с.

9. Советская Белоруссия – 1939 – 4 декабря.

10. Материалы по военно-оборонной работе // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 14353.

11. Протоколы, стенограммы съездов, пленумов, заседаний бюро и секретариата ЦК ЛКСМ Белоруссии // Росс. государств. архив социально-политической истории (РГАСПИ) – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 400.

12. Вынікі правядзення першага ўсесаюзнага камсамольскага кроса // Чырвоная змена, 1941. – 9 сакавіка. – С. 1.

13. Ключынскі С.В. Гатовы стаць на абарону Радзімы / С.В. Ключынскі // Звязда. – 1940. – 25 жніўня. – С. 2.

14. Комсомол Беларуси. – Мн.: «Беларусь», 1968. – 140 с.

РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ І КНІГАДРУКАВАННЯ Ў ПАЧАТКУ ХХ СТ. (1900–1914 ГГ.)

Шчаўлінскі М.Б.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Беларуская літаратура і кнігадрукаванне, як і ўвогулле культура, у пачатку ХХ ст. развівалася ў цеснай сувязі з нацыянальным рухам, працэсамі культурнага наступу больш магутных суседзей: з усходу – Расіі, з захаду – Польшчы. Царызм у той час не дазваляў на Беларусі ніякіх нацыянальных формаў грамадскага развіцця, таксама ім падаўлялася праява культурна-нацыянальнага адраджэння беларусаў. Вось як аб становішчы ў беларускіх

губернях у гэты час гаворыць вядомы гісторык М.В. Доўнар-Запольскі: "Цяжкая, прыгнятаючая рука царскага ўраду не дазваляла тут ствараць навуковыя цэнтры, разганяла інтэлігентных работнікаў, зганяла сюды русіфікатараў, цікавілася краем толькі з паліцэйскага пункту гледжання, таму нават нашыя губернскія цэнтры ў навуковых і грамадскіх адносінах далека адставалі ад губернскіх цэнтраў Украіны ці Вялікарасіі" [1, с. 31].

Найбольш важным накірункам русіфікатарскай палітыкі была забарона беларускай мовы і распаўсюджванне рускай. Напрыклад, у часопісе Камітэта Міністраў, з нагоды выканання Імператарскага указу ў адносінах да заходніх губерняў падкрэслівалася: "Расійскай мове, як дзяржаўнай, павінна быць, па перакананню Камітэта, і далей па-ранейшаму забяспечана пануючае становішча. Неабходнасць гэтага выцякае з факта прыналежнасці края да Расійскай дзяржавы і ўсведамлення, што заходнія губерні, якія здаўна ўваходзілі ў яе склад, маюць у значнай сваей частцы спрадвечна рускае насельніцтва [2, л. 586]. У якасці навуковага абгрунтавання сваёй русіфікатарскай палітыкі царскі ўрад выкарыстоўваў ідэалогію "заходнерусізма", якая адмаўляла існаванне беларускай нацыі і беларускай мовы. Гэта ідэалогія з'яўлялася адным з накірункаў грамадскай думкі ў заходніх губернях на прцягу XIX – XX стст. Згодна з яе канцэпцыяй "Беларусь не з'яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, але што яна з'яўляецца культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі і таму павінна разглядвацца як адзін з яе састаўных элементаў" [3, с. 7].

Найбольш буйным арганізацыйным стварэннем гэтай ідэалагічнай плыні з'яўлялася "Западнорусское общество", якое было заснавана 29 студзеня 1911 г. у Пецярбургу. Статут і праграма дадзенага таварыства ставілі сваей мэтай "ўзмацненне расійскай культуры і развіццё духоўных і матэрыяльных сіл расійскай народнасці ў Заходнім краі, вывучэнне сучаснага становішча і мінулага". Заўзятымі прыхільнікамі гэтай ідэалогіі таксама з'ўляліся праманархічныя чорнасоценна-акцябрысцкія партыі ("Союз русского народа", "Всероссийский национальный союз", "Русское окраинное общество", "Совет объединенного дворянства" і інш.).

У такім жа накірунку, толькі з польскай арыентацыяй, супраць беларускага нацыянальнага адраджэння змагалася польская

палітычная эліта. Польскі ўплыў асабліва моцна адчуваўся ў галіне культуры. Фактычна многія пласты польскага грамадства (ідэйныя іхнія натхняльнікі Людвіг Гурскі і Генрых Сянкевіч) актыўна прапагандавалі ідэі пра "гістарычнае права Польшчы на Беларусь", пра "вялікую культурную місію палякаў на Усходзе" і г.д. [4, с. 19].

Такія ідэі таксама прпагандавалі "працоўныя хрысціянскія саюзы" (клерыкальнага напрамку) [5, л. 25], "Польская партыя сацыялістаў"(ППС), якая здолела разгарнуць вельмі актыўную работу сярод польскага насельніцтва Беларусі і Літвы. Лідэры ППС неаднаразова адзначалі ў сваіх прамовах, што Літва і Беларусь павінны ўвайсці ў склад незалежнай дэмакратычнай польскай рэспублікі. Так, С. Мендэльсон, актыўны дзеяч ППС, на старонках "Pszedswita" заўважаў, што "Польшча ў этнічных граніцах – гэта проста абсурднае паняцце" [6, с. 56].

Найбольш рэакцыйныя газеты польскага друку ("Slowo", "Kurjer Warszawzki", "Prawda", "Gazeta Codzenna"), у публікацыях якіх адчувалася асаблівая нянавісць да беларускага народа і яго культуры, выступалі адзіным фронтам супраць беларускай літаратуры і беларускай мовы. Выконваючы планы аб аднаўленні Польшчы з уключэннем беларускіх зямель, яны імкнуліся даказаць, што нібыта няма ні Беларусі, ні беларускага народа, ні беларускай мовы, ні, тым больш, беларускай літаратуры. Напрыклад, польскі пісьменнік З. Пяткевіч у артыкуле пра купалаўскую "Адвечную песню" сцвярджаў: "Беларускі народ ніколі не меў і не мае сваёй літаратуры. Стварыла яе польская інтэлігенцыя. Створана яна штучным чынам, у значнай меры не адлюстроўвае ні душы, ні яго звычаяў, традыцый, вераванняў, ні нават складу яго мовы" [7, с. 2].

Аднак, нягледзячы на русіфікатарскую палітыку царскіх улад на Беларусі, экспансіяніcцкую дзейнасць на беларускіх землях розных польскіх памешчыцка-клерыкальных арганізацый, беларуская інтэлігенцыя працягвала барацьбу за нацыянальна-культурнае адраджэнне, якая ва ўмовах адсутнасці ў беларусаў сваёй дзяржаўнасці, самастойных формаў палітычнага і эканамічнага жыцця з'яўлялася найбольш важным аб'ядноўваючым фактарам, садзейнічала захаванню этнічнай самабытнасці беларускага народа, вяла да абуджэння яго палітычнай самасвядомасці.

Значную ролю ў развіцці беларускга нацыянальнага руху ў разглядваемы перыяд адыграла газета "Наша ніва", якая

выдавалася штотыднёва на беларускай мове ў Вільні з лістапада 1906 па жнівень 1915 г. Першачарговую і галоўную сваю задачу ў тых умовах “Наша ніва” бачыла у барацьбе за ўсебаковае нацыянальна-культурнае адраджэнне беларускага народа, за прызнанне самога факта яго існавання, за яго раўнапраўнасць з іншымі народамі. Зыходзячы з таго, што асновай усёй нацыянальнай культуры з’яўляецца мова народа, нашаніўскі публіцыст С. Палуян пісаў: “Нам у першую чаргу трэба адрадзіць сваю мову… Толькі адрадзіўшы мову, мы зможам паставіць на цвёрды грунт наш рух” [8, с. 228].

Штогод роля “Нашай нівы” расла і газета паступова “стала галоўнай трыбунай, ідэолагам і арганізатарам беларускага нацыянальнага культурнага руху, усімі сваімі праявамі накіраванага супраць вялікадзяржаўнай палітыкі царызму, рэакцыйнай дзейнасці рускіх чарнасоценна-акцябрысцкіх і польскіх памешчыцка-клерыкальных партый і арганізацый, а таксама царквы і касцёла, якія імкнуліся асіміляваць беларускі народ, далучыўшы праваслаўную частку беларусаў да рускіх, а каталіцкую – да палякоў” [3, с. 17].

Паступова расла і папулярнасць “Нашай нівы”, мацнелі яе сувязі з народам, аб чым сведчаць тыя факты, што тыднёвік меў вялікую колькасць карэспандэнтаў – сялян у самых далёкіх кутках Беларусі. Згодна з заявай рэдакцыі газеты, толькі за першыя тры гады свайго існавання яна змясціла 960 артыкулаў з 489 беларускіх вёсак, надрукавала 246 вершаў 61 паэта, 91 апавяданне 36 розных аўтараў [9, с. 17]. Трэба заўважыць, што агульны грамадска-палітычны і культурны ўздым у пачатку XX ст. абумовіў хуткі рост і развіццё беларускай літаратуры. “Паявіліся паэты, песняры свайго, забытага Богам і людзьмі краю, і долі народнай. Прарокі яны ці не прарокі – аб гэтым скажэ будучыня, але што яны косць з косці свайго народу – аб гэтым і рэчы быць ня можэ” [10, с. 1], - адзначалася ў адным з рэдакцыйных артыкулаў “Нашай нівы”.

Літаратура таго часу была прасякнута пачуццём гонару за свой народ і яго барацьбу за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне, ідэяй сцвярджэння чалавечай годнасці мужыка-беларуса. Вялікі ўклад у развіццё беларускай літаратуры ўнеслі Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, К. Каганец, Ц. Гартны, М. Гарэцкі і інш. У іх творах адчуваецца любоў да радзімы, жаданне бачыць свой народ свабодным і шчаслівым.

Летапісам жыцця, працы і барацьбы беларускага народа, квітнеючым садам, у якім сабраны самыя дарагія каштоўнасці мастацкага слова, называюць творчасць Янкі Купалы. У 1905 г. у газеце "Северо-Западный край" быў надрукаваны першы верш паэта "Мужык". У 1908 г. у Пецярбургу выходзіць з друку першы паэтычны зборнік Я. Купалы "Жалейка", вершы якога ствараліся на самым грэбні рэвалюцыйных падзей 1905-1907 гг. У вершы "Там" (са зборніка "Жалейка") Я. Купала заклікае беларускі народ "прачнуцца" і змагацца за сваё вызваленне, а ў вершы "Ворагам Беларушчыны" паэт ведзе гаворку аб гістарычным праве беларусаў на сваю незалежнасць, на свабоднае развіццё беларускай мовы. У 1910 г. таксама ў Пецярбургу быў выдадзены другі зборнік паэта – "Гусляр", а ў 1913 г. трэці - "Шляхам жыцця". Акрамя гэтых твораў, Я. Купала ў даваенныя гады напісаў паэму "Курган" (1910), камедыю "Паўлінка" (1912), драму "Раскіданае гняздо" (1913) і інш.

Глыбінныя зрухі ў беларускай літаратуры ў пачатку XX ст. звязаны з імем Я. Коласа. Літаратурную дзейнасць ён пачаў у 1906 г., калі напісаў свой першы верш "Наш родны край". У ім, як і ў пазнейшых творах "Вёска", "Наша сяло", "Ворагам" паэт заклікаў бедны народ не гнуцца перад багатымі, не спадзявацца на іх дапамогу, а самому быць кавалём уласнага шчасця. Паэзія Я. Коласа была поэзіяй тугі і смутку. Невыпадкова свой першы зборнік вершаў паэт назваў "Песні жальбы" (1910). Самабытны талент Я. Коласа знайшоў сваё бліскучае праяўленне і ў прозе. У ранніх апавяданнях пісьменнік адлюстроўвае розныя бытавыя з'явы і падзеі ў беларускай вёсцы, абуджэнне свядомасці працоўнага сялянства, рост яго стыхійнага пратэсту, ставіць вострыя палітычныя і сацыяльныя пытанні (апавяданні "Бунт", "Нёманаў дар", "Малады дубок"). Вяршынай паэтычнага майстэрства песняра з'яўляецца паэма "Новая зямля", над якой паэт пачаў працаваць у 1910 г., а закончыў – у 1923 г. У сваёй аснове паэма аўтабіяграфічная і невыпадкова яе называюць энцыклапедыяй жыцця беларускага сялянства ў дарэвалюцыйны час [11, с. 154].

Значны ўклад у развіццё літаратуры пачатку XX ст. ўнёс малады паэт М. Багдановіч. Як беларускі паэт, перакладчык, крытык і гісторык літаратуры ён зрабіў шмат і назаўсёды застанецца ў нашай культурнай спадчынне, нягледзячы на тое, што пры жыцці паэта выйшоў толькі адзін зборнік вершаў – "Вянок" (1913). Паэт спрыяў

замацаванню ў грамадскай думцы галоўных паняццяу, стасавальных да нацыянальнага развіцця: “Беларусь”, “беларускі народ”, “беларуская нацыя”, “Бацькаўшчына”, “беларуская мова”, “беларуская культура”, “беларуская інтэлігенцыя” [8, с. 227].

Дзякуючы намаганням М. Багдановіча (паэт таксама працаваў у галіне мастацкага перакладу – М. Шчаўлінскі) беларускі чытач мог пазнаёміцца з творамі старажытных рымскіх аўтараў Авідзія і Гарацыя, нямецкіх – Ф. Шылера і Г.Гейне, французскага – П. Верлена, рускіх – А. Пушкіна і А.Майкава і інш. [12, с. 200].

Адной са значных постацей на ніве беларускай літаратуры пачатку XX ст. з’яўляецца М. Гарэцкі. Ужо ў ранніх творах “Наш тэатр” (1913), “Развагі і думкі” (1914) ён зрабіў важкі ўклад у развіццё беларускай і грамадскай думкі: вылучыў праблемы духоўнага сталення нацыі, актывізацыі глыбіннага гісторыка-культурнага патэнцiала беларусаў, росту іх нацыянальнай самасвядомасці, узнаўлення гістарычнай памяці, пераадолення комплексу нацыянальнай прыніжанасці. М. Гарэцкі таксама абгрунтаваў грамадскае прызначэнне беларускай літаратуры, культуры, інтэлігенцыі, сфармуляваў задачу “культурнаадраджэнскіх сіл” [8, с. 225]. Многія творы М. Гарэцкага выдадзены на рускай, украінскай, літоўскай, латышскай, польскай і нямецкай мовах. Сапраўднымі сцяганосцамі беларускай літаратуры гэтага часу, акрамя вышэй указаных, з’яўляліся А. Пашкевіч (Цётка), К. Буйло, Я. Журба, А. Гарун, А. Гурло і іншыя.

Прыкметныя зрухі ў разглядваемы перыяд адбыліся і ў развіцці беларускага кнігадрукавання. У 1905 г. царскія ўлады пасля працяглага часу скасавалі забарону на беларускамоўныя публікацыі. 5 мая 1906 г. было ўтворана выдавецкае таварыства “Загляне сонца і ў наша ваконца” [13, с. 131]. Ініцыятарам заснавання суполкі быў Б. Эпімах-Шыпіла. У склад суполкі таксама ўвайшлі: І. Вінцук, У. Калашэўскі, У. Сталыгва, Ю. Іваноўскі і іншыя. Паводле ўмовы, якая была зацверджана 13 мая 1906 г., таварыства ўстанаўлялася для таго каб ”друкаваць і шырыць памеж людзёў ксёнжкі беларускія і ўсё, што датыча Беларусі” [14, л. 1]. Нягледзячы на цэнзурныя перашкоды і цяжкае становішча, суполка за няпоўныя восем год існавання выпусціла цэлую бібліятэчку беларускіх кніг – каля 40 назваў агульным тыражом звыш 100 тысяч экзэмпляраў.

Актыўна ў той жа час працавала выдавецтва “Нашай нівы” (1907-1913) [18, с. 211]. Пачынаючы з 1910 г., “Наша ніва” выдавала вельмі папулярны “Беларускі каляндар”, тыраж якога дасягаў 20 000 экземпляраў. У календары быў раздзел “З роднай нівы”, дзе друкаваліся мастацкія творы беларускіх пісьменнікаў; складальнікі таксама шырока выкарыстоўвалі народныя прыкметы, беларускія жарты, прыпеўкі. Двойчы на мясцовых сельскагаспадарчых выстаўках “Беларускі каляндар” атрымаў срэбны медаль, высока ацэньвалі яго рускі, украінскі і польскі друк. Напрыклад, прафесар А. Пагодзін пісаў: “Нашым выдаўцам каляндароў для народа варта было б звярнуць увагу на штогоднія каляндары, якія выпускае “Наша ніва”. Гэтыя каляндары праводзяць сапраўдную культурную работу” [13, с. 144]. 15 снежня 1908 г. у Вільні пачало сваю дзейнасць беларускае выдавецкае таварыства “Наша хата”. У склад новай віленскай суполкі ўвайшлі В. Бонч-Асмалоўскі, А. Уласаў, Б. Даніловіч, І. Луцкевіч, І. Манькоўскі і К. Цэтэрман. Знаходзячыся ў Вільні, “Наша хата” выдала 6 кніг агульным тыражом 15 тысяч экземпляраў.

Значную ролю ў развіцці беларускага кнігадрукавання адыграла заснаванае ў Вільні 1 ліпеня 1913 г. “Беларускае выдавецкае таварыства”. Яго заснавальнікамі былі Б. Даніловіч, І. Луцкевіч і К. Шпакоўскі. Ва ўмове было адзначана, што новае таварыства “мае мэтаю выданне і распаўсюджванне кніг, брашур, плакатаў і ўсялякіх выданняў (перыядычных і іншых) на беларускай мове, а таксама прац, якія маюць адносіны да Беларусі, на іншых мовах” [15, л. 49-50]. Толькі за 1914 г. таварыства выпусціла ў свет 13 кніг тыражом 42 тысячы экземпляраў. Такой вялікай колькасці беларускіх кніг, як па назвах, так і па тыражы тады не выдавала за год ні адно выдавецтва [13, с. 147]. Акрамя гэтых выдавецтваў, у 1908-1914 гг. дзейнічалі: “Грамада”, “Беларус”, “А. Грыневіч”, “Палачанін” і інш. Усяго за адзначаны перыяд беларускія выдавецтва выдалі 77 кніжак агульным тыражом 226 000 асобнікаў [16, с. 432].

Такім чынам, развіццё культуры Беларусі ў пачатку XX ст. дасягнула значных поспехаў. Нягледзячы на розныя перашкоды як з боку афіцыйных царскіх улад, так і з боку польска-клерыкальных колаў, беларуская дэмакратычная інтэлігенцыя працягвала барацьбу за нацыыянальна-культурнае адраджэнне, якая ва ўмовах адсутнасці ў беларусаў сваёй дзяржаўнасці, самастойных формаў палітычнага і эканамічнага жыцця з’яўлялася найбольш важным аб’ядноўваючым

фактарам, садзейнічала захаванню этнічнай самабытнасці беларускага народа. Асабліва значную ролю ў справе нацыянальнага адраджэння адыграла літаратура. Значна актывізавалася ў той час кнігадрукаванне.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Цуба, М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг) / М.В. Цуба. – Брэст: “Выд-ва С. Лаўрова”, 2003. – 196 с.
2. НАРБ. - Фонд 295. – Воп. 1. - Спр. – 7509.
3. Цьвікевіч, А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў Х1Х і пачатку ХХ в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: “Навука і тэхніка”. 1993. – 352 с.
4. Сташкевіч, М. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец ХІХ ст. – люты 1917 г. / М. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. - № 3. – С. 18-23.
5. НАРБ. – Фонд 2649. – Воп. 1. - Спр. 51.
6. Літвінёнак, Р. С. Польскія партыі сацыялістычнай арыентацыі ў Беларусі і Літве (90-я гады ХІХ – пачатак ХХст.) / Р.С. Літвінёнак // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 1998. - №4. – С. 54-61.
7. Prawda. Warszawa. – 1910. - № 39 – S.2.
8. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – Мінск: “Беларуская навука”, 2003. – 444 с.
9. Турук, Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – Москва: Типография “Под/отдела Инвалидов”, 1921. – 143 с.
10. Чаму плачэ песьня наша? // Наша ніва. – 1913. – 26 ліпеня.
11. Старычонак, В.Дз. Беларуская літаратура / В.Дз. Старычонак. – Мінск: “Вышэйшая школа”, 2001. – 350 с.
12. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: «Современная школа», 2008. – 512 с.
13. Александровіч, С.Х. Пуцявіны роднага слова / С.Х. Александровіч – Мінск: “Выд-ва БДУ”, 1971. – 248 с.
14. Беларускі дзяржаўны музей літаратуры і мастацтва (Далей - БДМЛМ). Фонд 3. - Воп. 1. - Спр. 93.
15. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 99.
16. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. – Мінск: “Беларусь”, 1994. – Т. 1. – 527 с.

ТРАДЫЦЫЙНАЯ ЎНУТРЫСЯМЕЙНАЯ АБРАДАВАЯ САЦЫЯЛІЗАЦЫЯ ДЗЯЦЕЙ У БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХХ СТ.

Якубінская А. Дз.,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Сацыялізацыя дзяцей у беларускіх сялян адбывалася ў межах сям'і праз ўдзел дзяцей у сямейнай абраднасці. Традыцыйная сямейная абраднасць беларусаў складалася з радзінных, пераходных, вясельных і пахавальных абрадаў.

На першым годзе жыцця дзіцяці спосабы і сродкі забеспячэння здароўя дзяцей шчыльна перапляталася з радзіннымі абрадамі, сярод якіх важнейшая роля ў сацыялізацыі дзіцяці надавалася абрадам пасляродавага цыкла. Радзінныя абрады ўяўлялі сабой комплекс адпаведных рытуальных дзеянняў, якім спадарожнічалі фальклорныя формы. Наогул, рытуал выконваў функцыю сацыялізацыі індывіда, якая мела дысцыплінуючы, падрыхтоўчы характар [4, с. 31]. Рытуалізацыя неабходных пасляродавых гігіенічных дзеянняў садзейнічала таму, што дзіця з моманту нараджэння пачынала ўспрымаць этнаспецыфіку традыцыйнай культуры [10, с. 52]. Таму мэтазгодна разглядаць абрады пасляродавага цыкла як першы этап сацыялізацыі. Немаўля павінна было прайсці шэраг рытуалаў, асноўная мэта якіх - "ператварыць" яго ў чалавека [4, с. 41]. Сістэма абрадаў пасляродавага цыкла з удзелам дзяцей складалася з такіх абрадаў, як "радзіны", "адведзіны", "хрэсьбіны", "мураванкі", "пастрыжыны". Усе іх дзеянні былі накіраваны не толькі на прыстасаванне дзіцяці да здаровага ладу жыцця і стварэнне неабходных умоў для гэтага, але і на ўключэнне дзіцяці ў культурнае асяроддзе сям'і і сялянскай грамады.

Увогуле, абрады пасляродавага цыклу можна назваць шляхам дзіцяці да "ачалавечвання". У другой палове ХІХ – першай палове ХХ стагоддзяў у сялянскім асяроддзі перавага аддавалася нараджэнню сыноў. Гэта было звязана з сацыяльна-эканамічнымі прычынамі. Так, атрыманне сынам ў спадчыну бацькоўскай зямлі і гаспадаркі садзейнічала росту дабрабыту ўсёй сям'і. І наадварот, дачка звычайна пакідала бацькоўскую сям'ю і пераходзіла жыць да мужа, пры гэтым забіраючы з сабой пэўную долю. Аб гэтым

сведчыць і той факт, што, напрыклад, у Магілёўскай губерні дзіця мужчынскага полу да хрышчэння называлі "багданькай" [1, с. 111]. Напэўна, назва ўтварылася ад выразу: "Бог даў" і падкрэслівала, паводле веры сялян, надзвычайную прыхільнасць Бога да бацькоў, у якіх нараджаўся сын. У Віцебскай губерні дзяўчынку называлі "чаропкай" [2, с. 5]. На Віцебшчыне зафіксавана адпаведная прымаўка: "мужчынка родзіцца на камешку, а дзяўчынка на чаропцы" [14, с. 2].

Першым этапам на шляху да "ачалавечвання" можна лічыць абрад радзін, які пачынаўся з абразання пупавіны. Пупавіну хлопчыка абразалі на дубовай калодзе, каб ён быў моцным, на тапарышчы, каб добра сек дровы, на кнізе, каб быў граматным, а пупавіну дзяўчынкі – на альховай калодзе, праніку, верацяне, каб яна была "ахвоча", як адзначае М.Я. Нікіфароўскі, да жаночых відаў работы [13, с. 13]. Сямейная традыцыя звязвала пупавіну і з інтэлектам дзіцяці: у пяці-шасцігадовым узросце ў некаторых мясцовасцях Беларусі дзецям прапаноўвалі развязаць пупочны вузел ва ўзросце шасці – васьмі год, што сімвалізавала развязванне розуму [12, с. 46]. Рытуал абразання пупавіны акрэсліваў сацыяльную накіраванасць асобы дзіцяці, а таксама маркіраваў пераход да новага перыяду дзяцінства і адзначаў з'яўленне розуму ў "блазнаў" [17, с. 74].

Наступным важным этапам лічылася ачышчальная гігіенічная працэдура – абмыванне дзіцяці. Як усялякае першае дзеянне, першае купанне, на думку беларусаў, аказвала вялікі ўплыў на лёс і долю дзіцяці. Т.І. Кухаронак адзначае агульнабеларускі характар звычая класці ў ваду хлеб або зерне, якія з'яўляліся сімваламі сям'і і дабрабыту [11, с. 34]. Ваду пасля першага купання вылівалі ў хляве, каб вяліся свінні. Ёсць сведчанні, што ў некаторых мясцовасцях ваду вылівалі на вугал хаты, пад печ ці на ганак. Магчыма, выліванне вады пад печ сведчыць аб сімвалічным развітанні дзіцяці з "тым светам" [17, с. 75]. Раўнянне і праўленне цела мела шырокую распаўсюджанасць ва ўсходнеславянскіх народаў і адбывалася наступным чынам: размыўшы немаўля цёплай вадой, бабка клала яго на спінку і сцягвала ўперад накрыж пальчыкі ног да лакцей, потым паварочвала і сцягвала таксама пальчыкі рук з ножкамі, потым клала яго на далонь сярэдзінай цела, каб галава, ручкі і ножкі звісалі і трасла некалькі разоў [15, с. 142]. Галаву павітуха сціскавала

ў двух супрацьлеглых накірунках: з боку макушкі і падбародка і з боку ілба і патыліцы, абціскала нос дзіцяці, каб ён быў прыгожай формы [15, с. 141]. У другой палове XIX – пачатку XX стст. у Віцебскай, Мінскай, Магілёўскай губернях было распаўсюджана праўленне формы чэрапа немаўляці (ідэальнай лічылася круглая форма) пры дапамозе галаўных павязак, якія накладвала павітуха: хусткай звязваўся альбо лоб з патыліцай, альбо цемя з падбародкам на 2-3 дні да хрэсьбінаў [15, с. 156]. Працэс апранання дзіцяці завяршаў комплекс абраду радзін. Бабка-павітуха загортвала дзіця ў старую матчыну або бацькаву вопратку. Старыя рэчы бацькоў нясуць ідэю пераемнасці і перадачы соцыякультурнага вопыту з пакалення ў пакаленне [12, с. 51]. Выбар бацькоўскай або матчынай кашулі для першага спавівання вызначаў матрыманіяльную арыентацыю дзіцяці [8, с. 119]. Тут магчымы тры варыянты: бацькоўская вопратка выбіраецца незалежна ад полу; для хлопчыкаў выкарыстоўваецца бацькава, а для дзяўчынак матчына кашуля; для дзяцей выкарыстоўваецца вопратка супрацьлеглага полу [8, с. 119-120]. Ва ўсіх трох выпадках прасочваецца імкненне паўплываць на будучы лёс дзіцяці з аднаго боку, а з другога, забяспечыць правільнае наследаванне сацыяльных роляў: для хлопчыка – мужчынскай, для дзяўчынкі – жаночай [17, с. 76].

Існаванне ў беларусаў абраду “адведзін” (“водведак”, “адведак”) – наведванне замужнімі жанчынамі парадзіхі – з’яўлялася своеасаблівым прызнаннем сялянскай грамадой і яе жаночай супольнасцю факту наяўнасці дзіцяці і неабходнасці яго далейшай інтэграцыі ў сялянскае грамадства [12, с. 61].

Наступным важным адаптацыйным крокам было наданне дзіцяці знакавага чалавечага атрыбута - імя, іншымі словамі абазначэнне яго як чалавека. Разам з імем чалавек атрымоўваў набор станоўчых якасцей і сацыяльна-культурны вопыт, накоплены папярэднімі носьбітамі гэтага імя [12, с. 97]. У другой палове XIX – першай палове XX стст. наданне імя адбывалася пад час хрышчэння дзіцяці. Канчатковае далучэнне дзіцяці да свету людзей адбывалася падчас хрэсьбіннага абраду. Хросная маці дарыла дзіцяці важныя атрыбуты свету людзей – крыж, мятлік (рубашачку), пояс. Атрыманне крыжа, апрананне ў “мятлік”, спавіванне, абвязванне “спавівачом” (поясам) крыж-накрыж было не толькі прыкметай канчатковага “ачалавечвання”, яно завяршала працэс уключэння

дзіцяці з уласнымі правамі і абавязкамі ў сацыяльныя адносіны сялянскай грамады, вызначала яго этнічную і соцыяканфесійную прыналежнасць [17, с. 76]. "Мураванкі" ("жмурынкі") – сямейнае свята з нагоды купання немаўляці на трэці дзень пасля хрэсьбінаў і мірапамазання. Акрамя гігіенічнага ачышчэння, працэдура несла вялікі сакральны сэнс, які праяўляўся ў поўных глыбокай пашаны адносінах да таінства мірапамазання і святога міра, які бабка-павітуха змывала з дзіцяці. Абрад замацоўваў прызнанне за нованароджаным права адносіцца да яго як да сапраўднага чалавека, больш таго, абрад як бы сімвалізаваў пачатак хрысціянскай сацыялізацыі [17, с. 76].

Што тычыцца першых "пастрыжын", то трэба адзначыць, што беларусы валасы стрыглі першы раз ва ўзросце каля аднаго году. Абрад пастрыжын "меў на мэце забяспечыць дзіцяці ў будучым яго жыцці багацце, працоўныя навыкі, павагу іншых людзей, любоў да роднага дома" [11, с. 91]. Магчыма, пад уплывам хрысціянства адбылася пэўная трансфармацыя абраду пастрыжын. Бо ў Карэліцкім раёне Гродзенскай вобласці былі зафіксаваны наступныя дадзеныя: валасы пажадана было састрыгаць на царкоўнае свята Грамніцы, запальваць пры гэтым свечку і казаць малітву [2, с. 25]. Састрыжаныя валасы ці спальваліся, ці тапіліся ў вадзе, ці закопваліся ў зямлю, каб, з аднаго боку, чараўнікі не маглі зрабіць дзіцяці шкоду, а, з другога боку, гэта сімвалізавала нараджэнне новага чалавека [9, с. 91]. Гэты абрад указвае на рэшткі старажытных ініцыяцый.

Паколькі сацыялізацыя дзяцей у беларускіх сялян адбывалася ў сям'і, то сямейныя абрады, у межах якіх захаваліся рэшткі пераходных абрадаў, вызначалі працэс сацыялізацыі. Пераходныя абрады (ініцыяцыі) – гэта абрады, якія падкрэсліваюць важнасць моманту змянення статусу асобы і зацвярджаюць яе новае месца ў грамадстве [6, с. 254]. У традыцыйным грамадстве беларусаў змяненне статусу асобы таксама вызначалася такімі ініцыяцыямі на пэўных этапах жыццёвага цыклу. Сацыяльны статус дзяцей фіксаваўся пры дапамозе традыцыйных культурных сродкаў на розных узроўнях.

Важны этап працэсу сацыялізацыі – гэта пераходны перыяд, у які ўступалі дзеці ва ўзросце 6-8 год. У гэтым узросце адбывалася вылучэнне акрэсленых радзіннымі абрадамі палавых роляў

хлопчыкаў і дзяўчынак. Звяртае на сябе ўвагу той факт, што ў дачыненні да дзяцей ва ўзросце ад двух – трох да шасці – васьмі год назва “блазнота” ўжывалася без вызначэння полу дзіцяці і мела збіральны характар. Вылучэнне другога перыяду дзяцінства звязана з некаторым адасабленнем хлопчыкаў ад дзяўчынак ва ўзросце шасці – васьмі год і з’яўленнем новых назваў мужчынскага і жаночага роду адпаведна [17, с. 77]. Хлопчыка шасці – дзесяці гадоў называлі “блазн”, а дзяўчынку таго ж узросту “блазноўка” або “блазнотка” [5, с. 118]. Такім чынам, палавая дыферэнцыяцыя хлопыкаў і дзяўчынак у першую чаргу фіксавалася ў іх назвах, значыць на тэрміналагічным ўзроўні. У XIX – першай палове XX ст. штаны і спадніцу дзеці ўпершыню апраналі ва ўзросце 5-6 гадоў, што было значнай падзеяй у іх жыцці і таксама адзначала пераход да новай полаўзроставай ступені. Так, М.Я. Нікіфароўскі апісвае абрад апранання першых уласных штаноў хлопчыкам і першай уласнай спадніцы дзяўчынкай [13, с. 47]. Спачатку хлопчыку падсцілаліся старыя бацькавы штаны, а дзяўчынцы старая матчына спадніца і прапаноўвалася іх апрануць. Бацькі пільна сачылі за тым, якую ўпартасць праяўляюць падчас гэтага “складанага” працэсу іх дзеці, каб вызначыць працягласць іх веку. Пасля гэтага дзеці апраналіся ва ўласныя рэчы і, калі вопратка знашвалася, яе спальвалі. Такім чынам, абрад апранання першых уласных штаноў хлопчыкам і першай уласнай спадніцы дзяўчынкай сімвалізаваў замацаванне іх палавых роляў, адбывалася фіксацыя новага сацыяльнага статусу на побытавым ўзроўні.

А.К. Байбурын адзначае, што палавая ідэнтыфікацыя дзіцяці ў шасці – васьмігадовым узросце і змена “малочных” зубоў на карэнныя лічацца ў традыцыйных сялянскіх грамадствах усходніх славян прыкметамі “канчатковага ачалавечвання”, “з’яўлення розуму” і пачаткам далучэння да свету дарослых [3, с. 264]. Цікава, што ў беларусаў нават да цяперашняга часу, захавалася звычка малочныя зубы дзяцей закідваць на печ, звяртаючыся пры гэтым з адмысловым прыгаворам да мышы. Магчыма, такі звычай з’яўляецца рэшткамі старажытнага пераходнага абраду, які адзначаў змену сацыяльнага статусу дзіцяці. З аднаго боку, дзіця сімвалічна “развітвалася” са сваім месцам у жыллёвай прасторы сялянскай хаты – печчу, палком, а з другога – аддавала прадстаўніку “таго свету” хтанічнай жывёле прыкметы свайго

былога становішча – “малочныя зубы” [17, с. 78]. У гэтай сувязі трэба ўзгадаць адзначаны вышэй абрад развязвання пупавіны, які сімвалізаваў “развязванне розуму”. Такім чынам, пры дапамозе абрадавых дзеянняў адбывалася фіксацыя новай полаўзроставай ступені на сацыяльным узроўні.

Далей важным этапам працэсу сацыялізацыі з’яўляўся пераходны да падлеткавага перыяд - узрост дзесяць – дванаццаць гадоў. Рэшткі старажытных ініцыяцый захаваліся ў дачыненні да змены статусу дзяўчынак гэтага ўзросту. Прыкладна ва ўзросце дзесяці – дванаццаці год дзяўчаткі пачыналі насіць у якасці галаўнога ўбору вянок [13, с. 120]. Зафіксавана, што ў гэтым узросце на Віцебшчыне дзяўчынкі праколвалі вушы. Працэдура праколвання вушэй у дзяўчынак адбывалася толькі пры пэўных умовах і абставінах: падчас першых трох дзён тыдня напярэдадні Вялікадня, але не пазней палудня Вялікага чацвера [13, с. 132]. Праколваць вушы без сведкаў павінна была ўдовая родная бабка дзяўчынкі, або іншая жанчына яе гадоў і сацыяльнага статусу. Ранку да яе зажыўлення трэба было прамываць малаком роднай маці ці малаком іншай жанчыны-карміліцы. Завушніцы звычайна мелі форму кола. Кола ў беларусаў сімвалізуе жыццё і жывот цяжарнай жанчыны. Такім чынам, адбывалася фіксацыя пераходу да другой узроставай падгрупы ва ўзросце 10 год на побытавым узроўні. Апрананне вянка, працэс праколвання вушэй і ўвядзення завушніцаў з’яўляўся своеасаблівай адзнакай гатоўнасці дзяўчынкі да дарослага жыцця, да ролі жанчыны-маці. Той факт, што працэдуру праводзіла жанчына сталага веку і пэўнага сацыяльнага статусу, а ранкі прамываліся мацярынскім малаком, магчыма, магло сведчыць аб сімвалічным далучэнні дзяўчынкі да жаночай часткі сялянскага грамадства [17, с. 79].

Лічыцца, што кульмінацыяй абрадаў пераходу, што суправаджалі змену сацыяльнага статусу юнакоў, з’яўлялася традыцыйная вясельная абраднасць. Аднак і роля дзяцей у вясельнай абраднасці беларусаў мела істотнае значэнне, бо ўдзел дзяцей ў вяселлі заўжды быў пажаданы. У. М. Дабравольскі апісвае вясельны абрад “Касу расплятаці” наступным чынам: хлопчык ці дзяўчынка, звычайна родныя брат ці сястра нявесты, павінны былі расплесці яе касу, за што атрымлівалі ў якасці ўзнагароды ад “дружкі” тры капейкі [7, с. 215]. І.В. Казакова

прыводзіць дадзеныя аб абразанні сярпом касы ў нявесты яе малодшым братам [9, с. 91].

Увогуле, удзел дзяцей у вясельных абрадах лічыўся не толькі пажаданым, але і часта неабходным. Гэта было звязана з верай сялян у звышнатуральную "ўласцівасць" дзяцей station ўплываць на святы, звязаныя з пачаткам ці нараджэннем новай сям'і. На думку даследчыцы В.Н. Харузінай, гэта з'яўляецца праявай "сімпатычнай" магіі, калі падобнае выклікае падобнае [16, с. 47]. Што тычыцца саміх дзяцей, то ў вясельным абрадзе яны выступаюць у якасці аб'екта трансмісіі традыцыйных каштоўнасцей сялянскай грамады, асэнсоўваючы значнасць сваёй сацыяльнай ролі, а таксама ўсведамляючы такі важны пастулат, як залежнасць сямейнага шчасця ад наяўнасці дзяцей.

Традыцыйныя духоўныя і маральныя каштоўнасці сялянскай грамады вельмі цікавым спосабам праявіліся ў дачыненні дзяцей да пахавальных звычаяў і абрадаў, якія таксама ў пэўнай ступені маркіравалі змену сацыяльнага статусу чалавека. У канцы XIX ст. У.М. Дабравольскім у некаторых вёсках Смаленшчыны, дзе ў той час пражывалі этнічныя беларусы, была зафіксавана гульня, якую даследчык звязваў з пахавальнымі звычаямі [7, с. 307]. Падчас вясенняй паводкі дзеці кідаюць у ваду невялікія трэсачкі, каб тыя плылі і падскоквалі, прагаворваючы: "Пракаўзну бацьку! Пракаўзну матку! Пракаўзну бабу!" Існуе таксама паданне, што ў вялізным кургане ля вёскі Бароўскае Смаленскай губерні пахаваны змей-багатыр, якога доўга не хавалі пасля смерці [7, с. 312]. Пахавалі пачвару маленькія дзеці, якія прывезлі на ягоную магілу зямлю на курах і пеўніках. Прыведзеныя факты, магчыма, указваюць на сінкрэтызм свядомасці беларусаў, які праявіўся ў іх поглядзе на сацыяльную ролю дзяцей, якім прыпісвалася надзвычайная ўласцівасць мець сувязь з "тым" светам.

Такім чынам, сацыяльны сэнс абрадаў пасляродавага цыклу – інтэграцыя дзіцяці ў культурнае асяроддзе людзей, прызнанне яго сям'ёй, трансмісія традыцыйных культурных і хрысціянскіх каштоўнасцей (імкненне надаць целу гарманічную пабудову, прызвычайванне да здаровага ладу жыцця, арыентацыя на любоў да працы), наданне яму чалавечых атрыбутаў – вопраткі, імя. Удзел дзяцей у традыцыйнай вясельнай і пахавальнай абраднасці беларусаў сведчыць аб той надзвычайнай ролі, якая адводзілася ім у

сялянскай грамадзе: з аднаго боку, гэта вера ў звышнатуральную ўласцівасць дзяцей станоўча ўплываць на падзеі, звязаныя са сваткаваннем пачатку, а з другога боку, "нетрывалае становішча" дзяцей на зямлі.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Аникиевич, К.Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии / К.Т. Аникиевич / Могилёв. губ. стат. ком. – Могилёв: губ. тип, 1907. – 150 с.

2. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАНБ. – Фонд 6. – Воп. 14. – С. 137.

3. Байбурин, А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей / А.К. Байбурин // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. ст. / отв. ред. А.К. Байбурин [и др.]. – СПб.: Наука, 1991. – 318 с. – С. 257–265.

4. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 237 с.

5. Беларусы: у 8 т. – Мінск : Беларус. навука, 1995 – 2008. / Т. 5 / В.К. Бандарчык [і інш.]; рэдкал.: В.К. Бандарчык. – 2001. – 375 с.

6. Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард; пад рэд. П. Церашковіча. – Мінск: Тэхналогія, 1995. – 478 с.

7. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник / В.Н. Добровольский // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии.– 1893. – Т. 23. – Вып. 1. – Ч. 2. – 443 с.

8. Кабакова, Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья / Г.И. Кабакова // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М., 2001. – 318 с. – С. 107–129.

9. Казакова, І.В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / І.В. Казакова. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – 151 с.

10. Калачова, І.І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання: Этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі / І.І. Калачова. – Мінск: НІА, 1999. – 179 с.

11. Кухаронак, Т.І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў: канец XIX – XX ст. / Т.І. Кухаронак. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 124 с.

12. Маховская, И.С. Белорусская традиционная родинная обрядность в восточноевропейском контексте (кон. XIX – нач. XXв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. – Мінск, 1999. – 116 л.

13. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская тип., 1895. – 154 с.

14. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные предания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская тип., 1897. – 171 с.

15. Покровский, Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России / Е.А. Покровский // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1884. – Т. 45. – Вып. 2. – 232 с.

16. Харузина, В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни / В.Н. Харузина // Этнографическое обозрение. – 1911. – № 1–2. – С. 1–78.

17. Якубінская, А.Дз. Традыцыйная сацыялізацыя дзяцей беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX ст. / А. Дз. Якубінская. – Мінск: РІВШ, 2010. – 118 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Багдановіч А. Цэнзура як сродак ажыцяўлення палітыкі расійскага самадзяржаўя…………………..……………………………..3
Багалейша С.В. Расійска-літоўскі мірны дагавор 12 ліпеня 1920 г. і адносіны да яго беларускіх палітычных партый і арганізацый…..15
Бобков В.А. О геополитических возможностях Беларуси………26
Божанов В.А. Государственность Беларуси в 1990-1994 гг........31
Давидович А.В., Киселёва С.А. Пролеткульт и Октябрьская революция 1917 г..………………………………….52
Довнар Л.А. Прыватныя прамысловыя прадпрыемствы на беларускіх землях у 1921-1923-х гадах……………………….....58
Карбалевіч Н.М. Формы і механізмы грамадскай рэгуляцыі маёмасных адносінаў у традыцыйнай беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя…..……………...65
Кедрык Т.В. Прадметнае поле і метадалогія вуснай гісторыі………………………………………….75
Лепеш О.В. Содержание и итоги инвентарной реформы на территории Беларуси в 1840-1850-х гг………………………...85
Лойко А.И. Форматы культуры XX века, созданные конвергенцией науки, техники, искусства…………………………….95
Млечко Е.Н. Союз германских девушек: шаблонизация личности………………………………………………107
Мытько В.Г. Проблемы национально-государственного строительства в Беларуси после Октябрьской революции……..…114
Семёнова Л.Н. Об окончании капиталистической системы…..118
Смехович Н.В. Белорусская государственность: концепция и формы (опыт теоретико-методологического осмысления проблемы)………………………………………...…...128
Хромченко Д.Н. Тенденции, основные направления оборонно-массовой работы в Беларуси в 1920-1940-е гг………...150
Шчаўлінскі М.Б. Развіццё беларускай літаратуры і кнігадрукавання ў пачатку XX ст. (1900-1914 гг.)………………...159
Якубінская А. Дз. Традыцыйная ўнутрысямейная абрадавая сацыялізацыя дзяцей у беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стст…………………..167

Научное издание

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ

Подписано в печать 13.04.2018. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 8,00. Тираж 60. Заказ 240.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.